

Людмила Стасенко

Люди
и камни

Москва, «Лазурь»

ББК84(2Рос)
С48

Книга издана при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.
В рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Стасенко Л.И.
С48 Люди и камни. – М.:
издательство «Лазурь». 2011—144 с. ил.

ISBN 5-85806-068-4
(976-5-85806-068-0)

Книга Людмилы Стасенко «Люди и камни» предназначена для молодежи. В ней рассказывается об удивительно интересном мире камня, о разнообразии живой природы, Она богато иллюстрирована фотографиями камней, уникальных архитектурных памятников, горных массивов. Это помогает легко и с интересом воспринимать увлекательный текст и большую информацию. Книгу дополняют стихи известных поэтов и авторские стихи.

С $\frac{4083001201-(054)}{А69(02)-11}$ **Без объявл.**

© Издательство «Лазурь»

© Стасенко Л.И.

ISBN 5-85806-068-4
(976-5-85806-068-0)

Жизнь катилась по дням, как волна по камешкам, илифуя, сглаживая их неправильные формы, вымывая вкраплённости, выявляя цвет. Камешки на ладони — моя пёстрая жизнь — есть и белые, есть и чёрные, а серых сколько! Вот голубой — цвет юности... этот камешек красивое помнит. Малиновый гранитный кусочек! И тебе досталось от времени? Вон какой гладенький стал! А был, как неосознанный порыв! Горный хрусталь, тебе не повезло: море сделало твои прозрачные слёзы маленькими туманами, а простые кусочки стекла стали называться «слёзками». Чёрные, синие, розовые... Каких только нет!

Камни на ладони — моя пёстрая жизнь, мои потери и находки, добрые и злые люди, моя судьба.

Встреча с будущим

Всё началось с того далёкого дня, когда однажды, попав в минералогический музей, я не могла уйти оттуда. Музей уже закрывался, а я стояла у гигантской друзы аметиста, и сказочный сон наяву не давал мне сдвинуться с места.

— Чей ребёнок? — слышался голос дежурной. Никто не ответил, да и не мог ответить: я в музей пришла сама, это было недалеко от дома.

— Музей закрывается, просьба всем покинуть залы, — слышалось, как из-под земли, и никакого, казалось, отношения ко мне не имело. Худой, высокий человек, у которого на лице только глаза да нос различить можно было, остальное — всклокоченная грива, переходящая в бакенбарды, усы и бороду, — взял меня за руку и спросил:

— Нравится?

— Очень.

— Пойдём, я дам тебе камень на счастье.

Этим камнем был кусок уральского малахита, где на шлифованой грани произрастали диковинные леса.

— Придёшь в другой раз — повожу тебя по музею, а сейчас уже поздно, ступай домой, а то мама волноваться будет.

В следующий раз мой добрый знакомый — Георгий Иванович — разрешил мне войти за кулисы торжественных залов музея, в при- музейный двор. Я смотрела во все глаза, как взрослые люди отби- рали камни для витрин. Отходы они не выбрасывали, а откладыва- ли в сторону. Школьники и детвора поменьше, позабыв обо всём на свете, ворошили каменные груды, наполняя свои сумки и неболь- шие рюкзаки. Мне тоже разре- шили взять, что понравится. Я, растерявшись от радости, сказа- ла, что не знаю, что взять, — они все очень красивые, но их мно- го. Тогда Георгий Иванович вы- нес картонную коробку, разде- лённую на ячейки, положил в неё несколько образцов и круп- ными печатными буквами на- писал их названия.

— Теперь у тебя настоящая коллекция, — сказал он, — вер- нее, начало коллекции.

Слова оказались пророческими. С легкой руки Георгия Иванови- ча я начала собирать минералы и собираю их по сей день. Много со- бытий произошло в моей жизни, но все они шли на фоне влюблён- ности в красоту камня, желания понять и оценить то чудо, которое дала нам природа. А судьба не скупа была на единомышленников, сюрпризы, неожиданности, крутые повороты.

Камень истины и любви

Оглядываясь назад, в далекое прошлое, вспоминаю свою школь- ную учительницу — Софью Сергеевну. В ту пору порядки в школе были строгие, между учителями и учениками барьер стоял, как гор- ный хребет. А Софья Сергеевна была с нами на равных, хотя каж- дый из нас знал, что стоит она на высоком пьедестале. Преподава- ла она географию и руководила школьным краеведческим кружком. Вот где было раздолье: куда мы с ней только не ходили! Москва, Подмосковье и даже — дальние края. С нею многие из нас впервые

увидели море. Вот оно — голубой ладонью лежащее у подножья горы. И галька на берегу — вся голубая, и название места — Коктебель — в самую точку — Залив Голубых Теней. Зачарованно смотрим по сторонам.

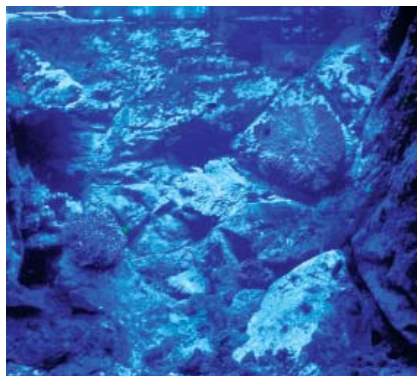
— Вон там, на высокой горе — могила художника и поэта Максимилиана Волошина. Смотрите, прямо над нею сокол в небе точкой застыл,— Софья Сергеевна смотрит вдаль, прикрыв глаза от солнца рукой, как козырьком. Тихая волна подкатывается к ногам, и сине-зелёная прозрачная плоть её превращается в кружевную пену. Утренняя прохлада, стиснутая сизыми горами, кажется тоже голубой. Я чувствую волнение,— это стихотворные строки Марины Цветаевой пришли на память:

*Кто создан из камня,
Кто создан из глины,—
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена,
Мне имя — Марина,
Я брэнная пена морская.*

— Мы сейчас пойдём с вами в Сердоликовую бухту,— говорит Софья Сергеевна,— если повезёт, что-нибудь, может, найдём.

Растянувшись ниткой по берегу, мы следуем за ней.

— Ты представляешь: мы находимся на дне моря, где когда-то бушевал подводный вулкан, а теперь это — Карадаг,— говорит всезнающий Костя, староста нашего кружка по прозвищу Магнит (за безупречную ориентировку на местности), мы в походе самые старшие, так как учимся в девятом классе, поэтому держимся чуть-чуть обособленно.

— Ребята, посмотрите по сторонам. Обратите внимание на причудливые формы Карадагских столбов. Это работа ветра по застывшей лаве. А вот кто-то отколол кусок от скалы, а там, — нет, вы только посмотрите! Это

же агат! Глыба агата! Нет, нет, с места вы её не сдвинете. Можно по кусочку отколоть.

Серо-молочного цвета, с тоненькими тёмными прожилками камень на ладони — крымский подарок, кусочек утихомирившейся стихии.

Полуденное солнце загоняет нас в море. Мы захлёбываемся от радости солёной водой, а сквозь прозрачную толщу её просвечивает дно — таинственный живой мир.

— Я краба поймал!

— Отпусти, пусть живёт!

— Ну да! Я его засушу!

— А у меня нога в водорослях запуталась!

— А я камень нашёл красный!

— Дай-ка!

— Сам ищи!

Слышу голос Кости:

— Надя! Плыви сюда! Посмотри, что я для тебя нашёл!

Все, что находил Костя, он отдавал мне, себе в коллекцию брал только повторяющиеся находки. Сейчас он вытащил со дна гальку вулканита, испещрённую пустотками:

— Для твоего аквариума, держи.

Серо-зелёный булыжник, сколько работало над тобой море, чтобы отполировать. Сколько тебе лет? Откуда родом? Может, тебя породил древний вулкан, края кратера которого смотрят теперь в зеркало моря, а может, странствующие волны принесли тебя издалека? А теперь тебе суждено стать обителем аквариумных рыб, родина которых — тихие заводи тропических рек Индии...

— Вот, наконец-то, приведу в порядок твой аквариум, сделаю в нём царство морское. Разрешишь?

— Подумаю.

Счастливое лицо Кости омрачилось. Набежавшая тучка закрыла солнце, длинная тень легла от горы на море.

Вечером, собравшись у костра, приуставши за день, мы молча слушаем, что рассказывает Софья Сергеевна. Нас десять человек, и каждый старается вытеснить того, кто рядом с нею сидит уже давно. На ладони Софьи Сергеевны — буровато-оранжевые камни, такие волшебные в свете костра. Сейчас она нам что-то расскажет.

— Давайте посмотрим наши сегодняшние находки в сердоликовой бухте. Начнем вот с этого буровато-молочного кам-

ня. Это — халцедон. Когда-то его так нарекли греки по названию одноименного античного города в Малой Азии, где он добывался.

— А сюда его волной прибило? — спрашивает Настя, худенькая, лёгкая, как воробышек.

— Карадаг — потухший вулкан. При его извержении образовался и халцедон, и все «родственники».

— Как это «родственники» у камней? — спрашиваем мы наперебой.

— А вот так. Смотрите.

Она разложила на траве недалеко от костра камни в один ряд и стала рассказывать тихо, загадочно, как мамы детям рассказывают сказки на ночь.

— Вот это — сердолик, сердца лик, как говорили на Руси. Солнечный, тёплый, добрый камень. Сердолик — камень истины и любви. По окраске он близок к солнцу. Считалось, что он утихомиривает гнев, отводит болезни, невзгоды, охраняет от заклинаний и колдовства. С древних времен его любили в Египте, на Ближнем Востоке, а также в Крыму, на Кавказе. В Грузии женщины предпочитали ожерелья из розового сердолика, а мужчины — из более тёмного. Об этом рассказывают археологические раскопки.

— А у меня тоже сердолик? — Лена разжимает ладошку, где лежит её находка. Лена высокая, прямая, Дима поддразнивает её, называя Веслом, но при этом явно ей симпатизирует.

— О, давай сюда! Недостающее звено есть. Это — сардер, желтовато-бурый, ближайший родственник сердолика, так же как и вот этот — сардоникс, красно-бурый. Названия всех их идет от города Сардиса, столицы древнего государства Лидии. Го-

род располагался на пересечении торговых путей из Индии, Европы, Египта. Здесь часто шёл обмен товаров, перепродавались драгоценные камни. На этих камнях люди издревле любили вырезать изображения. Такие резные украшения называются камнями.

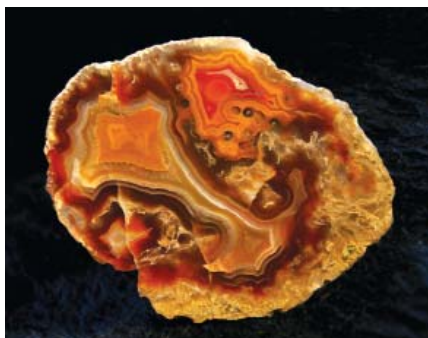
— О, я знаю! Вспомнила! В Эрмитаже есть камень Гонзаго. Там два профиля царя и его царицы, — говорит хорошенькая, остроносенькая Лёля. Дима её ласково называет Куколкой.

— Совершенно верно, Лёля, — такие вещи имеют большую историю, путешествуют по странам и континентам и где-то находят приют. Затем она берёт в руки маленький кусочек красного камня и направляет на него свет костра.

— Ой, как капля крови! — шепчет Даша, по прозвищу Шарик.

— Очень похоже. Да, это — карнеол. От латинского «карнеус» — мясо, так как цвет его напоминает сырое мясо.

А полосатый камешек — агат. На острове Сицилия, на реке Агатос, находили отшлифованные волнами такие вот камешки. Отсюда и название. Вот у Лены — агатовые сережки. Правда? Но не только как ювелирные украшения используются эти камни. Они твердые, прочные, из них изготавливают опорные призмы для точных весов, фильеры для протягивания тончайшей проволоки. И все это — одно семейство халцедона.

В костёр подбросили хвост. Он вспыхнул и осветил лица ребят. Все сидели как приворожённые. Правда, что камни обладают особой мистической силой, они притягивают к себе, привораживают.

— А за что любят драгоценные камни? — неожиданным диссонансом звучит вопрос Димы, недавнего члена нашего кружка. Дима остроумный, наблюдательный, но колкий, и за это получил от нас прозвище Колючка.

Софья Сергеевна минуту думает, собираясь с мыслями, мы растерянно ждём, что она ответит; вроде все мы любим камни, а вот за что, так сразу не ответишь.

— Да за красоту, наверное, — не выдерживаю я.

Софья Сергеевна одобрительно кивает головой, просит передать ей её рюкзак, достает оттуда толстую тетрадь и говорит:

— Эти места очень любил Александр Евгеньевич Ферсман, академик, минералог. Он написал много научных, но необычайно поэтичных книг. Недаром Алексей Толстой назвал Ферсмана «поэтом камня». Вот послушайте, что и как пишет Ферсман:

«Подобно красоте благоухающих цветов, красоте линий и форм, созданных творческим гением человека, я видел в камне заложенные в нём элементы красоты и гармонии, и мне хотелось извлечь сырой и неприглядный материал из недр земных и на солнечном свете сделать его доступным человеческому созерцанию».

Софья Сергеевна сидит по-турецки. Так отдыхают ноги и позвоночник. Кое-кого из нас она к этому тоже приучила. В костёр подкинули сушняк, и пламя взметнулось в чёрное ночное небо. Софья Сергеевна снова взяла в руки сердолики. Отсветы костра прошли по ним красным переливом. Выражение лица Софьи Сергеевны часто преобразается.

Тогда мне было непонятно, почему у некоторых людей лица меняются внезапно до неузнаваемости. Только много лет спустя я поняла, что так бывает у людей с очень напряжённой внутренней жизнью. Тогда мы ещё не представляли, как много ей приходится работать, готовиться к каждому походу, каждой беседе. Нам казалось, что она запросто, без труда, может из кладовой своей памяти рассыпать, раздаривать свои знания, и они, как искры, зажигали в наших душах любопытство и задор: узнать, увидеть, понять. Вот тень пробежала по лицу её, и мы насторожились: что-то она нам приготовила.

— Я снова вспомнила о сердоликах,— говорит она чуть дрогнувшим голосом. Мы придвигаемся ближе к костру,— так дети любят слушать сказки, а мы — нашу Софью Сергеевну.

— Я вспомнила,— говорит она,— этот камень любил Пушкин. С сердоликом связана вот какая история. Во время своего пребывания в Одессе Пушкин познакомился с графиней Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, женой Михаила Семеновича Воронцова, губернатора Новороссии, монарха Крыма, который выстроил великолепный дворец в Алушке. Нам предстоит побывать в нем. Поэт был глубоко увлечён этой умной, красивой и не очень

счастливой женщиной. Он посвятил ей ряд стихотворений. В его рукописях — тридцать рисунков с её изображением. Он говорил, что она стала одним из прототипов Татьяны Лариной в «Евгении Онегине». Если верить стихам и их переписке, влюблённый Пушкин достиг взаимности. Граф Воронцов настоял на высылке поэта из Одессы в Михайловское, ссылаясь на вольномыслие, эпиграммы и смелые стихи. При расставании Воронцова подарила Пушкину камешку, вырезанную на сердоликовом перстне, который он носил до самой смерти. Ему он посвятил строки, написанные якобы женщиной:

*«В нём таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
в бурю, в грозный ураган
головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман».*

Вначале воцарилась тишина. Слышалось только лёгкое потрескивание сухих веток в костре. Потом, будто угадывая наши мысли, Софья Сергеевна продолжила:

— Судьба перстня такова: на смертном одре Пушкин отдал его поэту Жуковскому, который завещал перстень своему сыну, потом камень перешел к Ивану Сергеевичу Тургеневу, а после его смерти Полина Виардо передала перстень в музей Царскосельского лица. После 1917 года след его затерялся.

Мы молчали. Что ж ты, солнечный камень, символ истины и любви, не уберег нашего Пушкина...

Костёр догорел, и мы разошлись по палаткам. Завтра с восходом солнца снова в поход. Утро — самое драгоценное время для путешественника: солнце ещё не распалилось, сил много, ход лёгкий. Как хорошо идти и видеть! Как радостно потом вспоминать увиденное! Крым — это сюрприз на каждом шагу.

Пройдя горными дорогами и берегом моря, мы вышли к Алушке, утопающей в зелени вечнозелёных растений, цветущих магнолий, пирамидальных кипарисов.

— Какая красивая мимоза! — восхищается Эля. Она собирает гербарий растений Крыма.

— Это не мимоза, а ленкоранская акация, — поправляет Софья Сергеевна. — Известно 750 разновидностей акаций. Они растут повсюду.

— У моей бабушки в Одессе в саду высокая белая акация, а не как эта, с оранжевыми зонтиками. Понюхайте, пахнет абрикосами, — обращается к нам Эля.

Костя подключается к разговору:

— А правда, Софья Сергеевна, что каратовое дерево — тоже акация?

— Ты и это знаешь!

— Да, в книжке о камнях я прочитал, что массу драгоценных камней древние греки определяли с помощью семян рожкового дерева, потому что каждое семя одинаково.

Мне тоже хочется похвалиться знаниями, уроки Георгия Ивановича не прошли даром.

— Один карат — это 200 миллиграммов!

— Какие вы у меня все умные! А кто помнит из наших уроков географии, как называется акация с самыми большими стручками?

Молчание. Разве мыслимо всё помнить? Софья Сергеевна достает свою шпаргалку — записную книжку. Там у неё всё есть.

— Вот, нашла, тоже ведь позабыла. Фламбуян! Растёт в тропических странах, стручки достигают одного метра. Видите, как полезно вести записи!

Природа Крыма разнообразна. Горные тропинки вспыхивают очаровательными мелкими розовыми степными гвоздиками и незабудками. В траве множество улиток, цикад.

А вблизи моря растут пальмы, олеандры, свечками стоят пирамидальные кипарисы, шарами — туя, можжевельник, подстриженными шариками — кустарник. Это самшит. Он растёт долго, древесина его плотная, тонет в воде. Вверху, на возвышенном месте, выступая из зелени, стоит красивый дворец, похожий на средневековый замок.

— Вот это и есть Воронцовский дворец, — говорит Софья Сергеевна. — Один из прекраснейших музеев дворцовой и парковой архитектуры. На обратном пути мы посетим его. Обратите внимание: он зеленовато-серый, как местный камень диабаз, из которого он построен. Камень добывался тут же, в парке. Послушайте, какие замечательные стихи посвятил ему Иван Бунин:

*К побережью моря длинная аллея
Ведёт вдали как будто в небосклон.
Там море подымается, синяя
Меж позабытых мраморных колонн.
Там на прибой идут ступени стройно
И львы лежат, как сфинксы, над горой;
Далёко в море важно и спокойно
Они глядят вечернею порой.*

Любуемся издали и поднимаемся в верхний город, который называется Кореиз. Далее тропа все круче уходит в горы. Меняется растительность, и вот мы попадаем в совершенно необыкновенное пространство. Какой запах! Воздух терпкий, свежий, прозрачный. Дышать-не надышаться! Вокруг растут высоченные сосны, ровнёхонькие, в струнку.

— Ребята, как вы себя чувствуете? Устали?

— Нисколько! Где легко дышать, там легко шагать!

— Верно. А дышать нам помогают эти замечательные крымские сосны. Они выделяют ароматные вещества — фитонциды, которые делают воздух почти стерильным. Это в свое время заметил замечательный доктор Сергей Петрович Боткин и рекомендовал эти места для оздоровления.

— Это он туристам советовал? — спрашивает Саша. Он всегда идет рядом с Лёлей. Лёля маленькая, а он высокий, поэтому, когда он наклоняется, чтобы что-то сказать, то раскачивается. «Как цапля», — сказал однажды Дима, как прилепил.

— Туристов в ту пору не было, а советы давал самому царю Николаю II.

— Значит, мы идем царской дорогой?

— Совершенно верно! И не только царской! В этих местах бывал замечательный русский писатель Иван Алексеевич Бунин. Но об этом после.

Мы чувствуем себя современниками всех великих людей, проходивших по этим тропам, соприкасаясь с их временем, а помогают нам в этом растущие повсюду сосны, дубы, липы, тис. Какой здоровенный, кряжистый, замшелый! Уж он-то всех царей наверняка помнит! Тис ягодный! Сколько тебе лет? Тёмно-зелёная хвоя твоя всё ещё блестит на солнце, а ствол стал обителью мхов и лишайников.

Наш поход продолжается. Вдруг в тишину заповедника проникает шум. Чем дальше идем, тем шум сильнее. Что это? И вдруг нашему взору открывается водопад.

— Это Учан-Су, — говорит Софья Сергеевна, — вода падает с высоты 98 метров. Сейчас воды немного, потому что сухо. А вот в дождливый период, это настоящий горный поток.

Как красиво: прозрачная струя будто бы повисла в воздухе.

—Этому водопаду, название которого в переводе с тюркского означает «Летящая вода», Бунин посвятил свои стихи:

*Свежее, слаще воздух горный,
Невнятный шум идет в лесу.
Поёт весёлый и проворный,
Со скал летящий Учан-Су!*

Чище, прохладней воды не сыщешь. Что может быть лучше привала у водопада? Только поход! Мы держим путь к Ай-Петри (с греческого — Святой Петр), высота 1233 метра.

Впереди — Софья Сергеевна, рюкзак закрывает почти всю её маленькую фигурку, за ней длинный очкарик — Костя-Магнит, потом мы все в строгом порядке. Ритм задан, не сбивать шаг, следить за дыханием, не отставать. Чем больше пройдем, тем больше увидим.

Четыре крупных зубца и ряд мелких пиков уже хорошо обозначились. Кажется — рукой подать. Но не тут-то было! Расстояние в горах очень обманчиво. Скоро мы дойдем до вершины, а пока что...

— Окаменевшая ракушка! — радостно кричит Игорь, ещё один очкарик в нашей группе. Надо же очкарикам везёт! Он очень красивый, статный, но Дима почему-то прозвал его Моржом. — Здесь было море! Мы на дне его!

— Море неоднократно покрывало сушу и вновь отступало. Полтора — два миллиона лет назад последний раз оно оставило сушу,

и обнажился огромный, 600-метровый в высоту, коралловый риф, который теперь составляет вершину горы Ай-Петри! — объясняет Софья Сергеевна.

Солнце палит, тропинка вьется зигзагом, уводя всё выше.

— А почему мы не можем идти напрямик? — толстуха Даша устала, но ей не терпится поскорее взять вершину. Она вырабатывает характер: что трудно, то обязательно надо сделать как можно лучше и, по возможности, — быстрее.

— Напрямик нельзя, — назидательно говорит Софья Сергеевна. — Здесь на каждом шагу могут быть «каменные мешки». Давайте-ка на минуту присядем и поговорим об этом.

Мы сразу сообразили, что речь пойдет о «технике безопасности». Переглянулись и улыбнулись: ну, как же, если пойти не по тропе, то мы все нырнем в каменный мешок! Всем хороша наша учительница, но вот подстраховка её...

— Наверное, думаете, что я перестраховщица, — её лицо на мгновение стало каменным. Она что-то вспомнила. Но тут же взяла себя в руки и сказала:

— Здесь неподалеку — карстовая пещера Уч-Кес (Трёхглазка), все её три входа хорошо видны и обозначены. Сейчас мы туда пройдем, спустимся на 26 метров вниз и посмотрим подземное озеро.

— Ура! Мы будем купаться в подземном озере.

— Не думаю, — коротко заметила Софья Сергеевна.

Долго трудилась вода, попавшая под землю, разъедая горы и создавая в них пустоты, карстовые пещеры. Толщу известняка она продырявила, как крот землю. Холодом потянуло из входа в пещеру.

— Наденьте куртки! — скомандовала Софья Сергеевна. — Разомнитесь, сделайте несколько приседаний, на всякий случай возьмите с собой документы и деньги, рюкзаки оставьте здесь.

Чего-чего? Такой команды ещё не было. Но подчиниться придется. С усмешками и перемигиванием выполняем приказ.

— Первой иду я, Даша — предпоследняя, Костя замыкает

Даша готова была вступить в спор, но, взглянув на учительницу, осеклась и подчинилась.

Было в нашей Софье Сергеевне то, что называется магией совершаемого. Это — сильная личность во всех обстоятельствах, это — постоянный контроль, знание и умение.

Немногим это дано. Она была педагогом от Бога, и потому спустя много лет вспоминаешь о ней с благодарностью, а в трудные минуты мысленно вопрошаешь: «А как бы поступила Софья Сергеевна?»

Спускаемся по крутой деревянной лестнице. Холодище! Дальше — больше: лестницы нет, надо сесть на корточки и по скользкому крутому склону съехать прямо к подземному озеру.

Но не у всех получается гладко: Дашу подстраховывает Костя, но и это не помогает, — от трения о склон дашины джинсы превращаются в рваные клочья. Вот и озеро: у берега — кромка льда, а на противоположной стороне на стенах намёрзший снег. Он остается с зимы и редко когда тает до конца. Желающих искупаться в озере пока нет. Ждём команды подниматься вверх.

О, Боже, как ярок твой свет после мрачного подземелья! Как прекрасно всё, что окружает нас! Мы молча продолжаем путь по протоптанной тропинке, понимая, что шаг в сторону может обернуться бедой. Таких карстовых пещер, подземных пустот, в Крыму — очень много, можно и впрямь попасть в беду.

— Ой, посмотрите, что я нашла! — Нина обрадована находкой — окаменелый аммонит, древний моллюск, на её дрожащей от волнения ладони. Она поглаживает его, нежно касаясь тонкими, красивыми пальцами. Она пианистка. И прекрасно поёт. Дима всегда к ней обращается нараспев: «Со-о-оловей мой!»

— Молодец,— хвалит её учительница, — наблюдательность — одно из необходимых достоинств исследователя, путешественника.

И вот, наконец, мы на вершине, на самом большом «зубце». Он во все и не острый, а там вверху большая плоская площадка. Здесь находится старинное здание метеостанции. А вот и глобус на гранитном основании, а на нем — Ай-Петринский меридиан: 44 градуса 28 минут северной широты, 34 градуса 05 минут восточной долготы.

Ой, как интересно! Это надо запечатлеть на века! Мы фотографируемся: нас десять пятнадцати-шестнадцатилетних ребят и наша дорогая Софья Сергеевна — маленькая, хрупкая, как девочка, меньше любого из нас, наш замечательный Учитель!

Мы стоим на вершине, и широкая панорама открывается перед нами. Мы видим пионерский лагерь «Артек» на фоне Медведь-горы (Аю-Дага), Мисхор, Симеиз, Кореиз, Алупку, Ливадию, а вон в конце, и Форос виднеется.

— Друзья мои, — говорит Софья Сергеевна, — пусть это небольшое восхождение станет для вас началом преодоления трудностей на вашем жизненном пути. Давайте придумаем наш девиз.

— Не оплошать! — выпаливает неожиданно для всех нас Даша.

— Не оплошать! — повторяем мы вслед за ней.

Сколько из нас помог этот мужественный девиз! Как сохранил он наше братство! Проведя нас через многие жизненные испытания, он не угас и по сей день.

— Делаем привал, ставим палатки, разводим костёр, готовим ужин.

Ложимся рано, завтра подъём в четыре утра. Встречаем восход солнца.

О, это незабываемо! В спокойной тишине чуть-чуть начинает светлеть, и сразу же оживает природа. Солнца ещё нет, но все вокруг напряжено ожиданием этого ежедневного чуда, когда багровый диск вдруг выползает из моря, раскаляясь и заливая светом море, берег, горы. Утро наполняется щебетом птиц, а душа — восторгом присутствия при рождении нового дня. И ты счастлив, что стоишь на вершине: весь мир перед тобой, вся жизнь впереди. И сколько ещё походов, вершин, находок и удивлений на твоём пути!

Осенью мы приносили отчеты о походах в школу. Казалось бы — почёт и уважение Софье Сергеевне. «Вперёд высовывается, орден получить старается», — шептались коллеги-учителя. А она не высывалась, просто не могла быть позади.

Много времени спустя я поняла, что чем сильнее личность, тем чётче обозначаются друзья и враги. Врагов и завистников у Софьи Сергеевны было предостаточно. Конечно, не от нее мы узнавали об анонимках, о тщательных проверках уроков, о нападках на педсоветах. Строгая, замкнутая, уверенная в себе, Софья Сергеевна держалась с достоинством. Когда ей бывало совсем худо, мы приходили к ней домой. В крохотной комнатке мы еле умещались. Всё здесь было строго распределено по сантиметрам. Только фотография мужа Софьи Сергеевны занимала много места: крепкий человек в обмундировании альпиниста, полубернувшись, смотрел на нас. Снимок был сделан перед походом на Алтай. Там, на перевале Коо, он сорвался в пропасть. С тех пор Софья Сергеевна жила замкнуто и одиноко. Нашему приходу она всегда радовалась. Мы рассаживались вокруг стола и за чаем вспоминали походы. Часто вспоминали поход на Ай-Петри. Это сейчас можно мигом добраться по канатной дороге Мисхор — Сосновый Бор — Ай-Петри. Протяженность её в два конца составляет три километра. Протянутая под углом 46 градусов, канатка является самым длинным безопорным и одним из самых высоких пролётов в Европе.

Да, подняться можно, увидеть можно, но почувствовать — нет. Только походы. Землю надо ногами чувствовать.

Волшебный мир камня

А пути-дороги всё манили и манили — в походы, в горы, на дикие скалы. Любовь к путешествиям сосуществовала с давней привязанностью к камням. Дома собралась уже большая коллекция. Георгий Иванович стал другом нашего дома. Я показываю ему свои трофеи и хвастаюсь:

— Вот здесь выставлены граниты. Обратите внимание на гамму цветов: от густо-красного, норвежского, до зелёного, амазонитового. А вот и сам амазонит — разновидность полевого шпата. Его использовали ещё индейцы доколумбовой Америки для украшения своих ритуальных масок, любили его в Древнем Египте, в Эфиопии. Надо сказать, что суждения о его названии разные: кто считает, что оно дано по реке Амазонке, другие — что зелёный цвет камня — любимый цвет амазонок, женщин-воительниц.

Я перехожу к другой витрине и, как настоящий экскурсовод, поясняю:

— Здесь находятся не ювелирные образцы изумруда и рубина, а эти красивые прозрачные кристаллы зелёного, лилового и синего цвета — флюориты.

Ловкачи-ювелиры нередко гранили их под изумруд, рубин, сапфир и дорого продавали.

— А почему он так называется, знаешь?

Не знаю. Молчу.

— Известное физическое явление — флюоресценция, свечение под действием солнечных лучей, обязано своим названием флюориту. А сам флюорит происходит от латинского «флюор» — текущий. Он не только легко плавится сам, но и руда вместе с ним плавится легче, поэтому он используется в металлургии. Он очень красив, но хрупок и мягок, твердость его — 4, по десятибалльной шкале, поэтому в ювелирном деле он не используется. Все понятно?

Георгий Иванович улыбается. Мы молча смотрим на камни: вот брекчия, найденная возле Карадагских столбов, образовавшихся из застывшей лавы, вот уральские гранаты, напоминающие тлеющие угольки туристских костров, аметистовые друзы с Кольского полуострова, холодные, как полярные зори. Аметист с греческого — «непьяный», а я смотрю в глубину его, и голова пьяно кружится от счастья видеть, держать в руках кристаллы, рождённые, подаренные самой природой. Я горжусь своей коллекцией и жду от Георгия Ивановича похвалы. Он протирает свои очки и говорит:

— А знаешь ли ты, что...

Этот вопрос у нас в ходу с самого начала знакомства.

— Знаешь ли ты, что у римского императора Нерона был монокль по одним сведениям из хризолита, по другим — из изумруда. Он был такого глубокого зелёного цвета, что, глядя в его чистую глубину, глаза отдыхали от яркого солнца, от сверкающих белизной мраморных колонн. Нерон любил смотреть сквозь монокль гладиаторские бои. Ты должна знать, что зелёный цвет — самый приятный для глаз. Мы с удовольствием смотрим на траву и деревья. Это — цвет жизни, он никогда нас не утомляет и не раздражает. А на изумруды, — он берёт из коллекции изумруд, внимательно рассматривает его со всех шести граней, — да, на изумруды мы смотрим ещё охотнее, «потому что в сравнении с ними никакая вещь зеленее не зеленеет, они блеск свой распространяют далеко и как бы окрашивают около себя воздух. Они не переменяются ни на солнце, ни в тени, ни при светильниках и всегда превосходны, всегда блестящи».

— Георгий Иванович! Это же не про мой изумруд сказано, он непрозрачный, весь в трещинах.

— Плиний Старший, ученый древности, написавший «Естественную историю», знал, что говорил. А процитировал я тебе его для того, чтобы ты знала: красоту надо уважать и уметь её показывать. Твой камень хоть и не ювелирный, но знатного рода, а потому претендует на почётное место и должное освещение, а у тебя он в тёмный угол затёрт. Невежливо. Даже жестоко.

— Да, жестоко,— повторил он, подходя к окну.

Я заметила, что его отрешённый взгляд был направлен куда-то вдаль. Я невольно тоже посмотрела в окно: по газону важно расхаживали вороны. Не переводя взгляда, он тихо сказал:

— Видишь, зелёный какой, а не изумрудный всё равно, ухаживают плохо или земля не та. А в моём детстве была поляна — зеленее не сыскать — и когда она на солнце блестела росой и даже, когда, укрытая утренним туманом, слегка зеленела, я знал, что она самая-самая зелёная на свете. А потом её не стало...

— Куда же она подевалась?

— Её разорвало на мелкие клочки земли и живой травы...

— Во время войны? Да?

— Да. И когда я воевал, то мстил за неё, как за живого человека.

— А что там теперь?

— Образовалась глубокая воронка, на дне её открылись грунтовые воды. Много лет это было заброшенное место — руки не доходили сразу после войны, а потом городские власти решили расчистить пруд, сделать, как теперь говорят, зону отдыха. Вокруг зеленеет трава, а моя поляна навсегда под воду ушла. Вот такие дела,— закончил он и оторвал свой взгляд от окна, вернее, от того прошлого, которое он сейчас так ясно видел. После долгой паузы он вернулся к нашему разговору о камнях, о моей коллекции. С разных полок он взял три коробочки и положил их передо мной на столе. «Проборка будет,— подумала я,— интересно, за что на этот раз?» Георгий Иванович высыпал камни из коробок в три отдельные группы и погрозил мне указательным пальцем:

— Это ещё что такое?!

Я смотрю на гранаты красного, вишневого и зелёного цвета.

— Индийские лапидарии рассказывают: «Капли крови борьбы богов в небе падали в разгорячённый песок Ганги, где превращались в сверкающие ночью гранаты». Не правда ли, красиво сказано? А ведь гранаты — это целая группа минералов, из которых у тебя имеются: пироп, альмандин, андрадит и очень удачный сибирский демантоид. Совсем классика! Помнишь «Гранатовый браслет» Куприна? Там вот такой же был гранат. Так почему же ты родственников разметала по разным местам? Или ты считаешь, что вместе им тесно?

И, действительно, чего я их разметала? Георгий Иванович талантливый педагог. Пожурив меня за дело, тут же находит, за что и похвалить:

— А вот коллекция жадов у тебя вполне приличная.

— Я и сама знаю,— не очень-то уж скромно замечаю я.— Они очень интересные камни. В них много таинственного. А иначе почему бы еще в древние времена их предпочитали

другим камням. Недавно вычитала у китайского писателя Хиу Чина, как прославляли нефрит, уподобляя его свойства человеческим доблестям: блестящая, мягкая поверхность — добродетель человечества; его прочность — знание, разум; углы, которые нельзя пригупить — символ правосудия; чистый, прекрасный звук, который он издает, есть отголосок невыразимо божественной музыки — выражение счастья.

Из нефрита в Китае делали различные украшения, амулеты, музыкальные ударные инструменты-литофоны. Самый высший сорт зелёного жадеита, называемого «империал», ценится дороже изумруда. Нефрит — один из национальных символов Китая.

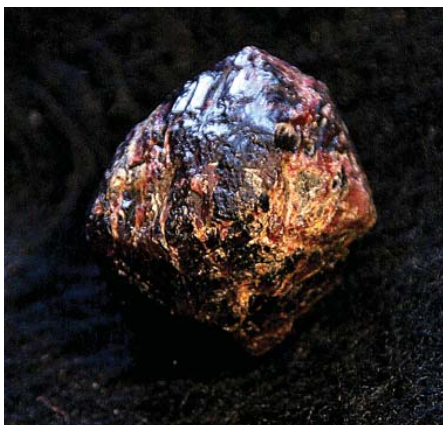
— Молодец, Надя. К этому можно еще добавить древнее изречение: «Что лучше золота? Нефрит. Что лучше нефрита? Чувство. Что лучше чувства? Разум. Что лучше разума? Бог».

Но не только в Китае любят нефрит. Во многих восточных странах ему также отдается предпочтение. Так, например, в Таиланде, в Бангкоке, в пределах Главного королевского дворца есть Храм Изумрудного Будды.

— Там на самом деле из изумруда сделан Будда?

— Представь себе — нет. Название не соответствует истине. Статуя Будды — работа мастера XV-го века. Он изображён в позе медитации, сидя. Эта статуя около полуметра в ширину и немного больше в высоту высечена из цельного куска красивого прозрачного тёмно-зелёного нефрита, очень похожего на изумруд.

— А вы там были и видели его?

— Да. На Востоке я бывал неоднократно и всегда привозил с собой множество... чего? — спрашивает он, улыбаясь.

— Впечатлений! — выпаливаю я.

— Молодец! Родственная душа.

Я рада, меня похвалили, ещё и в союзники взяли! Ну, теперь разговор коротким не будет.

— А расскажите, где вы больше всего камней видели?

— В Индии. Недаром туда стремились купцы, путешественники и захватчики. Там есть что посмотреть.

— А самое-самое?

— Это, конечно, мавзолей Тадж-Махал. Понимаешь, вся Индия, как резная драгоценная шкатулка, наполненная сокровищами. Резьба по камню присутствует там на каждом шагу. Огромный Красный Форт в Дели высечен из песчаника, из розового песчаника вырезан дворец в Фахтепуре. В Джайпуре есть Дворец Ветров «Хава-Махал», он тоже высечен из розового песчаника, причем резьба зачастую сквозная, такое впечатление, что это легчайшие кружева, а на самом деле — камень. А Тадж-Махал построен из белоснежного мрамора, с тончайшей резьбой, богато украшен самоцветами.

— А кто его построил и почему он так называется?

— Построил его в XVII-м веке император Шах-Джахан. Он был из династии Великих моголов, прибывших в Индию из Средней Азии и правивших 300 лет. Тадж-Махал — «Венец Дворца» — мавзолей, построенный в память о любимой жене Шах-Джахана Мумтаз Махал — «Избранницы Дворца» .

— А у него был гарем?

— Конечно. Как и у всех императоров его времени. Но Мумтаз он любил больше всех на свете. Ты знаешь, я в это поверил.

— Как? Потому что он много денег на это потратил?

— Нет. Денег он не просто много потратил, а всю казну отдал на строительство, которое шло 22 года, строили его 22 тысячи наемных работников, в мавзолей ведут 22 ступени. Чувствуешь? Это

число у индийцев магическое. Строили его и индийцы, и арабы, и персы, здесь нашли сочетания их архитектурные стили, поэтому говорят, что Тадж-Махал выстроен в стиле Мугал. Он, конечно, сказочно красив. Главное — его пропорции: высота равняется ширине фасада, а сам фасад прорезан огромными полукруглыми нишами с великолепными «кружевами». Всё это так. Но самое главное, что я испытал там, это ни с чем не сравнимое потрясение.

Георгий Иванович задумался. Вероятно, он подыскивал нужные, понятные слова для выражения своих чувств.

— Что же все-таки вас так потрясло? — спросила я, заметив, что Георгий Иванович даже изменился в лице.

— Видишь ли, Надя, на свете много красоты. Она вливается в нашу жизнь, обогащает её, воспитывает душу, образовывает. Но Тадж-Махал — это обитель сохранившейся любви. Да, да, именно так. Понимаешь, когда я прошел сквозь ворота, на которых написано изречение из Корана, заканчивающееся словами «Войди в мой рай!», я понял, что место соответствует приглашению. У меня дыхание перехватило, и мороз по коже прошёл, когда я увидел этот мавзолей и всё великолепие, окружающее его. Перед ним спокойно простирался бассейн с зеркальным отражением беломраморного

дворца, росли пирамидальные кипарисы, благоухали розы. Но это всё внешнее. Я чувствовал, что будто бы попал в другое пространство, я словно перенёлся в XVII-й век и был свидетелем происходящего. Вероятно, любовь живёт не только в людях, но и сохраняется окружающими предметами.

— Стены помнят, да? Неужели это возможно? Они же не живые.

— Вот именно. Это, так сказать, сохранение информации. Мы мало об этом знаем, а когда берёмся судить, то доказать свою правоту не можем, слов не хватает, потому что нет научных знаний. А вот мороз по коже в 30-градусную жару, несмотря на отвлекающие обстоятельства — толпы туристов — это не просто от воздействия неземной красоты, но и той любви, которая обитала здесь, да здесь и осталась. Большая любовь пережила века и сохранилась в каждом кружевном узоре мрамора, в инкрустации драгоценными и поделочными камнями. Фронтон мавзолея украшен роскошной гирляндой цветов из лазуритов, нефритов, сердоликов, малахита, бирюзы, агатов, оникса, амазонита, аквамаринов, гранатов и других камней. Тадж-Махал — это образ прекрасной восточной сказки, возвышенной и печальной.

Я слушала, как заворожеённая, рассказ Георгия Ивановича. Говоря о камнях, он часто рассказывал что-то из своей жизни: много работал геологом, преподавателем, прежде, чем стал музейным работником. Его рассказы западали мне глубоко в душу, и, хотя многого я тогда не понимала, но зерно было посеяно.

Мы можем говорить с Георгием Ивановичем целыми часами. Его отношение к природе священно. Даже по тому, как он берет в свои руки камень, нежно, осторожно рассматривая его, есть что-то от общения с живым существом. Так бережно берут новорождённого, боясь причинить ему боль, неудобство. Созданное природой не должно быть нарушено. Лучше не воссоздать. Природа — само совершенство. И Георгий Иванович мой — тоже само совершенство. Вот окончу школу, поступлю в геологоразведочный институт и буду совсем, как Георгий Иванович: камни, камни, камни и ничего, кроме них, мне не надо. «Для многих людей к высочайшему и совершенному созерцанию природы довольно единого только драгоценного камня», — читаю я в книге Плиния, которую дал мне на «пару дней» мой учитель. Да, быть мне геологом, и буду я из далеких экспедиций привозить диковинные камни и воспоминания, как те, что

часто во сне воспроизводили сказочную красоту Новоафонских пещер, где, как застывшая музыка, белоснежные сталактиты и сталагмиты замерли в вечности и тишине.

Несколько слов о минералах

В геологоразведочный институт я вошла, как в свой дом. Ещё бы! Столько раз Георгий Иванович водил меня по лабораториям и залам институтского геологического музея. Однокурсники заметили, что седой, тощий, высокий преподаватель по курсу общей геологии не скрывает своего знакомства со мной. Вопросительные взгляды я ловила часто. Заступался за меня, как мог, Костя-Магнит, он тоже поступил и учился со мной в одной группе. Однако выручил, спас от недружелюбия Георгий Иванович. Он поручил мне провести ознакомительную экскурсию по музею.

— Мы с вами находимся в минералогическом музее Московского геологоразведочного института. Название минерал происходит от латинского «минера» — руда. В нашем музее хранятся десятки тысяч экспонатов, а выставлено только 25 тысяч; коллекция минералов достаточно разнообразна, — говорю я как настоящий экскурсовод, — наш музей — пример русской благотворительности: в 1759 году уральские горнопромышленники Демидовы передали свою коллекцию в дар Императорскому Московскому университету. Со временем музей «обрастал» камнями и стал третьим в России после музея Ферсмана в Москве и музея Горного института в Санкт-Петербурге.

— А музей имени Ферсмана большой? — неожиданный вопрос, но ответ у меня готов:

— Входит в пятерку мировых музеев, а в России является самым крупным, его коллекция содержит 150 тысяч экспонатов. История его создания такова: по инициативе Петра I в 1716 году был создан минеральный кабинет при Кунсткамере. Затем его коллекцию перевезли в Москву, и в манеже бывшей усадьбы графа Орлова разместили минералогический музей, который носит имя его основателя Александра Евгеньевича Ферсмана. Этот музей очень гостеприимный, у него даже есть «бесплатный день» — среда. А сейчас мы продолжим небольшую экскурсию в наш институтский музей.

Мы миновали коридор, и я пригласила присутствующих в просторный зал.

— Эта витрина, — сказала я, — посвящена меди. «Никаким минералом натура в земле так не украшается, как медными рудами», — говорил Михаил Васильевич Ломоносов. Посмотрите: будто распластаный медведь лежит — это крупный самородок чистой меди. Ещё больший — в музее Петербургского Горного института. А самый большой был найден в Северной Америке, возле озера Верхнего — 420 тонн. Вы, конечно, обратили внимание на зеленоватый оттенок самородной меди. Большинство минералов, содержащих медь, имеет такой цвет. Вот, например, малахит — один из главных медьобразующих минералов.

— Неужели из такого красивого камня медь выплавляют?

— Нет. Камень очень красивый. Используется в резных мозаичных работах. Родина лучшего в мире малахита — Урал. Процент содержания в нем меди достаточно высок, но медь в основном добывают из медного колчедана, так как в природе его гораздо больше, чем малахита. Но было время, когда в XVIII-м веке на Урале из него выплавляли медь. А затем для уральского малахита наступил «золотой век» в его художественной культуре.

— Я был в малахитовом зале в Эрмитаже, красота какая! — Вставил вихрастый паренёк, — ещё там вазы, столешницы.

— А в нашем музее богатая коллекция малахита из собрания графа Николая Петровича Румянцева. Вот, пожалуйста, в этой витрине и рядом, — пригласила я.

Когда мы проходили по залам, моё внимание привлек мальчишка — «лупоглазик». Он зачарованно смотрел на большой кристалл пирита и шептал: «Сколько золота!»

— Это не золото, — сказала я, — пирит — сульфид железа. Его название происходит от греческого «пирос» — огонь, потому что при ударе возникают яркие искры, в нём много серы, он служит для производства серной кислоты. А ещё из пирита получают железисто-окисные краски, нашедшие широкое применение в качестве антикоррозийного покрытия, например, ими покрывают корабельные корпуса. А вот сера самородная — кристалл ярко-жёлтого цвета со специфическим запахом. В витрине с пиритом, вы понимаете, она не случайно. В нашем музее довольно много представлено самородков. Это — самородок золота. Он небольшой. Рядом — золотинос-

ный песок реки Лены близ города Бодайбо. А вот — чёрный кварц с вкраплениями золота с Урала, из Березовского месторождения. Кстати, промышленная разработка золота начинается при содержании 5 граммов золота на тонну руды.

— А какой самый большой самородок золота?

— Самый крупный, известный истории, самородок найден в Австралии в середине XIX века — плоская плита в 93,3 килограмма. Её называли плитой Холтермана по имени владельца золотых приисков. Однако этот самородок был переплавлен, а из сохранившихся музейных экспонатов — уральский «Большой треугольник» массой в 36 килограммов. Он хранится в Алмазном фонде России.

— А где находится Алмазный фонд? — спросила девушка, приехавшая в Москву из Сибири, из далёкой деревни. Её предки были гранильщиками камней, и ей захотелось стать геологом, чтобы находить красивые камни.

— Он находится на территории Московского Кремля. Создание Алмазного фонда в 1924 году как общедоступного музея принадлежит также Ферсману. В институтской библиотеке есть его книги. Почитай, тебе понравятся.

Переходим в следующий зал. Здесь в витринах выставлен жемчуг: морской и речной. Жемчуг издавна был любимым украшением. Много речного жемчуга добывали в северных реках России. Им расшивали одежды царей, бояр, церковнослужителей, им украшали иконы и короны. Редким по красоте и величине жемчужинам присваивали имена.

Одной из самых знаменитых жемчужин является «Перегрина», найденная в XVI веке у берегов Панамы. Её масса составляет 12,6 граммов. Она принадлежала испанскому королю Филиппу II, а затем, в XIX-XX веках находилась в коллекции князей Юсуповых.

Посмотрите внимательно, как красиво светится жемчуг. Он сложен из тонких арагонитовых пластинок. В результате явлений интерференции и дифракции света он красиво играет на свету. Жемчуг имеет до ста двадцати оттенков — от самого светлого, «чистой воды», до чёрного, очень редкого, с металлическим блеском. Наиболее ценны жемчужины правильной сферической и грушевидной формы. Лучшие из них хранятся в Эрмитаже, в Оружейной палате, в Алмазном фонде. Интересно отметить, что самая большая жемчу-

жина в мире «Жемчужина Аллаха», массой в 6,35 килограмма, была выловлена в Южно-Китайском море, у Филиппинских островов. Она действительно была очень похожа на голову магометанина в чалме. Владельцами жемчужины стали нью-йоркские ювелиры. К сожалению, особой ценности она не представляла, так как была лишена перламутрового блеска — необходимого условия драгоценного жемчуга.

Вихрастый мальчишка-«лупоглазик» буквально прилип к витрине, расплющив нос о стекло. Видно было, что забрёл он сюда случайно и околдован камнями музея. Его лобастая головёнка, торчавшая на тоненькой шее, пробивалась сквозь плотное кольцо студентов. Мальчишка молча следовал от витрины к витрине, словно привязанный к моей указке.

— Помимо натуральных жемчужин представлены культивированные в Японии, в Китае, в Индонезии и Австралии. Они получены путем оперативного введения в раковину-жемчужницу маленького перламутрового шарика, который со временем обволакивается «жемчужным мешком» или «накром», как сказали бы ювелиры. Надо сказать, что ещё в XIII веке китайцы пробовали использовать жемчужные раковины для покрытия перламутром металлических фигурок Будды. Ныне культивированный жемчуг составляет 90% современной торговли жемчугом.

— А как отличить природный жемчуг от культивированного?

— В основном по различию в люминесценции и по дифракции рентгеновских лучей.

— Сколько стоит культивированный жемчуг?

— Его цена сопоставима с ценой хорошей бижутерии. В заключение нашей экскурсии я хочу показать вам железные метеориты. Камни с неба породили много легенд. Так у индейцев метеорит превратился в духа огня, сошедшего на землю. Один из метеоритов, массой около пяти миллионов тонн, упал в США, в штате Аризона.

на, образовав кратер диаметром в 1,2 километра и глубиной в 174 метра.

Камни с неба произвели особое впечатление на присутствующих. К ним разрешают прикоснуться. Как будто с вечностью в контактходишь. Я показала обломки Сихоте-Алинского метеоритного дождя, упавшего 12 февраля 1947 года в Приморском крае.

Я оглянулась на мальчишку, школьника. Он испуганно смотрел в потолок, будто боялся, что оттуда может упасть метеорит. Когда я закончила экскурсию, то подошла к нему и спросила:

— Тебе нравится здесь?

Он молча кивнул.

— А у вас в школе собираются любители камней?

Он отрицательно помотал головой.

— Скажи мне номер вашей школы. Я приду к вам с камнями, у меня много, и мы сделаем маленький школьный музей.

Нет худа без добра, как и добра без худа

Сказано — сделано. В школу мы пришли вместе с Костей. Еле дотащили рюкзаки с образцами. Нас встретил знакомый «лупоглазик» и проводил меня к директорисе.

— Рада вашему приходу,— сказала она, улыбнувшись только губами, а глаза отвлечённо смотрели в сторону, будто бы не желая участвовать в происходящем.— Мы заинтересованы в расширении шефских связей, профильной ориентации, в непосредственных контактах, а также в кружковой работе, где могут проявить свои способности старшекурсники. У вас какой курс? Четвертый? Пятый?

— Первый.

— О, это меняет дело. Такая работа отнимает много времени для подготовки к беседам, а знаний у вас ещё нет. Это может плохо повлиять на ваши учебные занятия. Так что сожалею...

Мне стало не по себе от мысли, что наша добрая затея может с ходу рухнуть.

— Но я пришла с другом, он четверокурсник,— выпалила я,— он там с камнями в вестибюле.

— Аделаида Адамовна, она про камни всё знает, целый час студентам рассказывала, разрешите ей,— вступился за меня мой сопровождающий.

— Нет, нет. Только старшекурсник. Сегодня, так и быть, можете провести, в качестве исключения, занятие совместно. Пойдёмте, я покажу, где можно работать.

Она встала. Её фигура удивительно напоминала палку, очень тощая и высокая, облаченная в узкое жёлто-коричневое платье, на ногах — жёлто-коричневые туфли без каблуков. Костя, окружённый шумной оравой, еле успевал отвечать на вопросы и приглядывать за камнями. Когда мы подошли, он обрадованно сказал:

— Ну, наконец-то, а то я совсем запутался.

Директриса, не взглянув на камни, протянула Косте руку и голосом диктора на вокзале изрекла:

— Похвально, что накануне своего профессионального становления вы пожелали принести пользу школе. Первокурсников мы не берём,— она кивнула в мою сторону,— у нас уже бывали неприятности, тем более с девочками.

— Но я тут за компанию, а идея принадлежит вот кому,— Костя взял меня за руку и недоуменно посмотрел на директрису.

Тем же бесстрастным голосом, она, будто и не слыша замечания, продолжала:

— Вас, как человека опытного, пришедшего к финалу обучения, мы с удовольствием возьмем и даже будем вам платить.

— Не надо платить,— вмешалась я, поняв, что при оформлении оплаты тут же станет известно, что он не четверокурсник. — Он будет работать на общественных началах, так мне сказали в институте.

Когда ложь начинается, она тащит за собой другую, большую.

— Ну, что ж. Это очень благородно с вашей стороны, молодой человек, потому что фонды в школе, как, вероятно, вы знаете, крайне ограничены. Экономить приходится на всём. А теперь берите ваши камни,— она снова даже не взглянула на них, — кружок будете вести в «Уголке натуралистов». Вам покажут, где.

Я не знала, как и что будет впереди, но я была счастлива оттого, что могу оставить ребятам свои находки. Занятие прошло на одном дыхании. Мы еле смогли распрощаться с ребятами, они ещё долго нас провожали, величая по отчеству (это мы с Костей так, для шуточки придумали). Дольше всех не уходил «лупоглазик», а когда Костя

спросил, как его величать, он совершенно серьёзно ответил: «Александр Александрович». Когда мы, наконец, остались одни, я рассказала весь наш разговор с директрисой. Костя ахнул:

— Что теперь делать? Ведь не завираться же дальше. Не добывать же справку за 4-й курс, да и как? И ребят бросать нехорошо, они такие любопытные.

— Знаю, что делать. Я виновата, мне и выпутываться.

Я позвонила Софье Сергеевне и попросилась к ней в гости. Её я застала за изучением тибетской

медицины. Заметив мое удивление, она объяснила:

— Видишь ли, я стала прибалывать. Пробовала лечиться — ничего не помогает. А дел много. Жить надо. Вот достала эту книгу, — на сафьяновом переплете золотым тиснением — «Тибетская медицина». — Здесь много рецептов, совершенно не подходящих нам, но меня глубоко заинтересовала главная мысль: лекарством может быть всё, что существует в мировом пространстве: вода и воздух, смола и травы, мясо и молоко, жемчуг и кораллы, цветы и солнце — нужно только уметь взять это у природы и правильно использовать. Я заинтересовалась янтарем. И что ты думаешь, я вычитала? «Янтарь богат солями янтарной кислоты, которая является неспецифическим биостимулятором: стимулирует нервную систему, употребляется как противострессовое, противовоспалительное и антитоксическое средство». Или коралл, например. Ты никогда не задумывалась, почему так распространены коралловые украшения в странах с жарким климатом?

— Привычное тяготение к красивому, а коралл красив, и его там много.

Софья Сергеевна чуть заметно улыбнулась, помолчала, видно концентрируя мысли и сделала логический переход от одних понятий к другим:

— Верно, то, что я рассказывала вам о красоте камней как о великом даре природы, безусловно, очень важно. Беден человек, не замечающий красивого. Но надо видеть не только внешнюю красоту, а и познать суть вещей — в этом назначение разума человека и

проявление его воли. Мудр Метерлинк, говоря: «Надо быть смелым, чтобы видеть скрытое». Смелые и открывают то, что недоступно другим. А раз мы сами не можем открыть, то нельзя оставаться глухими и слепыми к тому, что сделали для нас умные люди прошлого и настоящего. Вот здесь,— она указала абзац в книге о кораллах,— читай, что написано. «Из коралла выделяются биологически активные вещества, способные оказывать влияние на функции сердца, сосудов, предупреждают тромбозы, используются для лечения астмы. Особенно распространено лечение аллергии в жарких странах истолченным коралловым порошком». Да, всё существующее в мире дано нам не случайно. А главное — «ничего лишнего»,— как говорил древнегреческий мудрец Солон в VI веке до н.э.

Я смотрела на неё, склонившуюся над большим письменным столом, и думала: «Откуда в ней столько силы духовной, ума и способности к обобщению?..»

— Ну, так какие дела тебя ко мне привели? Ты ведь хотела со мной чем-то поделиться,— напомнила она мне.

— Я завралась,— коротко ответила я,— и выхода не вижу.

— На Востоке шутят так: когда нет выхода, надо искать новый выход.

Я рассказала всё, как есть. Её умные глаза погрузтели. Она вздохнула, видно, вспомнив что-то из своей работы.

— Меня, конечно, давно ничто не удивляет. Всё можно вписать в определённую схему и из любого казуса извлечь положительный опыт. Вот теперь, например, ты будешь знать, что ни одно доброе дело не проходит безнаказанно. Потому что добру противопоставлена реакция осторожных людей, считающих, что неизвестно ещё, как дело повернётся, а отвечать-то им. Конечно, это неделовой подход, но в руководстве такие люди, к сожалению, встречаются. У тебя выход один — поговорить с Георгием Ивановичем, чтоб он дал

хорошую характеристику Косте, а сама уж ты сойди со сцены. Потому что ложь и глупость наказуемы. А идти в школу сразу надо было с бумагами, а не с каменными богатствами. За оригинальность всегда расплачиваются. Но не горюй: всё ещё будет. Успеешь поработать в школе. (Как в воду глядела!).

Прощаясь, она мне сказала:

— Многое тебе предстоит впереди, — ты не стоишь на месте, а, значит, больше пройдёшь, увидишь, упадёшь, поднимешься, влюбишься, разочаруешься, — всё будет. Помни всегда стихи Феогида, древнегреческого философа VI века до н.э.:

*«Слишком в беде не горюй
и не радуйся слишком при счастье.
То и другое умей
доблестно в сердце нести».*

А жемчужины — врассыпную...

Кажется, ко мне пришла любовь. Он старше и умнее меня. И всё может. Мы познакомились в самолете месяц назад. Он говорит, что нам надо пожениться. Когда мама сказала, что всё-таки лучше бы подождать, он ответил, что ему не 18 лет и очень обиделся. А папа говорит, что самолётные знакомства — быстролётные. Георгий Иванович как-то стороной держится, Софья Сергеевна уходит от разговора. Ребята ко мне изменились, когда увидели, что я с ним на дачу на машине ехала. Ну и ладно. А мне он нравится, вернее, нравится, как он меня любит, оберегает, ухаживает за мной. Правда, что-то скучноватое проскальзывает иногда, а может, это просто грусть, оттого, что мы ещё не женаты. Но пройдут две недели — и никто меня не отговорит, я уже взрослая, самостоятельная, мне восемнадцать лет, — и мы сыграем свадьбу. У меня очень красивое платье и совсем невесомое... Только почему никак не выходит из головы ночной разговор родителей, услышанный случайно: мама плакала и сама себя успокаивала, а папа вдруг сказал: «И откуда только этот туз на нашу голову свалился?!»

* * *

...Звон разбитого стекла. Нет, не стекло — это зеркало разбилось на нашей свадьбе.

— Не к добру,— слышу шёпот, и сердце леденеет.

— Не обращай внимания,— говорит жених,— предрассудки, пережитки. Подойди к другому зеркалу и надень вот это. Прямо из Японии.

— Какая красота! Жемчужное ожерелье! Такое дорогое! Мне!

— Ты дороже всего на свете

Я улыбаюсь зеркалу, зеркало — мне. Вижу, как входит Георгий Иванович с букетом белых роз.

— Пусть этот день будет для тебя хорошим началом новой жизни.

Я прячу лицо в розы, их аромат опьяняет меня. Сегодня столько поздравлений, подарков! Но что случилось? Моя нитка жемчуга рвется, зацепившись за шип розы. Жемчужины — врассыпную. Костя пытается собрать разбежавшиеся шарики:

— Вот, возьми свои новые драгоценности,— говорит он. Я встречаюсь с ним взглядом. Боже мой, его глаза сухо блестят. Я молча беру жемчужины. Боюсь словом или движением

вызвать взрыв Костиных эмоций. Жених стоит рядом, умело скрывая раздражение. Мама и отец приглашают гостей к столу. Георгий Иванович и Софья Сергеевна должны сесть рядом с ними как самые близкие родственники. Георгий Иванович задерживается ещё на минутку.

— Твой камень — топаз. Возьми от меня на память и на счастье этот перстень. Его носила моя мама, а теперь носи ты. И не забывай — на счастье!

Свадьба была шикарная и очень скучная. За всё с лихвой было заплачено, но, как известно, веселье за деньги не купить.

И поселилась вместе с нами тоска за каменной стеной

С первых же дней жизнь моя стала круто меняться. «Зачем геология? Вдали от дома, от близких, неудобная жизнь скитальца. Разве

тебе плохо со мной?» «А как же камни? Они ведь живые! Как можно покинуть их?» «Несерьёзно. Детские разговоры. Я сам тебе буду каменной стеной.»

И поселилась вместе с нами тоска за каменной стеной... Серый беспросветный день. Похожий на сумерки. А всё-таки день, потому что до наступления темноты ещё далеко. Как воздуха — не хватает своих людей.

— Давай пригласим в гости Георгия Ивановича. Я так по нему соскучилась!

— Тебе недостаточно наших солидных, представительных знакомых? Что хорошего нашла ты в Георгии Ивановиче? — и презрительно вполголоса добавил:

— Если человек даже самой захудалой семьи создать не мог — на что он способен?

— А может, ему не нужна захудалая?

— Как это не нужна? Все люди должны быть женаты. Семья нужна для солидности, удобства и порядочности. Иначе даже за границу не берут. Сразу понимают — раз неженатый, значит, непорядочный. А что касается твоего Георгия Ивановича, то о нём и говорить нечего. Он старый и больной.

— Как это нечего?! Да это целый мир! А его судьба мне кажется трагичной. Наверное, одинок он не случайно. Видно что-то в молодости произошло, о чем он забыть не может, вот и живёт один. А знал бы ты, как его студенты любят.

— И студентки? Да?

Мне стало не по себе.

— Знаешь, с тобой неинтересно и невесело. Такая жизнь как хмурый день.

— А семья не для веселья. Семья — ячейка общества, а общество занято делами.

По окну забарабанил дождь. Как зябко и неуютно в этом огромном благоустроенном доме. Кто придумал электрокамин с его фальшивыми языками пламени? То ли дело потрескивающий туристский костёр, где каждый уголёк, как драгоценный камень, светится и играет, загорается, живёт и гаснет. Когда теперь повторится прелесть наших походов? Скоро у меня будет ребёнок и всё, наверное, изменится в моей жизни. Но неужели так безрадостно должно и нужно жить в семье, как живем мы? Или это и есть взрослая жизнь?..

* * *

Сегодня мой день рождения.

— Двойной сюрприз: вот это цветы. Надеюсь, ты не забываешь менять в них воду,— быстрый взгляд на вазы с цветами.— А вот это — вклад в капитал,— он распечатывает красиво упакованную коробку и ждёт моей реакции: в коробке, в двенадцати её отделениях сверкают полировкой образцы минералов.

— Свеженькие, ни пылинки! И закрывается коробка ладно, только сверху сотрёшь пыль — и порядок. Удобно!

— Спасибо. Очень красивый набор. А мне ребята в институте тоже подарили, из Якутии привезли, из экспедиции. Угадай, что это?

Он, как слепой, безразлично повертел камень в руках и сказал:

— Камень — он и есть камень. Как все камни — и не лучше, и не хуже.

— Как же так. Ведь это очень редкий камень — чароит, единственное месторождение в мире на реке Чара, а ты говоришь, как все.

— Ну, если он, действительно, стоящий камень, давай отдадим его ювелиру. Пусть сделает красивую вещь, хочешь — в серебре, хочешь — в золоте, а то будет валяться, как все другие, безо всякой пользы, только пыль собирать.

— Как без пользы? Разве моя коллекция бесполезна? Неужели тебя не волнует природная красота камня?

— Камень есть камень, а вещь есть вещь. Что не вещь, то пользу не приносит.

— Ну, а как же тогда музеи?

— Они имеют стоимость.

— То есть ты хочешь сказать, что у моих камней в таком виде, как они есть, нет стоимости, а значит и пользы? А ты знаешь, что каждый мой камень — это спутник, свидетель моей жизни, память о моих друзьях.

Он снова стал рассматривать свой подарок:

— Кто живёт прошлым, тот бесперспективен. А я твой муж, значит, мои кам-

ни — твои законные спутники. И это,— он сделал широкий жест рукой,— я бы даже сказал, не пустая вещь, набор стоящий, дорогой, а с годами, возможно, и вздорожает.

— Какая мне разница — я же не собираюсь его продавать?

— Ты только начинаешь жить, а я забочусь о твоём будущем.

— Я не хочу будущего. Я хочу настоящего.

— А в настоящем — через час придут мои сослуживцы с жёнами, конечно, это люди солидные. Они хотят тебя поздравить.

— Но я их не ждала и ничего не приготовила.

— Уже всё есть. Ты только должна улыбаться. Улыбка тебя украшает.

Слёзы полились из глаз моих... А за окном всё тот же нескончаемый ноябрьский пасмурный день. Нет, не за окном. Этот липкий туман проник в комнату и расползся по углам, придавил своей мрачной тяжестью полки с книгами, камнями, всё подмял под себя. Нетронутыми остались только двенадцать полированных камней, хвастливо блестящих в бархатных гнездах под стеклянной крышкой.

Радуга

Звонким колокольчиком июльским днём вошел в мою жизнь сын Алёша. Как же долго он не приходил! Где был раньше? Разве можно было без него обходиться? Какие радостные заботы о маленьком человечке! А его доверчивость... И сознание своей собственной необходимости для существования крохотного живого комочка. Как замечательна жизнь в своих неожиданных повторениях. Вот он вырастет — и всё-всё, что не удалось осуществить мне, осуществит он. Не получилось у меня стать геологом — станет он. А я, — какие мне теперь экспедиции? — буду доучиваться в педагогическом на вечернем, на физфаке. Очень интересно, тоже с природой связано... Успокаиваю себя. Оправдываюсь... Ну, размечталась, а мой колокольчик уже зазвенел.

* * *

Сегодня Алик впервые увидел радугу на небе, а когда она рассеялась, заплакал. Тогда я его утешила — сделала радугу дома. Солнеч-

ный луч прошел сквозь друзу горного хрусталя, и комната наполнилась сверкающими, переливающимися радугами.

— А вот ещё, посмотри, какие красивые камни! А нет, в рот их брать нельзя! Отдай-ка мне их! Рано, видно, с тобой серьёзными делами заниматься.

* * *

Очень хорошо, что у меня есть Алёша. Какой он мой! Ловит каждое моё слово, ходит со мной на прогулки и вопросы задает — самые мои. А я боялась, что вдруг он будет на мужа похож. Нет, судьба ко мне милостива. Есть у меня свой человек на земле. А говорят, что ребёнок все берет из окружающей среды. Нет, мой не такой. Мой берёт всё только от меня. Мой — лучше всех на свете.

Конец — это тоже начало

По воскресеньям мы с Алёшей ходим в музеи и на выставки. Муж отдыхает дома. Он устает за неделю на работе, да и не большой любитель до всяких зрелищ. За вечерним чаем идет разговор:

— Ну, так что же тебе больше всего понравилось в сегодняшних музеях? — спрашивает муж, глядя поверх головы сына.

— В первом — «Обнажённая», а во втором — «Демон», — тоненьким голосочком выводит ребёнок и ждёт похвалы за то, что не просто ходил и смотрел, но и запомнил.

— Что?! — вскипел муж. — Показывать ребёнку голых женщин?! Пропагандировать религиозную живопись на примере каких-то там демонов! Ты бы ещё в церковь его повела!

Алёша испуганно посмотрел на меня:

— А мама говорит, что всё красивое смотреть можно и полезно.

— Полезно только то, что приносит непосредственную пользу, — он так кипел от гнева, что сам не слышал, из каких слов у него предложения получаются, — у тебя есть кубики, конструктор, азбука, цифры — вот и занимайся. Это пригодится в жизни. Придешь в школу — и будешь всё знать. Станешь первым учеником. А от обнажённых да демонов — какой прок?! — он побледнел от досады.

— А от камней есть прок, да? Они радугу делают, — невпопад вставил сын.

— Твоя мама отреклась от них, и тебе они не нужны. И вообще пора кончать этот разговор. Тебе спать пора.

Ребёнок, растерянно взирая то на отца, то на меня, отправился в свою комнату.

Вот и весь мой самообман: не от меня, а из всего окружения берёт он свои вопросы и ответы и лепит свой характер.

За окном сумерки. Тяжёлой свинцовой угрюмостью вливаются они в наш дом. Мне вспоминается пропасть в расщелине в горах. Я стою на краю — и заглянуть вглубь жутко. А на самом отчаянном выступе скалы — гнездо слеплена птичьё. Еле держится. Чудом держится. Пропасть мрачная, в неё спускаются туманы и тяжёлые свинцовые сумерки, солнце туда не заглядывает.

— Не надо водить его по допотопным музеям, — металлический голос прорезает наступивший полумрак. — Есть станция юных техников, ВДНХ, детский театр, наконец, а ты жертвуешь временем понапрасну, не впрок.

Я чувствую холод, исходящий от его голоса, от каждого предмета в доме, окутанного мрачными, мглистыми сумерками, от камина с его ненастоящим огнём.

— Не впрок, говоришь? В точку попал. И жертва моя бессмысленна. Сколько времени пытаюсь уговорить себя, что не так уж плохо мы с тобой живём — многие хуже. Но что мне многие, если не они, а ты хочешь сделать из сына робота, на себя похожего. Пока я верила, что могу уберечь его от тебя, я многое терпела и прощала, но теперь — хватит. Наша с тобой жизнь вроде беспросветного тумана, нет в ней радости. Поэтому давай-ка её кончать, чтоб не заразить мрачностью ребёнка.

— Как это кончать? — он весь превратился в вопросительный знак. — Развод? — И вдруг вопросительный стал восклицательным. — Сейчас это невозможно! У меня дела! Назначение на должность! Ты испортишь мне будущее! Общественное мнение! Скандал!

— Я могу просто так уйти, без развода. К чему эти формальности?

— Как к чему? А новый брак? — он снова стал удивительно похож на вопросительный знак.

— Да я замуж не собираюсь.

— А речь вовсе не о тебе.

— Вот как? Значит, ты предполагал поворот в наших отношениях и заранее обеспечил себе тыл?

— Солидный человек не должен жить вне какой бы то ни было семьи.

Вот так... А я все эти годы больше из жалости к нему старалась негодную нашу жизнь хоть чуть-чутьку доброй представить. Выходит, нелепая жертва. А уж это совсем глупость.

Я отвлеклась от нахлынувших на меня мыслей — он дробно и громко перебирал пальцами по столу, как бы в нерешительности ставя многоточие:

— Зачем тебе всё это? Всё начинать сначала?.. Ну, что ты хочешь, чтоб я для тебя сделал? — он встал и подошел ко мне. Походка никогда его не украшала. Я подумала: «Бывают люди от рождения старые. Бывают и такие, что при полном лоске выглядят, как поношенное пальто». Я молчала.

— Уйдешь — пропадешь. Будешь жить на учительскую зарплату. Другого, как я, не будет, — сказал он и указательным пальцем стукнул по столу, будто ставил точку.

— Теперь всё будет другое, — сама себе прошептала я и вдруг неожиданно — слёзы градом, как жемчужины с оборвавшейся нитки.

Жара, арбузы, Регистан

И началось другое — жизнь на маленькую учительскую зарплату.

— Мама, а нам папа деньги присылает?

— Да. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Наша соседка говорит, что, наверное, нет, потому что ты ничего нового ни себе, ни мне не покупаешь.

— Верно. Я экономлю, чтоб сделать тебе сюрприз ко дню рождения. Отгадай, что я купила?

— Самокат.

— Не угадал. Я купила нам с тобой путёвки для путешествия далеко-далеко.

— В Америку?

— Ну и размах у тебя! От самоката до Америки. Не угадал, — в Азию.

— А что есть в Азии?

— Жара, арбузы, Регистан.

* * *

Когда в Ашхабаде мы вышли из самолёта ночью, то будто окунулись в горячую купель. Полуденный зной лишь немного укрощала ночь. Было так жарко, что казалось — это мохнатые звёзды раскаляют небо. В Ашхабаде воду не пьют — едят арбузы и дыни. И ещё — зелёный чай в круглосуточно работающих чайханах. К нему полагаются восточные сладости, до которых дела нет, был бы чай, озеро чая. Но такого озера нет. Зато есть Бахарденское озеро. Не очень-то в нем, правда, освежишься — температура сероводородной воды 40 градусов. Подземное, жутковатое, с белыми натёками сталактитов, на которых примостили свои гнёзда летучие мыши. Входишь в горячую воду, как в преисподнюю. А совсем недалеко от пещеры, под знойным солнцем, археологи раскапывают древнюю столицу Парфии город Ниссу. Медленно и осторожно работают люди, счищая вековую пыль с ритонов для вина, сделанных две тысячи лет назад из бивней слона, другие расчищают каменные акведуки, воскрешают мозаики терм. Его величество Рим простёр свою власть и на эту землю. Колонны дворца правителя, выжженные солнцем, израненные ветром свидетели тех далеких времен. Средняя Азия сохранила историю в своей архитектуре, несмотря на страшные разрушения, связанные с землетрясениями, пожарами, войнами.

Устоял Самарканд. Гордость Тимуридов — Регистан — главная парадная площадь города. Мы любуемся совершенными формами трёх её медресе, окаймляющих площадь с севера, запада и востока. На солнце глазури блестят так жарко, что глазам больно.

*Омытый ярким солнцем Регистан
красивее, чем мог сказать Хаям,
синее неба синего над ним
мозаика узором дорогим
гласит пред восхищением твоим,
что облик сей неповторим, —
Творцом всевышним он творим.*

Наступает вечер. Таинственные сумерки стущаются над городом. Улицы, площади пустеют, можно тихо посидеть у фонтана и подумывать о былом.

...Пустынный город, небом укращённый, солнцем, звёздами позолоченный, ветром испещрённый. В памяти твоей — караваны верблюдов, песчаные бури, войны Тимуридов. Стены древние твои узор сказочный хранят, не смываемый дождём времени. Как застывшая песня, что в камень драгоценный превратилась, гордо смотрят вверх твои минареты. Нет их величественнее, нет их прекраснее. Тени прошлого у мечети притаились, с грядущим говорят неслышно. А полумесяц мусульманский мечеть венчает, как мудрость — память Мухаммеда. Коран из тысяч строк добра и чистоты резные своды разукрасил, а в медресе с поклоном низким пришел на проповедь мулла...

Регистан сильно пострадал от землетрясения. Минарет любимой жены Тимура Биби Ханум от основания до верха прорезает глубокая трещина. Мы смотрим на раны от землетрясений Самарканда и вспоминаем Ташкент, получивший своё второе рождение, но похоронивший свою великолепную древность. Трагедия города запечатлена в памяти камня: на чёрном газалкентском мраморе — бронзовая композиция: мужчина предостерегает женщину с ребёнком на руках переступить через лопнувшую землю, сквозную трещину в камне, на другой стороне которого — символические часы с остано-

вившимися стрелками: в 4 часа 30 минут 26 апреля 1966 года произошло вскрытие земли...

А город живёт и строится. Ганчем (резьбой по сырой штукатурке) украшены стены его, а сквозная резьба — панджара — украшает балконы, лоджии, окна. Красив новый Ташкент, но нас тянут горы Таджикистана, богатые лучшим в стране мрамором.

Вот оно — Варзобское ущелье. Рядом — ледник, сквозь него кое-где проступают белые, как сахар, снежные косяки. Но нет ничего белее варзобского мрамора. Пройдет немного лет, и он вдохновит скульпторов, художников, архитекторов. Я беру в руки белый кусок.

*Белый мрамор, гордый камень
с человеческой душой,
мы с тобой друзьями будем,—
поменяй свой дом на мой.*

Кусок мелкозернистого мрамора занимает почетное место в моей коллекции. Он мой друг и всегда напоминает о путешествии по Средней Азии, где ночи раскаляются мохнатыми звёздами величиною в кулак, а день насквозь прожаривается солнцем, и есть единственная возможность уцелеть — арбузы, дыни, виноград, крепкий зелёный чай.

— Бери, красавица, не раздумать, кароши арбуз, красни, сладки, холодни. Копейки беру.

— Вот, возьмите.

— Бери, красавица, джигит зови, сам не донести. Копейки даю за этот сетка арбузи.

— Мне не нужна сетка, а только один.

— И мне не нужен сетка. Я тебе дать рубль, чтобы ты их забрать. Хороши арбузи, бросить жалко.

— Алёша, не пропадать же добру? Дотянем как-нибудь?

— Твой джигит не сумеет. Надо такси купить.

Так и вышло. Купили мы огромную сетку арбузов за копейки и заплатили рубли таксисту.

— Непрактичные мы с тобой люди. Надо уму-разуму учиться.

— А где? У кого?

— А я знаю?

До четвертого этажа гостиницы все арбузы сразу нам не дотащить. Нашу заминку видит проходящий по вестибюлю мужчина.

— Разрешите помочь вам.

Знакомый голос. Я оборачиваюсь. Круглые очки висят на кончике острого носа, вот-вот свалятся.

— Костя! Вот так встреча!

Костя поправляет очки, жмёт мне руку, знакомится с сыном, роняет нашу сетку, один арбуз разламывается пополам. Мы поднимаемся в номер. Я разрезаю арбузы на аппетитные куски и укладываю их на расписное керамическое блюдо, купленное на базаре в Самарканде. Как мудро распорядилась природа: в жарком климате: свои резервуары влаги. Здесь постоянно хочется пить, арбузы — наше спасение. Как это бывает после долгой разлуки, не знаешь, о чем говорить. Костя начинает объяснять свое присутствие в Таджикистане.

— Варзобский мрамор,— говорит он,— превосходит мелкозернистый белый каррарский, уступая только его статуарной разновидности. Я настаиваю на том, чтобы мрамор не взрывали, а выпиливали, иначе он весь покрывается микротрещинами. Нажил себе врагов. Нужен, говорят, план. А о последствиях думать некому. Вот приехал в Геологическое управление добиваться правды.

Он говорит скороговоркой, вдруг резко останавливается:

— А почему вы не в полном сборе?

Я понимаю его вопрос и отвечаю:

— Мы в полном сборе.

Алик, налопавшись арбуза, еле тащится к своей кровати. Я укрываю его простыней, убираю со стола. Теперь можно и поговорить.

— У вас с мужем что-то случилось?

— Из разного теста сделаны.

— Понятно.— Он помолчал, видно, обдумывая, что ещё спросить.

— А где работаешь?

— В школе. Физику преподаю.

— И как? Нравится? Что-то оттуда все бегут.

— Нравится предмет, дети, уроки. А система — нет, конечно. Оттого и бегут. Постоянно слышишь: «Вы должны! Вы обязаны!» Учительская совесть, как и вообще человеческая, не любит угнетения. Учителю необходимо какое-то время побыть одному, взвесить свои поступки, почитать, посмотреть, чтобы всё это передать детям. А

вместо этого ему вздохнуть некогда. Ему постоянно напоминают: «Вы за это деньги получаете». При слове «деньги» Костя усмехнулся. «Педагог — с греческого детоводитель,— продолжала я,— а какой же он детоводитель, если сам уже не знает, куда идти, по какому новому методу. Что-то коренное должно произойти».

— К гимназии вернуться, — шутит Костя, — и всё станет на свои места. Ну а как с ребятами? Должно быть, тебя очень любят?

— Мы ладим. Представляешь, я работаю в той самой школе, где ты с моей легкой руки когда-то вел геологический кружок.

— Вот это да! А что, другой не нашлось?

— Всю жизнь, сколько себя помню, мне способствует стечение обстоятельств. Шла по улице, встретила паренька, того «лупоглазенького» мальчишку. Он меня узнал, я-то его вспомнила только тогда, когда, представившись в шутку, назвал себя Александром Александровичем. Разговорились, как это обычно бывает, спросил, куда я иду, не задерживает ли он меня. Сказала, что ищу работу, иду в РОНО. А он мне: «У нас физичка ушла, приходите к нам». Я ему: «А директриса осталась?» «Нет, её давно на повышение взяли. У нас директор новый — седой и очень умный». Вот так и стала я преподавать физику в школе. Кстати, нашего старого друга учила тоже. Очень сообразительный малый. Медиком будет, в институте учится. Так что можешь считать — врач у нас собственный.

— Ну и дела! Мир тесен.

— Сегодняшний день тому подтверждение. Я очень рада, что мы встретились. Знаешь, я ведь по всем друзьям и по камням ненайденным так тоскую.

— Это дело поправимое. Хочешь в экспедицию на лето? Нам людей всегда не хватает. Могу даже с сыном устроить.

— А что? Это идея. А кем я там буду работать?

— Я знал, что ты легка на подъем. Это хорошо. Значит так: специалисты у нас по штату, недостает повара. согласишься?

— Почему нет?

Он усмехнулся и покраснел:

— Что сказал бы твой сановный муж?

— Мой бывший муж сказал бы мне, что я совсем сошла с ума, и очень устыдился бы моего поступка.

Он немного помолчал, как бы прикидывая плюсы и минусы своего предложения.

— На следующий год мы едем в Армению искать новые месторождения туфов, перлитов, пемз. Поедешь?

— Костя, сам Бог тебя послал, — я чмокнула его в щеку.

Костя поправил съехавшие очки. Щёки его вспыхнули. Я вспомнила, что в детстве он тоже всегда краснел.

— Я приду вас проводить. В Москве позвоню. Не забудь передать привет Георгию Ивановичу. Ты видишь его?

— Очень редко, но часто перезваниваемся. Обязательно расскажу о нашей встрече

— Я сейчас должен бежать — назначено совещание по вопросу, касающемуся варзобского мрамора. Представляешь, там, на противоположной от разработок стороне, есть ледник. Хотят его разворотить, — больше мрамора будет. Да его на разработанной стороне полно. Вот я и против того, чтобы красоту нарушать. Ну и опять враги, и снова борьба.

Ах, Костя, Костя! Были бы все такими, как ты, хоть чуть-чуть, сколько бы добра не утекло, сколько красивого не нарушили...

Однолюб

Возвратившись из путешествия, я позвонила Георгию Ивановичу, и мы встретились на Гоголевском бульваре. Тихо падали жёлтые листья, солнце устало поигрывало светом на них. Я рассказала о поездке, о встрече с Костей, о том, что Костя собирается нас с Алешей взять в экспедицию в Армению. Георгий Иванович внимательно выслушал, одобрил наш план и вдруг спросил, как я теперь живу, не сожалею ли об уходе от мужа.

— Нет, нет, нет, я только сейчас поняла, что загубила столько лет жизни!

— Хорошо — не всю.

— А почему вы никогда не подсказали мне так поступить?

— Я не имел права.

— Георгий Иванович, я много раз хотела вас спросить и всегда не решалась, думала, что, может, всколыхну горькие воспоминания, а мне совсем не хотелось бы причинять вам боль. Но вот сейчас, когда мы говорим о моей семье, где все наперекосяк, скажите, если можно...

— Почему я не женат?

— Да.

— Видишь ли, дружочек, оказалось, я однолюб. Нет, вовсе не подумай, что я изначально знал это. Случалось много раз влюбляться, и даже настраивался жениться. Но всякий раз, когда я вспоминал её глаза, — у неё были глаза индигово-синие, цвета бадахшанского лазурита, прекраснейшего, самого синего, лучшего на свете, — так вот, когда я вспоминал её глаза в последние минуты жизни, всё настоящее меркло.

— А почему она умерла?

— Это было к концу войны. Мы освобождали Польшу. Весна сорок пятого года. Тебе не понять, что значит — победа уже есть, она обозначилась, она повисла, как радуга над землей, но ещё стреляют, убивают, хоронят. Раненых подготовили к отправке в тыл. Сопровождала их моя Маша, врач...

Он достал сигарету — признак особо сильного волнения, так как обычно он не курил. Его взор был направлен куда-то вдаль, в одну точку, он говорил, не меняя положения и не мигая, как будто всё, что рассказывал, видел там, далеко-далеко.

— Маша была удивительная женщина, мягкая, тёплая и именно этим красивая. Постороннему могла и не показаться, — бывают красивее, — сколько угодно. Но чем больше я окунался в её искренность, тем прозрачнее казалась мне её душа, тем большей загадкой она для меня становилась. Когда раненых стали грузить на самолет, она задержалась со мной на мгновение: «Прощай, моя радость», — сказала она вдруг. «Что ты, Маша, слова такие говоришь? Война закончилась. Или не веришь, что я вернусь?» «Что ты, что ты, — зашептала она, — я просто оговорилась. Конечно же, до скорого свидания, моя радость». Так она меня всегда называла. На прощанье прикоснулась рукой к лицу, провела пальцами по щеке, поцеловала меня в глаза и последний раз так взглянула на меня своими самыми синими на свете глазами, что мне не по себе стало. «Иди, Маша, пора», — сказал я ей.

Георгий Иванович молча выкурил сигарету. Я была уже готова к тому, что сейчас он скажет самое жуткое.

— Самолёт взорвался при взлете. Он лишь успел вырваться на взлётную полосу. Всё произошло мгновенно, как будто молния вонзилась, и вздыбившееся от боли тело самолёта разорвало на части. Столб огня — и ничего больше. «Прощай, моя радость...»

Ветер сорвал с клёна багровый лист и уронил его мне на колени. Я взяла его в руки и стала рассматривать прожилки, чтобы как-то пережить эту долгую паузу.

— А вы бывали там потом? — наконец спросила я.

— Конечно. Там сейчас братская могила. Таких могил за границей не счесть. Обелиск сделали. А рядом с обелиском — мой лабрадорит, с Украины привёз.

— Тяжёлый?

— Не тяжелей печали. Густого чёрного цвета с яркими сполохами синего. Как приезжаю, маки ей приношу, любимые её цветы.

Я слушала, и мне становилось всё более и более жутко. Я много читала о войне, смотрела фильмы, но когда человек близкий рассказывает, то, оказывается, это совсем другое. Мы долго сидели молча. Я чувствовала, что всколыхнула у Георгия Ивановича много других военных воспоминаний, которыми он делиться не настроен. Наконец, он сам сказал:

— Надо жить и надо пересилить себя. Самое надёжное средство — работа, работа, работа.

Он помолчал и уже совсем другим голосом добавил:

— Не надо обманывать себя. Семью ничто не заменит. Хорошо, что много лет назад я встретил тебя, тогда в музее, с торчащими косичками и хризолитовыми, как у котёнка, глазами. Помнишь, когда ты без мамы пришла?

— Да, конечно.

— Тогда твои торчащие косички и золотисто-зелёные глаза нарисовали в моём воображении мою дочь, которой у меня никогда не было. Я и к тебе так привык за долгие годы, что стал считать тебя своей дочерью. Так сказать, не удочеряя, удочерил.

Он замолчал. Достал ещё одну сигарету. Я попыталась отнять её, но он задержал мою руку и сказал:

— Вот видишь, Надя, как в жизни бывает: любимая жена Маша — на всю жизнь, и единственная любимая дочь — ты.

Он грустно улыбнулся, поцеловал меня в лоб и, не распрощавшись, ушёл.

* * *

В делах время шло быстро. Занятия, дом, ребёнок — до краёв заполненный день. Только бы дотянуть до отпуска. Что-то у меня ча-

сто садится голос. И вовсе вроде не напрягаю горло. На уроках с ребятами лад. Но это не просто так. Просто так ничего не бывает. Я вхожу в класс, и вся моя энергия направлена, нацелена на них. До того, как я их заинтересую, я должна мысленно психологически подчинить их себе. И они чувствуют собранность, нацеленность, необходимость и подчиняются мне. Мы ведём урок, как беседу, иногда плавно, в другой раз — эмоционально, порой спорим. Мой институт — самое начало профессионализма. А мастерство — в ежедневной подготовке, в нахождении ответов на вопросы юных почитателей модной науки физики.

— Достается тебе от воспитанников? — спросил как-то Георгий Иванович

— Ещё как. Одни «вечные двигатели», изобретаются ими чуть ли не каждый день, в их фантазиях. Да остроумно как! Не всегда сразу ошибку видишь. Вот, например, здесь найдите подвох, — и я показала очередное изобретение восьмиклассника.

Георгий Иванович немного подумал и дал верный ответ.

— Всё-то вы знаете! А я целый час просидела, пока разобралась. Нельзя, чтоб они видели, как я медленно соображаю.

— Не беда. Главное — соображаешь и трудишься, а опыт даётся со временем. А что касается «вечных двигателей», ты предложи им приносить действующие модели, а не проекты.

Ну, кто ещё так посоветует?! Кто ещё так может понять и поддержать, как Георгий Иванович?

— Да, я совсем забыла — мы ведь скоро уезжаем в экспедицию, в Армению, к Косте.

— Хорошо, что в экспедицию к Косте. Он славный человек. Учти это.

Неожиданная встреча

— Проходите вперёд! Что вы весь проход заняли?

— Куда мне идти? Здесь полно!

— Из-за вас и полно, — скандально кольнула женщина, — королева толстая.

— Ну, это уж никуда не годится, — вступилась я за полную женщину, загородившую проход, — как вам не совестно так обижать человека?

— А вам-то что до этого? — разрастался дорожный скандал.
И вдруг полная женщина обернулась, как потом оказалось, на знакомый голос.

— Надя! Какая встреча!

— Даша! Сколько лет! Сколько зим!

Я протиснулась чудом в вагон.

— Как я рада!

— А я-то! Слушай, ты свободна сейчас? Пойдём, отметим нашу встречу! Здесь недалеко кафе есть.

Мы вошли в тёплое, уютное кафе.

— По рюмочке за встречу? Кого-нибудь из наших видела?

— Только Костю. Он весь в делах.

— А хорошо бы собраться, посидеть, поговорить.

— На людей посмотреть и себя показать.

— Правильно. Показывать всегда есть что, — сказала Даша.

— Ты прекрасно выглядишь! Где ты так загорела?

— На Хайнане. Это южный остров Китая. Там такая красотища.

Представляешь, китайцы за двадцать лет превратили рыбацкую деревню в цветущий сад, выстроили шикарные гостиницы, и теперь это международный курорт высшего класса. Это могли сделать только китайцы. Как они работают! Приехали поздней ночью, — они сажают пальму, огромную, с кокосами. Привязывают её со всех сторон, ухаживают, и она приживается. Уезжаем рано утром, — они стригут кустарник, разравнивают гирлянды бугенвиллеи. Работают день и ночь. Если бы мы работали, как они, то и у нас бы Сибирь расцвела.

— А как ты туда попала?

— После института я устроилась работать в турбюро. Вот и езжу в командировки. Приятное с полезным.

— Это здорово. И часто ездешь?

— Часто. Наша фирма процветает. Но конкуренция у нас огромная. Настоящие рыночные отношения. Того и гляди: сегодня есть, а завтра нет.

Я обратила внимание на то, что Даша не просто хорошо выглядит, она ухожена, выхолена. Я порадовалась за нее.

— И куда же ты теперь собираешься?

— В Австралию.

— О! Это для меня все равно, что на Луну.

— И не говори! Я раньше и не мечтала. Край света, дорого. В прошлом году я ездила в составе рекламной группы со скидкой как сотрудник турфирмы. А сейчас лечу руководителем группы, значит бесплатно.

— Здорово! Рада за тебя. А где вы там будете?

Даша подробно стала рассказывать о том, какая замечательная страна Австралия. Руководитель всё должен знать заранее, не только весь маршрут, расписанный по минутам. Необходимо укреплять связи с принимающей стороной, свободно владеть английским, вести расчеты, переговоры, находить компромиссы. Короче: руководитель — лицо туристической компании. Добрые отношения — это дополнительные возможности получить скидки, экскурсию в подарок, лучшее размещение в отеле. Да мало ли что ещё!

— Наша зарплата зависит от потока туристов. Мы всегда заинтересованы в клиентах. Хочешь, я тебя со скидкой возьму. И тебе, и мне хорошо.

— Нет, спасибо. У меня пока другие проблемы. Мне надо парня на ноги ставить.

— Может быть, кого-нибудь из своих коллег, учителей уговоришь? Я тебе кое-что расскажу и покажу, чтобы ты в курсе была, — она достала из сумки видеокамеру и, улыбнувшись, сказала:

— Всегда ношу её с собой, это профессиональное. Вот ты только посмотри несколько сюжетов и влюбишься в эту красоту. А история какая необыкновенная!

И Даша с запалом стала рассказывать всё, что видела в Австралии и что узнала о ней, ещё готовясь к поездке.

— Представляешь, древние греки и римляне предполагали, что в Южном полушарии должен быть материк, так сказать, в противо-

вес массе Северного полушария. Даже название придумали: «Australis» — Южный.

— Как интересно! Не видели, но назвали!

— А официально это название континенту дал британский исследователь, мореплаватель, картограф адмирал Метью Флиндерс в 1803 году после того, как он обошел его по периметру, составил карту береговой линии и доказал обособленность этого материка от других.

— Какие люди! Представляешь, через весь океан, через бури на каком-то там судёнышке открывали новые земли!

— А что интересно, ведь мореплаватели не раз добирались до континента, но он так и оставался не ведомый миру. Ещё в начале XVII века сюда прибыл голландский путешественник Виллем Янзон. Но только капитан Джеймс Кук, английский мореплаватель, совершивший кругосветное путешествие в 1770 году, прибыв на эту землю, именем короля Георга III провозгласил её владением Великобритании.

— Тот самый Кук, которого съели аборигены?

— И не говори. Жалко и страшно. Нельзя ссориться с дикарями.

— Нельзя. На их стороне правда. Вспомни, как было с индейцами в Америке.

— Не сбивай меня с главной мысли. Мы едем в Мельбурн, один из лучших студенческих городов мира. Мы будем в Сиднее, который признан самым комфортным в мире городом для проживания.

— Почему?

— Потому что земли много, а людей мало. На всю страну 22 миллиона человек, меньше, чем две Москвы. У них порядок в стране. Дисциплина. Законы, которые исполняют. Высокие зарплаты, Бесплатная медицина. Бесплатное образование.

— Даже высшее?

— Да. Став специалистами, расплачиваются с государством, отдавая проценты от своей зарплаты.

— Разумно.

— А как они уважают пенсионеров! При выходе на пенсию они получают от государства огромную одноразовую выплату. И хорошую пенсию. Наступает самое счастливое в жизни время: дети выросли, кредиты выплачены. Чем заняться? Путешествовать! И ездят по всему свету.

— Я много раз наблюдала, какие туристы-иностранцы приезжают в Москву. Одни старики. Поджарые, собранные, лица как печёное яблоко, некрасивые, а осанка гордая. Чувствуется самоуважение.

— А нашим лишь бы концы с концами свести. Мне мою маму жалко. Она проработала на заводе инженером всю жизнь, здоровье отдала, состарилась. Теперь сидит дома. Переживает, что я не замужем.

— А чего ты не выйдешь? У тебя наверняка кавалеров, хоть отбавляй. Я же помню, как в школе за тобой ребята бегали, — сказала я, хотя и помнила, как они же подтрунивали над Дашиной полнотой. Одно прозвище Шарик чего стоило!

— Это правда: женихов — отбоя нет. А путных — ни одного. Я обожглась раз другой, мама видит, что всё это не то и говорит: «Ты по заграницам едешь, может, там человека хорошего встретишь?» Встретила. В Париже. Роман только начинался.

Пошли в ресторан. Там он и закончился. Терпеть не могу скупердяев.

— Тогда выходи за араба или за негра, вождя племени.

— Спасибо, дорогая, за экзотику. Я таких дур уже видела. Лучше я в Австралию поеду. Знаешь, Надь, давай выпьем за то, чтоб мне в Австралии повезло.

— Да с радостью! Пусть тебе способствует удача. Попутного ветра!

— Да не ветра мне надо! Вот, смотри, — и она вытащила из сумки фотографию. На ней был изображён ковбой в шляпе с соколом, сидящим на согнутой руке в большой жёсткой перчатке.

— Какой колоритный! Кто это?
— Мой знакомый из туристической компании, с которой мы сотрудничаем.
— Партнер, значит. А что он делает?
— Да он, как все, менеджер. А снимок сделан на ранчо его отца. Сокол — ловчая птица, он с нею охотится.
— Даш, я потрясена. Он прямо из романа вышел. Вот бы тебе, и вправду, такого!
— Представляешь, когда он приехал к нам в офис подписывать контракт, все так и ахнули. А он на меня глаз положил. Стал ухаживать. Пригласил приехать. Собирается познакомить меня с родителями.

Раскрасневшаяся от конька, Даша выглядела очень привлекательно. Бирюзовые серёжки и такого же цвета шёлковая блуза были ей очень к лицу. Глаза отсвечивали бирюзой. Такая женщина и одна!..

Мне стало страшно за Дашу. Вот она, бесхитростная, открытая, какой всегда была. Пышнотелая русская красавица. Как каждой женщине, ей хочется рядом тепла и надежности. Но кто он, этот австралийский супермен? Смотреть на него — не оторваться! А в жизни — какой он? Коктейль крови даёт красивых, умных людей. За двести лет на новом месте, среди дикой природы англичане что-то сохранили, а что-то и утратили. А что-то приобрели от других народов. Ведь Австралия многонациональная страна. Сейчас там живут представители 120 стран! Смешение кровей создало новую общность людей под названием австралийцы. Много русских уехало туда и обрело свою новую родину. Уезжали семьями. Бок о бок — родные люди. А этот ковбой? Кто он? Да, это правда, что в нем чувствовалась недюжинная сила, крепкая натура, ловкость, стремительность. Но это же видят все окружающие. Неужто упустят такого? Неужели он жил и ждал всю жизнь встречи с Дашей?! Сколько ему лет? На вид — лет сорок пять. К этому времени у человека уже всё должно бы сложиться. Или разрушиться. Как бы угадывая мои мысли, Даша сказала:

— Конечно, я не первая. У него уже было три семьи. Он разведён.
— Даша, только бы не было жестокого разочарования. Не ставь на карту. Будь, что будет. Прими как должное.
— Ты, прямо, как моя мама: слово в слово.

— Мы с твоей мамой мудрые. Нам ведь по жизни тоже кое-что досталось пережить, побольше, чем тебе, потому что у нас дети, за которых мы в ответе.

— И всё-таки, за удачу!— Выпив, Даша продолжила, как ни в чем не бывало: — А что ещё я расскажу тебе про Австралию и почему мне так хочется туда поехать! Там столько всего!

Удивительный характер у Даши! Она так спокойно и естественно переключается с одной темы на другую. Каково состояние её души при этом?

— Там Большой Барьерный риф, который протянулся на две с половиной тысячи километров вдоль Восточного побережья Австралии. Самый большой в мире! Кораллов там видимо невидимо! Они разные: «мозговики», «грибовидные», «тарелочные», «оленьи рога», — на что похожи, так и называются. Вот, посмотри мою подводную съёмку!

Морское дно представилось во всей своей волшебной и царственной красоте. Медленно щупальцами шевелили коралловые полипы,— красные, синие, жёлтые, зелёные, голубые... мимо них неспешно проплывали экзотические рыбы.

— А это вот горгонарии, чёрные, они до двух метров вырастают. А вот проплывает морской петух.

— На нашего окунька смахивает, да? А это — лилии?

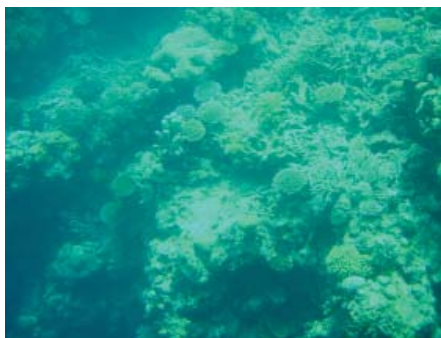
— Как бы не так! Представляешь, это — иглокожие животные, хищники! Здесь всё время на стрёме надо быть: как бы кто-нибудь не ужалил или не укусил.

— Вот уж точно, Даш, внешность обманчива! На первый взгляд в райский сад попал.

— И я так вначале думала. А когда на погружение нам выдали лайкровые костюмы и сказали, что укус некоторых медуз смертелен, то отпала всякая охота кого-нибудь погладить. Кстати, кораллы тоже ядовиты. Но и у них есть враг.

— Человек?

— Не угадала. Ход твоей мысли понятен: во всем мире славятся украшения из кораллов. Вернее, из их известковых скелетов. Четыреста тысяч лет назад появились здесь их колонии. Со временем их накопилось очень много — около трёх тысяч больших и малых островов. Правительство Австралии открыло здесь так называемый Морской парк, который обеспечивает охрану рифа.

— А от кого же их охранять, как не от людей?

— С браконьерами всё просто и понятно: есть закон, статья, штраф, тюрьма. В Австралии просто помешены на охране природы.

Мне уже всерьёз не терпелось узнать, от кого же ещё можно защищать кораллы? Не от их же соседей — рыб и животных? Это кто же сможет, да и зачем лезть в их отношения, разберутся сами.

— А вот послушай. Здесь водится огромная, в полметра диаметром, морская звезда, красавица необыкновенная, с названием «Терновый венец».

— Ты её видела?

— Нет. Только на фотографиях. И, слава Богу! Это — страшный хищник, злейший враг коралловых полипов. Однажды популяция «Тернового венца» стала очень расти. Звёзды буквально крошили полипы. Возникла угроза Большому Барьерному рифу. И тогда люди пришли на помощь.

— Что же они стали убивать этих звёзд? А как же равновесие в природе?

— Специальная группа водолазов спустилась в море, чтобы шприцами ввести «терновому венцу» губительные дозы формальдегидного раствора.

— Слушай, это просто невероятно! И это — охрана красоты природы?

— Здесь есть ещё один момент. Люди о себе подумали тоже. С гибелью коралловых полипов от берега уходит рыба. А для многих живущих на берегу — это основной продукт питания. Вот так-то! Умные люди всех уважили и про себя не забыли!

— Даша! Как я тебе завидую! Ты столько интересного видишь и знаешь! И у тебя накапливается материал на статьи, на очерки!

— О, нет, дорогая, — это не по мне, я по характеру, ты же знаешь, — «гуляй ветер». Сидеть, писать, — это пусть кто-нибудь другой. Моё дело — фото, видео, поговорить, посмеяться. Хочешь ещё что-нибудь посмотреть?

— Конечно! — сказала я, — а ты не опоздаешь на работу?

— Надя, всё под контролем! Итак, смотрим дальше. Что тут у нас? О, смотри. Наверное, скажешь: «какой милашка»! Знаешь, кто это?

На меня смотрел зверек, похожий на плюшевого мишку. Я узнала коалу.

— Наверное, думаешь, никого не обидит? Да, он миролюбив, сонлив, ленив. Не хищник. Кстати, в Австралии единственный хищник — дикая собака динго.

— Даш, ты под зверька какой-то криминал копаешь, чем он тебе не угодил?

— А вот посмотри, что после него остается.

Я смотрела кадры, обличающие сумчатого медведя из древнего рода древесных медведей, славного «игрушечного» зверька в уничтожении эвкалиптовых рощ.

— Коала питается только эвкалиптовыми листьями. В день он съедает порядка килограмма. Он спит по двадцать два часа в сутки. А два часа — ему на всю остальную активную жизнь: на свадьбу, на производство потомства, на воспитание детей, которых он носит в сумке на спине. Он никогда не спускается с эвкалипта. Дерево для него и стол, и дом.

— А где же он воду берёт? Ведь нет жизни без воды.

— Нет правил без исключений, — заметила Даша, — в том-то и дело, что зверёк наш особенный. В переводе с языка местных племен коала — «не пьющий воды». Ему достаточно той жидкости, которая содержится в листьях эвкалипта. У коалы удивительный организм: у него, единственного организм усваивает ядовитое вещество — синильную кислоту, которая содержится в листьях эвкалиптов,

—Какие ужасы ты мне рассказываешь не только про коалу, но и про эвкалипт.

Помнишь, сколько эвкалиптов мы видели на Кавказе во время похода с Софьей Сергеевной? Вот была учительница, — на всю жизнь. Как здорово она приучила нас быть любознательными. Ты знаешь, я на работе считаюсь «самым осведомленным человеком». Вот!

И мы отошли в воспоминания детства. Вспомнили, сколько нам тогда рассказывали об осушении болот эвкалиптами. Ведь это дерево способно выкачивать из почвы столько влаги, сколько весит его крона. А ещё: как он быстро растёт! На пять-семь метров а год и достигает высоты в сто пятьдесят метров! Но самое главное — это его целебные качества: эвкалиптовое масло — лучший лекарь при простуде.

— Послушай, Надь, вернёмся к нашим баранам. Представляешь, вот этот мой знакомый ковбой, кстати, его зовут Джон, приглашает меня пройти с ним однодневным походом в Голубые горы, недалеко от Сиднея, в свободный день.

— Отлично, ты ведь хорошо ходишь.

— Ты хочешь сказать: не смотря на пышные формы.

— Я хочу сказать, кто ходил с Софьей Сергеевной, тот держит марку. А скажи, откуда такое название: Голубые горы?

— Там необозримые эвкалиптовые леса. Эвкалипт выделяет эфирные масла. Воздух буквально насыщен ими. Солнечный свет, рассеиваясь на микроскопических частичках, приобретает голубоватую окраску.

— Даша, слушай, блесни перед Джоном эрудицией. Скажи ему: вот, мол, горы эти голубые, а там, вдали, где садится солнце, закат багровый. Это оттого, что солнечный свет рассеивается на крупных частичках пыли. Быть завтра ветру.

— Точно! Пусть имеет ввиду: русские девушки образованные! Они себе цену знают! За это надо выпить!

С Дашей точно, не соскучишься. Переходя с одной темы на другую, но всё вокруг Австралии, она рассказала мне и про остров Кенгуру на юге континента, открытый Флиндерсом, и про замечательные Национальные парки, заповедники, охраняемые территории. Получалось так, что вся Австралия — сплошной заповедник.

—А куда же делись аборигены? Европейцы их почти уничтожили?

Даша рассказала о том, что многие из них сейчас стали цивилизованными. Аборигены сейчас в почёте. Вначале, 200 лет назад, европейцы их вырезали. А потом извиняться стали, мол, перестарались, простите, пожалуйста, почитаем ваши гражданские права и так далее. Сейчас в стране проживает четыреста тысяч аборигенов, то есть два процента. Они имеют свои территории. Занимаются традиционными ремеслами, сохраняют уклад предков. Но время перемалывает всех и уравнивает. Государство способствует сохранению популяции аборигенов. Помогает возродить самобытное искусство художников, певцов, танцоров. Поощряет их работу в экскурсионных программах «Шоу аборигенов».

— Давай напоследок посмотрим ещё один видеофильм. Вот смотри.

Фильм был столь выразителен, что не нуждался в дашиных комментариях. Вот пятеро аборигенов танцуют в набедренных повязках. Изображают, как отмахиваются от комаров, как два кенгуру сражаются за территорию, как бесшумно проползает ядовитая змея. А заканчивается программа радостным танцем, рассказывающем о том, как повезло соплеменникам. Они нашли в буше дерево со съедобной сердцевинкой. Срубили его, поделили на части, и принесли в племя целый мешок вкусной добычи.

— Ой, Даша, всё интересно и всё понятно, кроме этой длиннющей трубы. Что это такое?

— Это древний национальный инструмент диджериду. Его делают из ветки эвкалипта, сердцевина которого должна быть выедена термитами. В трубе нет ни клапанов, ни отверстий, ни язычков. Вот и попробуй играть! Я попробывала, — не вышло! А они играют!

— Даш, смотрю я и думаю: а в небе летают спутники. Космические ракеты уже разместили аппаратуру для исследования на других планетах.

— А на Земле разобраться не могут, — Даша сказала это как-то очень серьёзно. — Может, люди, живущие так близко к природе, знающие её тайны, более счастливы, чем все мы?

— На счет счастья аборигенов всех мастей я не в курсе. Но определено, что мне нравится у австралийцев, так это их отношение к сохранению природы и традиций, — сказала я.

— Не случайно, на гербе у них кенгуру и страус! И ещё забыла сказать: В Австралии недра полны полезными ископаемыми, —

Даша лукаво улыбнулась, — там лучшие в мире опалы. Обещаю привезти тебе в подарок за сегодняшнюю встречу. Я с тобой душу отвела.

— Спасибо, Даша. Там, наверное, и геологические музеи есть?

— Да, конечно, в столице, в Канберре есть так называемый Музей Министерства минерального сырья и энергетики Канберры. Надо бы там побывать.

— Здорово, Даша, что ты туда едешь!

— Ну, по последней рюмочке, за встречу! Как я рада, что тебя увидела! Ты всегда была, Надя, моей счастливой приметой! Ты всегда могла всё расставить по местам.

— Могла. Для других. Не для себя. А, знаешь, Даша, о чём я подумала? Твоими туристическими клиентами могли бы стать кое-кто из наших ребят, из Великолепной десятки. Будет здорово, если мы все соберёмся!

— Ой, как мне захотелось всех их видеть! Ты молодец! Давай соберёмся вот в этом кафе. Недели через две. Приятное с полезным! Итак, за дело!

Великолепная десятка

Решено — сделано. Через пару недель собрались мы, нарядные, веселые. Наш стол отделён от общего зала бамбуковой перегородкой. У нас своя компания и свои разговоры, а музыка слышна, танцуем в общем зале. Восточная кухня заявляет о себе острыми запахами. Официант в ливанской национальной одежде — к нашим услугам, улыбка и сплошная любезность. Умеют работать восточные люди в ресторанном бизнесе! Вот наконец-то мы уселись. Тост провозгласила Даша как организатор этой встречи:

— Наконец-то мы собрались вместе. Как время летит! Как меняет оно людей! Но мы всё те же, что и десять лет назад. Вероятно, наш девиз сплотил нас навсегда: «Не оплошать»!

— Не оплошать! — раскатисто прогремело по кафе, и тут же появился официант, чтобы наполнить бокалы итальянским шампанским. Замечательный это напиток! Женщины хмелеют мгновенно, становятся разговорчивыми, улыбчивыми, общительными. Наша Настя после первого бокала покраснелась, заулыбалась и защёбе-

тала. Маленькая, тоненькая, лёгкая, как птичка, она выпорхнула из своего кресла и встала так, чтобы её видели все:

— Ой, ребята, как я рада видеть всех вас! Наконец-то есть с кем поделиться виденным.

Как выяснилось, наша Настя, щупленькая и вечно прихварывающая (то с лихорадкой на губе, то с ячменем на глазу), стала вулканологом.

— Кем-кем? — Дима очнулся от задумчивости. — Ты? Вулканолог? Да тогда я фараон Тутанхамон!

— Да нет, я же ещё не настоящий вулканолог, а только прохожу практику на спящих вулканах, а на действующие вулканы, вроде Ключевской сопки, меня не берут пока.

— Ну, и с каким же спящим ты познакомилась? Не проснулся ли он, тебя почуяв?

— Я только что с Килиманджаро, почти шеститысячник, 97 километров в длину, 64 километра в ширину, а вокруг саванна — и никаких гор рядом нет. Вершина Африки!

— Ки-ли-ман-джаро! — передразнил Дима, — Звучит, как заклинание древних племён, как раскаты грома в горах. Когда-то там Хэмингуэй бывал. Так это ты к нему отправилась? Признавайся, грешница!

— Ну и ладно, что дразнишься, — совсем по-девчоночьи отшутилась Настя. — А я вот взошла на кальдере, на самую вершину. Там снега — сказка! А вниз спускаются ледники. А совсем внизу растут дождевые тропические леса. А ты дразнишься, а вот вулкан собирается проснуться.

— Неужели рванет? И практикантов не пожалеет?

— Магма поднялась на 400 метров, если считать от кальдеры, температура повысилась, снега тают, ледники сползают. Вулканологи планируют извержение в самое ближайшее время. А как жаль, такая красота!

— Я сейчас слезами зальюсь! Налейте мне покрепче! И пусть Настька меня больше не расстраивает! Мы сюда пришли на встречу, а не на извержение. Долой вулканологов!

Налили. Выпили. За здоровье. Насте больше не наливали. Ей хватит. Она сидела обиженная. Я подседа к ней.

— Мне расскажи, мне интересно.

Обиженная, оскорбленная и отвергнутая Настя воскресла:

— Килиманджаро в переводе означает: «Гора бога холода», «Свер-

кающая гора». Сколько жить буду, столько помнить. Дай мне шампанского и себе тоже. Пусть они балагурят, а я тебе расскажу.

После второго бокала Настя стала говорить стихами:

Тучи, дожди, гатано,
Клубящиеся облака
Долго скрывали вершину
Красавицы Килиманджаро.*

*И вот однажды с рассветом
Её красота обнажилась:
Трон снежный для Горного бога,
Для Солнца трон, для Луны.*

*Как ярко она сияла
Своей белизной первозданной
И возвышалась гордо
Над мраком седых облаков!*

*Стоит гора величаво.
Её пологие склоны,
Как шлейф королевской мантии,
Раскинулись широко.*

*Нет горного рядом массива,
Саванна вокруг безмерная.
Есть в Африке горы высокие.
Всех выше — Килиманджаро!*

— Молодец, Настя! Так держать! Только с третьим бокалом по-времени. У тебя впереди ещё целый вечер.

Настя устало прикрыла глаза. Что-то ей чудилось и теперь.

А тем временем Игорь, новоиспеченный, преуспевающий банкир, рассказывал, как он после окончания «Плешки» попал на стажировку в Сингапур. Впечатлениям не было конца. Что там наивная девочка Настя! Глядя на курящего Сергея, он заметил:

---

* Гатано — очень плотные туманы.

— Там не так, как у нас: закурил в общественном месте, плати 50 долларов штраф, бросил мимо окурок — еще 50, плюнул с досады — еще 50. Мало? Вступил в спор с полицейским — арестован.

— Не дай Бог в такой стране жить! Одни штрафы! — запричитал Дима, — это значит, вот матернулся я на погоду, некстати, например мне ливень, — и в тюрьму. Так я бы там из тюрьмы не выходил. Кстати, наверное, она у них, как у нас санаторий. Не в курсе?

— Нет. Там очень строго судят за наркотики, коррупцию, за воровство и за злодейское убийство. За это могут дать высшую меру — смертную казнь.

— Точно туда не поеду

— А ты послушай, как они там живут. Я был в восторге от всего виденного.

— За несколько десятилетий малярийная, отсталая провинция, граничащая с южной оконечностью полуострова Малакка, занимающая остров Сингапур и несколько небольших островов, бывшая Британская колония, превратилась в самостоятельное мощное государство, республику с высокоразвитой экономикой, лидера банковских операций, — отчеканил без запинки Игорь.

Он приосанился, когда заговорил об огромных процентах, приносящих государству выгоду, о том, что Сингапур признан «ази-

атским тигром» за быстрый рывок в экономике, приведшей к тому, что он вышел на одно из первых мест в мире по ВВП на душу населения — 30000 долларов на человека в год. 30000 долларов на человека в год произвели впечатление, но в Сингапур никто не захотел. Русский человек понимает, что всё сотворённое чудо (увеличение площади острова путем искусственного устранения лагун, привоз с материка песка, строительство на насыпной земле небоскрёбов, прокладка 70 станций метро, насаждение парков, садов, скверов. развитие высоких технологий и биотехнологий и т.д.) создано в основном необыкновенно трудолюбивым (до фанатизма!) китайским народом, преимущественно населяющим остров. Надо сказать, что здесь живут ещё и малайцы, и тамильцы, и другие народы.

— Все, Игорь, уморил ты нас, дальше некуда. Выпьем за твои банковские операции, которые не помешали тебе прийти сегодня к нам, простым смертным, — сказал Дима.

— Вот ты всех подковыриваешь, как в детстве, колючкой был, таким и остался. Сам-то чем занимаешься?

— На стройке работаю. У меня квартиры нет, а семья год от года растёт.

— Регулировать надо.

— Это инфляцию надо регулировать, вот чем бы тебе заняться в наше время.

— Если инфляция не по тебе, жилья нет, жена не работает, жить не на что, зачем же плодить нищету?

— А вот и нет! — у Димы на этот счет своя точка зрения, — всегда можно найти причину, чтобы не связывать себя детьми. А потом окажется, что уже старые или больные, да и вообще ни к чему, и так хорошо.

Стали спорить. Кто что: для себя пожить, мир увидеть, работу сделать; и нет, это не главное, а главное — полноценная семья; а какая она полноценная, если жить не на что; а как же матери одиночки и так далее...

В стороне от спорящих стояла Нина. Её огромные синефиолетовые (как вода в северных озерах) глаза отрешенно смотрели вдаль, как в пустоту.

Я подошла к ней.

— Ты что, Нина?

— О, Надя! О чем они спорят?! Если бы ты только знала, какое у меня горе! Да я бы всё на свете отдала, чтоб только иметь здорового ребёнка.

— Так у тебя же есть.

— У него синдром Дауна. Ему уже три года. И сделать ничего нельзя, это не лечится.

Наступило молчание. Как можно утешить человека в безысходной ситуации? Легковесно и лицемерно. Лучше молчать.

— Это мне кара за мою «красивую жизнь». Вот мы с мужем так же рассуждали: поживём для себя, дети потом. Один аборт, другой, а на третий раз родился Коленька. Любимый, единственный, беспомощный, обречённый.

— Ну, неужели совсем нельзя ничего сделать?

— Мой муж — крупный бизнесмен. Все, что он зарабатывает, уходит на нашу проблему.

Лечить это невозможно,

Но можно создать щадящие социальные условия, где он рядом с такими же будет понемногу учиться, приобретать кое-какие навыки

ки. Врачи сказали, что у меня не будет больше детей. Мы с мужем собираемся взять на воспитание ребёнка из приюта.

Боже мой! Кто мог подумать, что у Нины, красавицы, музыкально одарённой девушки, после окончания консерватории так сложится жизнь?

Как бы угадав мои мысли, она сказала:

— А знаешь, где я нашла утешение? В церкви. Пою на клиросе во время службы. А мама с Коленькой сидят рядом, в храме.

— Ты стала верующей?

— И я, и муж. Он выстроил храм в деревне, где находится наш загородный дом. Всё есть. Всё отдала бы, и себя в придачу, чтоб только Коленька был здоров.

Я была потрясена. Как же тяжело ей жить! Невыносимо! Какой героизм! И она пришла сюда потому что, утопая в своей горе, схватилась за соломинку, за воспоминание о нашем бурном, походном детстве. Я обняла её.

— Давай выпьем за дружбу. Если когда-нибудь я тебе потребуюсь, помни, я всегда есть.

— Спасибо, Надюша, я всегда знала, что ты верная. А скажи, как там Костя? Он ведь с детства в тебя был влюблен.

— Его нет в Москве, Он в командировке в Иркутске. Возглавляет компанию за сохранение экологии Байкала.

— Деловой человек!

— Да не то слово! Телеграмму прислал. Я ещё не успела показать, у нас какое-то бурное начало: то Настя — вулканолог, то Игорь — банкир, то Дима — многодетный бездомный отец. Тут не до телеграммы. Вот она, читай: «Девиз — «Не оплошать»! Ответ: — «Не оплошаем»!

— Костя — редкий человек. Такого доброго, порядочного, светлого не часто встретишь.

— Тогда почему ты не выйдешь за него замуж?

— Не знаю. Что-то держит.

— Не опоздай и не прогадай. Другого такого не будет.

— Я знаю. Он заслуживает большего, чем я могу ему дать.

Как всегда бывает в компаниях, то говорят хором и никто никого не слышит, то приспосабливаются вести разговоры с рядом сидящими. Но вот, перекрывая разговорный шум, Лена произнесла следующий тост.

— Ребята, дорогие мои, я хочу выпить за всех нас, за то, что мы молоды, здоровы. работаем, растим детей и живём в Москве. Мо-

жет быть в «бананово-лимонном Сингапуре», как пел Вертинский, и солнца больше, и фрукты слаще, и море рядом, и ВВП огромный (она взглянула на Игоря), но я лично рада, что живу в Москве. У меня тут всё родное. Поэтому когда я возвращаюсь из очередной командировки...

— Наш брат журналист жизнь проводит на крыльях и на колёсах, — вставил Дима,

— Я радуюсь, как ребёнок и суете, и сутолоке, и чтению газет в метро, — продолжила Лена. — Понимаете, это наш ритм, это наш образ жизни. А когда нас что-то не устраивает, мы возмущаемся, иной раз и скандалим. Конечно, я за хорошую жизнь. Как говорил Козьма Прутков: «Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше». Я вам всё это говорю, а сама вспоминаю последнюю поездку в Вязники. Если бы вы видели, как живут люди в провинции, какие у них зарплаты, как они спиваются и самоуничтожаются.

— Лен, ты вроде начала за здоровье, а кончила за упокой, — справедливо заметил Дима.

— Вы простите меня, это действительно так. Потому что Москва — это не город, а государство. А вся великая Россия — это совсем другое. И я всё время об этом думаю.

Лена села, Лёля с Сашей пошли танцевать. Дима бормотал: «На неприятности нарываешься, ещё одна правозащитница нашлась, мало вас отстреливают, а ты мне живая нужна». Димин роман с Леной как начался в десятом классе, так длился по сей день. «Ленке общество нужно, а мне семья». Вот он и женился после очередной лениной командировки, длившейся полгода, на милой, спокойной девушке, которая родила ему троих сыновей. А любовь свою первую, Ленку эту, манифестантку, забыть не может и тайно встречается с нею все годы. Лена почувствовала, что не к месту она затеяла этот разговор. Поддержала её Эля Орлова. Она работала паталогоанатомом, сотрудничала с МУРом и писала диссертацию на тему судебно-медицинской экспертизы. Через её руки, в буквальном смысле этого слова, проходили и алкоголики, и наркоманы, погибшие при странных обстоятельствах. Элина внешность абсолютно соответствовала её фамилии: орлиный нос, близко поставленные глаза, руки в движении напоминали хватку орла, не случайно в школьные годы Дима её прозвал Орлом. Своё не упустит, чужое не возьмет. Всегда собранная, чёткая, бескомпромиссная. Дважды выходила замуж и разводилась

и на мужчинах поставила точку. Занялась карьерой. Она не подведет. Её уважали в клинике, почитали в МУРе.

— Лена права. Спивается народ. Это серьёзная государственная задача, — начала она, — надо не с пьянством бороться, а повышать жизненный уровень.

Дима обхватил голову руками:

— Умоляю, не надо!

И вдруг протрезвевшая Настя выпалила то, что Дима ей уже никогда не простит.

— Ребята, а что я вспомнила! Полудикие африканские племена не употребляют алкоголь, вместо этого они пьют кровь. Да, да, масай берёт короткое копьё, вонзает его в сонную артерию быка, припадает губами и пьёт живую кровь, а рану залепляет живым навозом и идёт сражаться со львом с копьём один на один. Победит льва, значит настоящий мужчина, а если лев его, то одним слабаком меньше. Всё!

— Да, дорогая, это всё, — Дима стоял бледный, как стенка, его мучило при воспоминании о крови, он ненавидел врачей и всё, что было связано с кровью. А тут...

— Я удушю тебя и сяду в сингапурскую тюрьму, — направился он к Насте.

- Своей обойдешься!— Настя спряталась за Элю.
— Да ладно тебе, — утихомиривала его Лена, — остепенись.
— Пойдём отсюда.
— Ну, перестань, ребята обидятся.

Кое-как урезонили Диму, и тут возвратились из зала, где лихо отплясывали шейк Лёля и Саша. Эта школьная пара всегда была на виду. Хорошенькая Лёля начала краситься с детства. Её женский девиз — «Лицо всегда должно быть новым». Как наряжают манекен в разные одежды, так Лёля день ото дня колдовала над своим лицом и достигла в этом совершенства. Да и работа была в помощь: Лёля работала продавщицей в дорогом косметическом итальянском бутике.

— Вы бы только послушали, что Саша рассказывает из своей юридической практики, это сплошные анекдоты, — на ходу, смеясь, бросила она.

Они сели чуть в стороне, о чем-то тихо беседуя. Саша взял лёлину руку и прижался к ней губами. Лёля потупила глаза. К ним потихоньку подседа Даша. Похоже, она просчитала, кого можно сделать своими клиентами. Судя по заинтересованности, которую проявила эта пара, разговор шёл в нужном русле. Обменялись визитками. Я услышала, как Даша сказала: « Так я жду вас в ближайшее время».

Наша встреча подходила к концу, и тут Эля, почти промолчавшая весь вечер, вдруг сказала:

— Так, когда мы пойдём к Софье Сергеевне — в субботу или в воскресенье?

Сказала так, как будто все уже было оговорено. Решили идти в субботу, накануне Нового года, как полагается с ёлкой и со всем остальным, что приносит радость в дом.

Собралась целиком вся Великолепная десятка, — из командировки возвратился Костя. Встретились у входа метро, и всей компанией отправились в гости, где их ожидала Софья Сергеевна.

Отовсюду обо всём

Софья Сергеевна жила в той же маленькой квартирке. С пола до потолка на полках — энциклопедии и словари всех мастей. На вопрос, с чего у неё начинается утро, она отвечала: «С энциклопедии». А как же зарядка? «В промежутках между статьями».

Нашему приходу она очень обрадовалась и, было видно, что долго готовилась к нему. Нас встретил праздничный стол с разнообразием вин, закусок, а отдельно, на сервировочном столике важно стоял знаменитый «Наполеон», приготовленный по старинному рецепту. Ёлку Дима с Сашей установили мигом, зажгли лампочки, откупорили шампанское.

— За хороший уходящий год, который собрал нас вместе!

Как знакома нам атмосфера этого дома! Окунувшись в неё, мы снова стали детьми, шаловливыми, бесшабашными, весёлыми. Стол сервирован, как в ресторане. Здесь не только много всего вкусного, но ещё и очень красиво. А вина все крымские! Это точно в память о нашем походе! Какой тонкий человек наша Софья Сергеевна! Всё-то она понимает! Как хорошо, когда есть тылы, когда над нами — защита мудрого, близкого человека. Так уж устроен человек, что в каждодневной текучке не замечает заботы родителей, близких, старших товарищей. А ощущает острую нехватку только с уходом их. Тогда рушатся небеса, земля уходит из-под ног. Но сегодня не надо о грустном. Как блестят глаза Софьи Сергеевны! Сколько в них радости и молодого задора!

— Софья Сергеевна! Вы совсем не изменились.

— Некогда мне меняться. У меня дел полно!

В её возрасте большинство заняты лечением существующих и придуманных болезней, выяснением каких-нибудь отношений, бесконечными ремонтами, покупками, стройками и т.д. Но у Софьи Сергеевны — другое. Она по-прежнему работает в школе, водит детей в походы. Её неумная энергия, способность к наблюдательности и любовь к порядку, системе в делах превратили школьную учительницу в замечательного журналиста. Её статьи в экологических журналах заинтересовали одно тургентство, и ей предложили небольшую работу по составлению каталога. Что тут началось! Работа была выполнена молниеносно, качественно, за что её и поощрили льготной поездкой в Индонезию!

— Расскажите про Индонезию! — стали просить мы хором.

— Всё расскажу, по порядку. Но вначале выпьем и закусим. Соловья баснями не кормят. Смотрите, как заливное застыло, — и она почти вертикально ставит овальное блюдо с рыбой.

— Ой, упадет! — кричит Настя.

— Не упадет, а в рот попадет, — шутит Дима.

Звон бокалов. Какие вкусные креветки в кляре готовит Софья Сергеевна! А её соусы просто неподражаемы. Надо будет взять рецепт. И рулет, и тарталетки, и разнообразные фаршированные трубочки, салаты, желе и т.д. Чего только нет! Тост за Софью Сергеевну, замечательную хозяйку, побывавшую в Индонезии!

— Ребята! Об Индонезии раньше даже и мечтать невозможно было! — начала Софья Сергеевна. — Давным-давно в 1957 году в Москве проходил Первый Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Приехали со всех концов молодые люди, было очень весело, всюду песни, знакомства, встречи. Вот тогда мы впервые познакомились с индонезийцами, красивыми, добродушными людьми. Они привезли с собой песню об Индонезии, и она так полюбилась нам, что её перевели на русский язык, и вся Москва пела песню «Индонезия — любовь моя». Она и сейчас у меня в памяти. Вот послушайте.

Она взяла гитару и запела:

*Морями тёплыми омытая,
Лесами древними покрытая,
Страна родная Индонезия,
В сердцах любовь к тебе храним.
Тебя лучи ласкают жаркие,
Тебя цветы одели яркие,
И пальмы стройные раскинулись
По берегам твоим.*

Мы тихо слушали её мелодичное пение и представляли эту далекую, сказочную страну, где всё утопает в зелени, тёплое море качает лодку, а по берегам растут пальмы...

— А пальмы-то, пальмы какие! А люди какие! Знаете, как они уважают природу: На Бали нельзя строить дома выше пальмы.

Остановить Софью Сергеевну почти невозможно. Она и хозяйка за столом, успевающая к каждому подойти, и поухаживать, и предложить отведать приготовленное ею блюдо.

— Вы, вероятно, помните, что Индонезия страна 18 тысяч островов и 220 действующих вулканов, — продолжила Софья Сергеевна.

— Извините, что перебиваю, но вулканы — это по части Насти, — не выдержал Дима.

— Как так?

— А наша Настька теперь вулканолог, специалист по спящим вулканам и по масаевским племенам!

И пошло...

Чтоб уgomонить вечно ссорящихся из-за ничего Настю и Диму, Софья Сергеевна сказала:

— Дима, я думаю, что ты к Насте равнодушен.

Все расхохотались, так как знали о романе с Леной.

— Софья Сергеевна! Пусть они сами разбираются, расскажите о ваших впечатлениях.

— Я была на вулкане Кинтомани, который время от времени извергается, вокруг много горячих источников, гейзеров. Склоны его покрыты застывшей лавой, подобно траурному плату, лёгшему на землю. Люди до сих пор вспоминают страшные извержения вул-

кана Кракатау, унёсшего десятки тысяч жизней, потопившего несколько островов, изменившего климат и экологию.

— А как же живут там люди?

— Привыкают ко всему. Просят святых духов вулканов смиловаться. Есть даже праздники, посвящённые духам вулканов, когда жители всего острова в нарядных одеждах, с огромной пирамидой фруктов и цветов проходят по городу и собираются в одном месте, чтобы молиться им.

Софья Сергеевна показала фотографию церемониального шествия.

— А люди какие красивые! Кожа смуглая, бархатистая, интересно, чем они мажутся?

— У них, Лёлочка, на все случаи жизни — пальма. Это и парфюмерия, косметика,

И ткани, и прочнейшие верёвки, и вино, и масло, и кокосовый орех, и сахар.

— Сахар-то откуда? — в разговор вступила Эля.— Их кокосовое молоко, как наш берёзовый сок, лишь слегка сладковатый.

— Сейчас расскажу. Когда кокосовая пальма цветёт (у неё огромные белые цветы, напоминающие магнолию), то срезают цветок и ставят поддон под цветоножку, из которой вытекает сок. Его достаточно много. На солнце он кристаллизуется в длинные, хрупкие кристаллы фруктозы и глюкозы. Это натуральный и очень полезный продукт. Да что я вам рассказываю? Вот же он стоит рядом с «Наполеоном» в сахарнице! А на втором уровне — каждому из вас маленький пакетик с этим сахаром. А в других пакетиках — по каменному подарку, берите сейчас, чтоб не забыть, это андезит, вулканическая порода, из которой выстроены огромные храмовые комплексы: индуистский Прамбанан и буддийский Борободур — храм тысячи Будд. Они были построены в VII-IX веках, сквозная резьба по камню, периметр достигает четырех километров. Для сравнения: периметр Московского Кремля — два километра.

Мы взяли наши подарки и расселись по местам. Предложили тост за хозяйку дома, щедрую нашу Софью Сергеевну, никогда о нас не забывающую.

Встал Костя:

— Только что мы завладели сокровищами, которых у других нет. Примите и от меня байкальские сувениры. Начнем с Софьи Сергеевны.

Он открыл упаковку и протянул ей каменную картину.
— Какая красота! Пейзажная яшма! Так это же сам Байкал в обрамлении гор и лесов! И чайка над ним летит!

На пейзажных камнях зачастую бывают виды, филигранно выполненные природой! Так и художник не сделает! Часто такие картины можно видеть в яшмах, родонитах, малахитах, лазуритах, агатах, да и на самых простых булыжниках — кремнях. Какие дивные узоры скрывают в себе камни, надо только их вытащить оттуда, срезав алмазной пилой, отшлифовать и отполировать, и картина готова!

Девушкам Костя подарил украшения из лазурита, парням — нефритовые брелки, а мне — окатыш белого (редчайшего!) нефрита. Талисман на счастье! Милый Костя! Этот камень я по сей день ношу с собой...

— Уважаемые гости, — обратилась Эля, — не кажется ли вам, что материальный мир полностью вами овладел? Предлагаю о духовном.

— А я как раз и готов, — ответил Костя и взял гитару. — Вот, скажите, кто автор этой песни?

*Славное море, священный Байкал,
Славный корабль, омулёвая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал.
Молодцу плыть недалечко.*

— Автор — народ!

— А вот и нет! В начале XIX века были написаны стихи (длиннющие!) учителем Давыдовым, часто бывавшем в тех краях. В них рассказывалось о том, как бежал ссыльный из Баргузинского острога: «Дума беглеца на Байкале». Стихи быстро разошлись, и каторжники Нерчинских рудников, среди которых было много интеллигентов, написали музыку. Имена их не остались в памяти, поэтому музыка считается народной. Песню стали петь повсюду, но сократили текст втрое. Всё это я узнал в Иркутском университете. Именно там проходила конференция по защите Байкала «Всемирное наследие в опасности».

— Так ты был участником этой конференции?

— А как же?! Я член общества «Гринпис России». В миллионный раз обсуждался вопрос о целлюлозно-бумажном комбинате. Ин-

ститут Биологии представил свои документы, из которых ясно, что в районе сброса сточных вод ЦБК образовалось «мёртвое пятно», откуда исчезли все животные, рыбы и растения. И не только это. 336 рек и речек впадает в Байкал, а вытекает одна — Ангара. Реки, несущие сточные воды городов и электростанций, не успевают самоочищаться и загрязняют Байкал. Дым промышленных предприятий поглощается поверхностью Байкала. Ему грозит экологическая катастрофа.

Костя говорил долго, убедительно, его поддержала Лена, выступившая в газете со статьей «Байкал дороже целлюлозы». Она специально приехала в Иркутск в августе, чтобы быть на местном празднике «День Байкала».

— Собственно, меня интересовала не столько программа праздника, — они все похожи, — а настроение, пафос, влюбленность в свой край, одним словом, атмосфера, царившая там. И тут мой коллега, местный житель, предложил мне на его катере отправиться на Байкал.

Дима в упор смотрел на Лену, ушам своим не веря.

— И вот, когда мы прибыли в Листвянку, — я с катера — жаж! И в воду! Обожгло, как кипятком! Вода — ледяная! Еле вылезла. А он, Леня, говорит: «Не моржиха, — не шути, иди на берег, отогревайся». Он занялся своим катером, а я пошла по берегу, на солнце-то тепло. Вижу, неподалеку деревянный храм стоит. Войти бы, да я в одном купальнике. Всё-таки подошла ближе, а там бабуленька, добрая такая, смотрит на меня и говорит: «А я, однако, платки большие дам тебе, наготу свою в них закутай, да в храм пойдешь, Николае Чудотворцу помолись». Вхожу я, ставлю свечку Николаю Угоднику и ду-

маю: «О чём же мне попросить?» И говорю: «Вот у меня ни мужа, ни детей, — тут она жестко взглянула на Диму и ... (о, ужас!) наш Дима-Колючка съёжился, шипы убрал, стал похож на набедокурившего щенка, свернувшегося клубочком после нахлобучки, — помоги мне жить, как все нормальные люди. Помоги моей маме выздороветь». И выхожу из храма. А бабуленька мне говорит: «Всё, дочка, по твоей вере будет. Всем помогает Чудотворец. И Байкалу помогает, беду людскую от него отводит». Посмотрела я на Байкал, и так мне стало стыдно за людей, что я вернулась в храм и ещё одну свечку поставила — за Байкал.

— Ну и что, — спросил, усмехаясь, Игорь, — помог тебе Николай Угодник?

— А вот это я тебе не скажу, — коротко ответила Лена и в упор посмотрела на Диму. Он был подавлен.

Костя всегда отличался особой деликатностью и мог сгладить любой конфликт, чью-то неловкость. Нашёлся он и сейчас:

— Ой, Лена правду говорит, что вода там ледяная, но какая прозрачная! На 40 метров вглубь видно! Байкал — уникальное озеро, самое глубокое в мире — его глубина 1642 метра, запас пресной воды — 23 тысячи кубических километров, что составляет 20% всей пресной воды планеты, — продолжил Костя, — издавна Байкал почитали и прославляли. Его название с бурятского означает «Святое море», а с тюркского — «Богатое озеро». Около двух тысяч видов животных и растений, обитающих на Байкале, являются эндемиками, то есть нигде на планете больше не встречаются. Где ещё такое есть?! — с пафосом закончил Костя.

— В Африке, — неожиданно сказала Софья Сергеевна.

— Как в Африке?

— Это озеро Танганьика, оно находится в Восточно-Африканской рифтовой зоне. Так же как и Байкал, оно образовалось в результате движения тектонических плит при формировании материков. Так что Танганьика — сестра Байкала.

— А может, и не сестра?

И тут всех удивила Настя. Она не зашебетала, как всегда, а спокойно, как настоящий специалист, заметила:

— Аэрофотосъемка удивила весь мир: их очертания, словно лица близнецов! Танганьика до невероятности похожа на Байкал по форме, лесному и горному обрамлению. А по глубине Танга-

ньика занимает второе место в мире после Байкала, уступая ему всего 150 метров. Вода там тёплая. Я купалась. Танганьика находится недалеко от Килиманджаро, в Танзании, — она помолчала, как бы вспоминая что-то и добавила, — там можно купаться только в определённых местах, крокодилов много. — Она почувствовала на себе взгляд и оглянулась. Игорь, красивый, чопорный, недоступный смотрел на неё, как смотрят на ровню. Она стала ему внезапно очень интересна, и он не смог это скрыть. — И, что удивительно, — продолжала Настя, — и в Байкале, и в Танганьике многие виды рыб и животных похожи на обитателей морских глубин.

Наступила тишина. Это надо было осмыслить. И вдруг!

— Ой, я не удержусь! — Даша вскрикнула так, что мы все вздрогнули. — Извините, пожалуйста, меня, но я не могу не поделиться с вами сокровенным. Совсем недавно я была в Перу на самом высокогорном судоходном озере в мире на Титикаке.

— Удивительно благозвучно! Для салонной беседы — что надо! — конечно же, Дима, он, кажется, отошел от шока или же сделал вид.

— Кстати, в переводе означает «Бегущая пума». Оно находится на высоте почти четырёх километров, отгорожено от океана шестикилометровыми Кордильерами, а в нём живут акулы и вода солоноватая! Выходит, что озеро — кусок океана, отрезанный от него! Вот!

Снова тишина. И снова её нарушает Даша.

— Вот, я всем вам принесла свой фильм, который там сняла. Здесь и таинственный город инков Мачу-Пикчу, и их древняя столица Куско, и, что самое удивительное, это рисунки плато Наска.

— Даша, какая ты умница! Ты даже не представляешь, какой подарок ты нам сделала! Ведь об этом можно только мечтать! Когда-то давно шёл фильм «Воспоминание о будущем». Он породил множество толков по поводу прилета на Землю инопланетян. Мнения, как всегда, разделились, но факты, собранные авторами фильма, были

очень интересными. Расскажи, пожалуйста, о своих впечатлениях, — попросила Софья Сергеевна.

— Значит так. Летим на малюсеньком самолёте вчетвером над Наска на высоте четырехсот метров. Потоки воздуха нас кувыркают, как хотят. Голова кругом, укачаться не имею права, второго случая не будет.

— С четырехсот метров можно и прыгнуть, коль неумогу, — вставляет Дима.

— Сверху на плато всё как на ладони. На поверхности земли вырезаны фигуры. Вот пеликан с вытянутой змеиной шеей, длиной в сотни метров, стометровая обезьяна с закрученным спиралью хвостом, огромный паук, какой-то необычный цыпленок, тоже здоровенный, а на наклонной скале — тридцати двух-метровый человек, величиной в мой двенадцатиэтажный дом. Он в скафандре и в шлеме, ну, короче, точно космонавт!

— За тобой прилетел: кайся и собирайся!

— Не мешай! Так вот. Там рисунков — сотни, а линий и геометрических фигур — тысячи! А человек — один. Загадка? И ещё

одна. Каким образом сделаны эти борозды на грунте глубиной до тридцати сантиметров, что в течение двух с половиной тысяч лет их не уничтожили ни землетрясения, ни ливни, ни пыльные бури? Кто и для чего это сделал? Меня не покидает эта мысль, с тех пор как я возвратилась, я постоянно думаю об этом. Совсем недавно прочла, будто бы эти рисунки и линии выполнены сверху потоком направленной энергии неизвестной природы.

— На этом поставим точку, а кому нужна запятая, к Дашке в агентство и на самолёт!

— Ребята, то, что рассказала нам Даша, это, конечно, неразгаданная тайна. В связи с этим я вспомнила замечательные слова Альберта Эйнштейна: «Самое прекрасное, что мы можем испытать, это ощущение тайны. Она есть источник всякого подлинного искусства и всей науки». А теперь у меня тост: За интересную жизнь! — предложила Софья Сергеевна.

После чая со знаменитым «Наполеоном» Нина предложила:

— А давайте споем что-нибудь. Помните, нашу походную?

*Чтобы жить километрами,
А не квадратными метрами,
Чтоб устать от усталости,
А не от собственной старости.*

Вспомнили Юрия Визбора. Пели долго и тихо, как будто костёр догорал. А, уходя, каждый оставил у Софьи Сергеевны кусочек себя. Лена — подшивку своих журнальных и газетных статей. Игорь — видеокамеру. Саша и Лёля подарили травертин, известковый туф из Турции. Они были в Памукалле (в переводе с турецкого «Хлопковый замок»), который находится на месте античного греческого города Иераполис. Именно здесь сохранился бассейн Клеопатры. Там горячие углекислые источники выносят на поверхность карбонат

кальция, который, осаждаясь, образует горную породу травертин или известковый туф. В Памукалле он белого цвета. Будто бы снежные, застыли среди лета причудливые травертиновые фигуры. А бывает травертин и бурый. Из такого выстроен в Риме Колизей.

— Знаете, Софья Сергеевна, — сказал Саша, — там такая красота, как в Новоафонских пещерах, куда вы нас водили, когда были на Кавказе. Только без потолка над головой. В пещерах — там сталактиты сверху свисают, сталагмиты снизу вверх растут от натеков кальция и образуют колонны, арки, гирлянды. А здесь всё под открытым небом.

— Мы вас там вспоминали, — добавила Лёля.

Софья Сергеевна обняла их и спросила:

— Свадьба когда будет?

— Когда-нибудь, — ответила Лёля. А Саша промолчал.

Я подарила Софье Сергеевне свою книгу «Физика вокруг нас». И подписала: «Учителю от благодарного ученика». Софья Сергеевна потом долго по телефону хвалила меня.

Эля закончила одну из глав диссертации «Об использовании спектрального анализа при определении отравляющих веществ в крови».

Софья Сергеевна сказала, что это очень нужно для восстановления справедливости. Настя и Дима подарили фотографии: Настя на фоне горы Килиманджаро, Дима — своих троих сыновей.

Софья Сергеевна была очень тронута и сказала Диме, что он большой молодец. Дети — это самое главное. А остальное прибудет. Нина слышала этот разговор и ничего о себе не сказала. Она была хорошо воспитана и умела держаться. А в память о встрече подарила Софье Сергеевне серебряную брошь-елочку.

— Ребята, дорогие мои! Какие вы замечательные люди! Сколько у вас важных и неотложных дел, у каждого своя дорога. А вы пришли ко мне по старой дружбе. Эта радость меня не покинет никогда.

И только тут мы заметили, как она сильно изменилась. С момента нашего прихода её возбужденное состояние, блеск глаз, радушие и гостеприимство заполняли её. А сейчас она оставалась одна. Весь вечер она была, как цветущая хризантема, а сейчас стала похожа на увядающую розу. Как бы угадывая наши мысли, она с грустью сказала:

— Нет, я не одна, я вместе с вами второй раз проживаю жизнь, иду вашими дорогами. А они — только в самом начале и конца им не видно. Успеха вам, дорогие мои.

...А флейта пела о любви

И, наконец, наступило лето. Как и договаривались — я повар геологической экспедиции, возглавляемой Костей.

— Ай да каша! — хвалит Рубен, — ни в одном ресторане так бы не приготовили.

— Правильно, чего им с кашами возиться? Есть еда поинтереснее. Наловили бы мне сига в Севане, отдохнули б день от каши.

— Это можно, — добродушно говорит Рубен, — жаль приурочить не к чему, праздников не предвидится.

— Как так? А мой день рождения, — вмешивается во взрослый разговор мой Алёша.

Я уже готова сделать ему замечание, как вдруг — оживление: люди рады поводу. Что ж, я тоже. Придётся устраивать сыну праздник.

* * *

Рано утром серебристый сиг в руку толщиной поджаривался на большой сковородке, установленной на кострище, где теперь мягко тлели древесные угольки.

Костя неслышно подошёл и положил мне руку на плечо:

— У меня есть для тебя подарок, пойдём,— он смущённо заморгал близорукими глазами,— это здесь, недалеко.

Я приглушила угли, оставив рыбу доходить в горячей золе, тёплой золой отёрла руки, и мы пошли.

Костя привёл меня на поляну — зелёную-презелёную. Наверное, про такую рассказывал мне Георгий Иванович. Костя почувствовал моё восхищение выбранным местом, я заметила это по его улыбке. Он вытащил из сумки ноты и флейту:

— Позволь поздравить тебя с днём рождения сына.

Костя, милый Костя, какой ты необыкновенный человек! Сколько в тебе чувства, доброты. Как прекрасна твоя музыка, но ещё прекраснее душа. Солнце разогревало кору старых сосен, янтарная смола текла по ним, шмель жужжал о зное лета, а флейта пела о любви.

— Костя, ты необыкновенный, самый замечательный человек.

— Тогда выходи за меня замуж,— выпалил он, неизвестно откуда набравшись смелости.

«А почему бы и нет? — пронеслось у меня в голове.— От добра добра не ищут». Я готова была сказать: «Хорошо», но вдруг он засмущался сильнее прежнего и робко предложил:

— Я ведь не тороплю тебя, ты подумай, мы ещё вернёмся к этому разговору, я всё понимаю, сын, его отношение ко мне, но ты можешь не беспокоиться, — мы поладим, однако я все же не наступаю, я не имею права, мы лучше поговорим завтра,— и он стал укладывать ноты в сумку и флейту в футляр. «Что ж, до завтра недалеко, завтра я скажу ему «да», и мы будем счастливой парой». Но то, что надо сделать сегодня, нельзя откладывать на завтра. Так было всегда, так было и на этот раз.

Мы возвратились в лагерь, Уже все встали и готовились к праздничному завтраку.

Завтрак на траве

— Алёша, подъем! Свой лучший день в году надо расширить за счёт сокращения сна. А ну-ка выползай! — Отари вытаскивает за ногу взлохмаченного, полусонного Алика.

— Ну, иди, я тебя поздравлю, — в горле комок, как быстро время пролетело, большой уже, а мне-то сколько! Тогда казалось, что много.

— Вот тебе мой подарок.

— Обсидиан! Как медвежья голова! Прямо из природы так вышел?

— Да, но до этого много огонь трудился, а потом коготь дьявола вонзился в землю и выворотил её вместе с обсидианом. Так рассказывает легенда.

— А история знает другое,— Костя считает, что с детьми надо говорить только серьезно.— Обсидиан — вулканическое стекло, а название свое он получил по имени римлянина Обсидиана, привезшего камень из Эфиопии в Рим.

— Иди, парень, к нам. Зимой уроки будут. Лучше давай-ка посмотрим, что нам Горный Дух подарил. Разгреби-ка валежник,— Рубен, сидящий на корточках, рыжеволосый, крупноголовый, сам похож на лесного колдовского обитателя.

Разбросав валежник, Алёша вытащил геологический молоток.

— Вот это да! И подписанный! — голос его дрогнул, когда он стал читать: «Будущему геологу в день рождения от коллектива геологического отряда. Будь счастлив. Будь хорошим человеком».

— А это — что-то нерусское,— с удивлением Алёша рассматривает незнакомые слова.

— «Mente et malleo» — «Умом и молотком» — старинный девиз геологов.— Никто не заметил, откуда взялся Георгий, главный геофизик. В руках у него огромный букет здешних голубых тюльпанов. Он ходил в горы и сейчас дарит их мне, поздравляя с новорожденным. Какие необыкновенные цветы! Таких я больше нигде не видела, как возле села Мартуни, где размещался наш отряд, недалеко от Севана.

Завтрак на траве готов. Только расположились мы вокруг яств, смотрим — с пастбища спускается на коне пастух. Подъехал ближе, арбуз предлагает купить, огромный, как бочка. Я протягиваю

деньги — пусть вместо торта арбуз будет. Тут Рубен сказал парню по-армянски что-то, тот спешился и подошел ко мне.

— Кавказцы в праздники денег не берут. Дарю на счастливый день.

— Садитесь с нами завтракать, гостем будете.

Наш отряд интернациональный: представители всего Кавказа плюс четверо москвичей. У костра все поют на свой манер. Вот завелся Рубен: «Вай-вай-вай...» Какая удивительная песня, не имеющая ни конца, ни начала, сколько бы её ни пели. Слушаешь и удивляешься необычайному музыкальному дарованию армян, красоте и силе их голоса. Как золотые бубенцы, серебряные колокольчики — хрустальные голоса. А вот запекает свою любимую песню Отари, он из Грузии, из Самцхе, где когда-то было очень развито златокузнечество, прославившее Сванское государство:

*Кузнец, кузнец, ты ювелир,
златокузнец ты мой,
из золота, что ты принёс,
златокузнец ты мой,
подковы выкуй мне для птиц,
златокузнец ты мой.*

Наш праздник продолжался до вечера: завтрак незаметно перешёл в обед, а затем и в ужин. Сегодня мне как повару помогали все. Руки мои, отдохнувшие от работы, немного отёртые от золы, выглядели вполне прилично. Я надела мой перстень с топазом, — всё-таки у меня праздник. Подошёл Костя и сел рядом.

— Тот самый? — он кивнул на топаз.

— А ты помнишь?

Вместо ответа он взял мою руку:

— Зачем так говоришь? Помню всё, начиная со школы. Ещё там, а потом в институте все собирался тебе сказать то, что сегодня там, на поляне.

Неожиданно к нам подсел Георгий. Взгляд его упал на мой перстень:

— О, это прекрасная вещь, Бразилия, топаз «капля воды», старина. По наследству?

— Да, конечно.

— По поверью, топаз дружбу обеспечивает, так что, Костя, есть шансы.

— Наша дружба ещё до топаза состоялась,— чувствовалось, что бесцеремонное вторжение в наш разговор неприятно Косте. Но геофизик уходить не собирался, он был настроен на разговоры, а уж поговорить-то Георгию было о чем. Наделённый от природы феноменальной памятью, он всю эксплуатирует её.

— Кстати, о топазах: Плиний Старший, римский натуралист, упоминает о нём, как о золотом камне, добываемом на острове Топазис в Красном море. Рыжим это известно? — он треплет за чуб подошедшего к нам Алёшу.

— Нет,— стыдливо признается он.— Расскажите что-нибудь про Плиния.

— О, про Плиния можно рассказывать сто лет, хотя жил он всего пятьдесят три года — погиб при извержении вулкана Везувий в 79 году н.э. Он хотел описать в своей «Естественной истории» извержение вулкана глазами очевидца, но случилось так, что гибель Помпей и Геркуланума и собственную смерть Плиния описал его племянник.

Мне показалось, что говорит он не только для Алёши. И действительно, на его выразительный голос собрались чуть ли не все наши. Это подействовало на него вдохновляющее, и он перешёл на несколько игривый тон:

— Так вот, Алёша, ссылаясь на описания Плиния Старшего, хочу сказать, что этот камень, например,— он указал на лазурит, висящий на цепочке на шее Рубена,— улучшает кровь, уничтожает меланхолию, укрепляет сон. «Он подобен,— говорил Плиний,— небесному своду, усеянному звёздами». Похоже, твой прибайкальский?

— Верно, с Малой Быстрицы, сам и смастерил,— ответил Рубен.

— И куда ни посмотри — интересное рассказать можно, а что касается камней, то у римлян и греков каждый камень свою легенду имеет.

— А об этом, ну-кась, сочини,— шофер нашей партии дядя Федя, человек без фигуры и без возраста, балагур и весельчак, за словом в карман не лезет. Тогда что же он так долго ищет в кармане?

— Ну вот, нашёл, а то все сотенные да сотенные,— шутит он и передает Георгию медную монету.

— Сочинять не стану, а повторю легенду, которую знаю.

У Георгия прекрасная пластика. Он, как мим, жестами рисует образ. Вот и сейчас у костра он решил разыграть сцену. Он что-то шепнул Алёше, и тот, хихикнув, скрылся в палатке, шебурша чем-то. Через мгновение Георгий, накинув на себя две простыни, как хитон, изображал древнего римлянина.

— Итак, уважаемые почитатели науки. Вы находитесь в Мусейоне — обители муз и Аполлона. Слышите напевы хора Софокла? Это гимн, восхваляющий силу, мудрость, красоту. В комнате слева — библиотека (он указал на кипу камеральных карт), справа — анатомическая школа (в холодной воде в ведре оставались два сига), на крыше, в стороне от портика — обсерватория (он перстом указал на звёздное небо), рядом — ботанический сад (он кивнул на окружающие нас деревья) и зверинец (под зверинцем подразумевался наш пёс Колчедан). А мы с вами пройдем в научные лаборатории.

Он вытянул на ладони монету и будто проплыл вперед, оставаясь на месте. — Это монета двадцатого века. Она сделана из меди. А что такое медь? Это купрум. В загадках ищите женщину.

— Чего ей в купруме-то делать? — не выдержал дядя Федя.

— Спокойно, высокочтимый нумизмат. Прекраснейшая из женщин — богиня Афродита, родившись из пены морской, вышла у берега острова Кипра, чем обязана своему второму имени — Киприда. Недра Кипра богаты медью. Вот и вся загадка. — Он возвратил пятак сопевшему дяде Феде. — Кипр по-гречески «Купрас», отсюда — купрум — медь.

— И откуда ты всё знаешь?

— Я не всё знаю, — сдержанно поклонился ему Георгий, — я только всё помню. Вот, например, я помню, — он указал на узорчатый камень своего перстня, — что имя этому камню дал Плиний Старший за сходство с зеленью мальвы, которая по-гречески называется маляхэ. Видел такой? — обратился он к Алёше.

— Это малахит, — радуясь своему знанию, ответил Алёша, — у моей мамы такой тоже есть.

В разговор вступил Отари. Видно было, ему не терпится слово сказать:

— Слышь, Георгий, а насчет золотишка Плиний в курсе был? — в улыбке блеснули его вставные золотые зубы — следствие недавнего слалома.

— В те времена, намного раньше твоего песнопения о златокузнеце, на Кавказе жили иберийцы, которые собирали в реках золото, разложив по дну овечьи шкуры. Так возникла легенда о золотом руне. Плиний писал, что на горах Гордии, за воротами Кавказа активно разрабатывались золотые прииски.

Я поймала себя на мысли, что мне не только интересно его слушать, но и видеть его плавные движения, приятно ловить улыбку, обращённую ко мне.

— А ты был в нашем музее Грузии в Тбилиси? Видел холодную пайку золота? Технику зерни? Сейчас никак не поймут, как они, наши далёкие предки, такими способными были. Вот тупик: они могли, а мы — нет. Что ты на это ответишь?

— Отвечу, что каждое время в истории имеет свои секреты. Но ты не выдерживаешь правила игры. Ты спросил о золоте как таковом, а перешёл на исторические ценности и реликвии. Возвращаясь к нашему разговору, хочу тебе ответить, что золота много и на Кавказе и за Кавказом: за всю историю человечеством добыто около 200 тысяч тонн золота.

— Ну, ты прямо ходячая энциклопедия, наверное, тебя никто не переговорит,— честно признал Отари,— или, может, кто рискнет.

— Нет, рисковать не будем, но есть, однако, предложение: давайте будем считать, что окончилось первое отделение нашего вечера у костра, которое мы назовем «В гостях у Плиния Старшего», а второе пусть будут «Лапидарии»,— сказала я.— Поскольку общение обогащает, будем надеяться, что, обмениваясь читанным и слышанным, узнаем что-нибудь новое. Итак, я предлагаю вспомнить «Лапидарии».

— Чего-чего? — дядя Федя такого слова еще не слышал.— У меня внуки растут, спросят, что я делал в экспедиции, а я им — «лапидарии». Вот задаст мне старуха.

Все захохотали.

— Нет уж, дочка, с расшифровкой, чтоб знать, за что оплеуху получать.

— «Лапидарии» — древний сборник о свойствах минералов (с латинского «лапис» — камень. В нем минералы описывались в основном с точки зрения их магических свойств,— начала я и посмотрела на Георгия. Он стоял, прислонившись к дереву, его будто ветром зачесанные волосы в отсветах костра отливали медью. Наши взгляды встретились. Он снова улыбнулся.

«Какая красивая улыбка, какой красивый человек, я ещё такого не встречала»,— подумала я, и тут же странное предчувствие кольнуло меня,— в отсвете костра его глаза горели холодным, отчуждённым блеском. «Кажется. Мне всегда кажется плохое. Перестраховка сознания. Так нельзя. Он умный и добрый». И вдруг — взгляд Кости: что это с ним? Когда-то давно я уже видела такие его глаза. Когда это было? Ах да, ещё на моей свадьбе, когда жемчужины рассыпались... Похоже, ты ревнуешь, Костя? Да ты не иначе как старомодный собственник? Ещё не муж, а уже гневаешься! На свободную женщину хочешь цепи семейного рабства накинуть?!

— Мама, рассказывай, все ждут,— теребил меня Алёша.

— Ах да,— очнулась я,— мне хочется рассказать...

И вот я уже в колдовской магии камней моих любимых, никогда не покидаемых, вечных спутников жизни и воображения.

— Конечно, здесь люди собрались бывалые, которых ничем не удивить. Но камни всегда так привлекали людей, что о них сложены бесчисленные легенды, написаны книги о лечении камнями, о влиянии их на судьбу человека и — можно верить, можно — нет, но то, что я узнала из многих источников, кажется мне интересным. Итак, с чего начнём?

— С бирюзы,— предлагает Рубен.— Недавно жене подарил.

Он закурил и продолжил:

— Премию дали, поехал новый телевизор покупать. По дороге зашёл в ювелирный, а там — браслет из бирюзы, ясно-синей, техутской. «Что,— я думаю,— армяне мы или нет? Армяне настоящие. Во всех поколениях. Так почему бы мне не подарить жене моей самый армянский камень? Может, оттого моя Сильвия и грустит по вечерам в саду, что ей этого камня как раз и не хватает. Взял и купил. Иду домой и думаю: вдруг ругать станет — дорого! А она обняла меня, да так крепко поцеловала и говорит: «Дорогой ты мой! Не пожалел таких денег! Значит, любишь!» С этим камнем улыбка в наш дом вошла. Любит жена камень и верит в то, что он от несчастий бережёт. Работает она на конном заводе, сами понимаете, верхом на коне. Так вот, сколько бы её конь ни сбрасывал, а ни одной царапины. Жена на работе — камень дома лежит, а она верит, что он её и на расстоянии оберегает. Человек-то как устроен? Ему обязательно во что-то верить надо.

— Бирюза — по-персидски «фирюза» — счастье. Посоветуйте Вашей жене участвовать в конных аукционах. По поверью, бирюза обеспечивает успех при продаже лошадей. За ней последнее слово останется.

Ближе ко мне подсел дядя Федя. Сейчас он что-нибудь изречет или вопросом в тупик поставит.

— Вот ты, дочка, говоришь, что в древности камнями лечились. А вот найди мне такой камень, чтобы на почках поставить точку.

— Это, дядя Федя, проще простого,— радуюсь я.— Вам нужен нефрит. В переводе «нефрос» — почка, по-гречески. Вот этот камешек я всегда с собой ношу, посмотрите, какой он гладенький и по форме — маленькая почечка. Всегда считалось, что нефрит помогает при почечных болезнях. Но история рассказывает, что один китайский император умер на нефритовой кровати,— ему не помогло.

— Так это же он помёр оттого, что смерть пришла, а не от почек, может,— обнадёжил себя дядя Федя.— Дай-кось мне при себе поносить.

— Берите насовсем. У меня дома ещё есть.

— А что про эти свойства камней только в «Лапидариях» сказано? Больше нигде никто не проверял? — поинтересовался Отари. Он в экспедиции рабочий, пока что многого не знает, но очень тянется к интересным разговорам.

— Впервые камни классифицировал греческий ученый Аристотель в IV веке до н.э., потом — Плиний Старший, потом — «Лапидарии», а в XVIII веке появился русский лечебник. Многие камни прописывались от болезней, например: рубин носить — у кого сердце болит, сапфир очищает глаза, укрепляет мускулы, предохраняет его обладателя от зависти, привлекает симпатии окружающих.

— А вы лично как думаете: всё это — правда? — ставит вопрос ребром самый юный член экспедиции студент-практикант Эдик.

— Половина на половину. Как и лекарства — кому — да, кому — нет. Как повезёт,— отвечаю я.

— А для везучести какой камень носить надо?
— Чёрный кварц морион.
— Этак себя обвещаешь — с места не сдвинешься,— в море уто-
нешь,— вздыхает Отари.

— А что б в море не утонуть, то полагается аквамарин при себе
держат. А что касается его ближайшего родственника — изумруда,
то у него широкая специализация: он обладает способностью пред-
видеть будущее и просветляет ум того, кто его носит.

— Армянские рукописи XVI—XVII веков, хранящиеся в Матена-
даране в Ереване, утверждают, что если перед змеёю подержать из-
умруд, то из глаз её польется вода, и она ослепнет. К тому, кто но-
сит на себе изумруд, не приближаются ядовитые змеи,— ну, конечно
же, Георгий.

— Да чтоб я испытывал терпение змеи! Разрази меня гром! —
воскликает дядя Федя.

— Вас послушаешь, так это в ювелирную лавку превратиться на-
до. Такого убьют или похитят вместе с камнями, как это всегда бы-
вало с владельцами крупных алмазов, — говорит Эдик.

— Кстати, об алмазах,— снова не удержался Георгий, будто бы
обращаясь к Алеше, все алмазы древности из Индии. Так, напри-
мер, алмаз «Дерианур» — «Море света» — был когда-то глазом ста-
туи индийского божества в брахманском храме. Потом неведомы-
ми путями он очутился в троне персидского шаха, а потом был по-
хищен: неизвестный кавказец врезал алмаз себе в ногу и таким спо-
собом перевез его в Петер-
бург. Григорий Орлов, фаво-
рит Екатерины II, за огром-
ную сумму купил для неё
этот алмаз у ювелира, кото-
рому кавказец его привез.
Алмаз засверкал в царском
скипетре и стал называться
«Орлов».

— А вот здесь можно и по-
спорить, — вдруг неожидан-
но в разговор вступил Ко-
стя. Глаза его сухо горели, го-
лос слегка дрожал. — Вокруг

алмазов всегда много легенд и баек, вроде той, что ты сейчас рассказывал. Не так все просто было с «Дериануром». Действительно, он был глазом индийского бога Брахмы в храме в Мадрасе. А вторым глазом был «Кохинур», — по-персидски «Гора света». В XVII веке «Дериануром» владел Шах-Джахан, индийский император из династии Великих Моголов.

— Это тот самый император, который построил Тадж-Махал? — спросила я.

— Он самый.

— Камень не один раз попадал в Персию и снова возвращался в Индию. Путь его следования всегда был кровавым.

— Почему? — в глазах Алёши был испуг.

— Алмаз редкий и самый твёрдый минерал. Его трудно найти и трудно обработать, огранить. Чтобы он засверкал и стал бриллиантом, нужно создать как минимум пятьдесят семь граней. Поэтому стоимость его велика. Он символизировал собою огромное богатство. А за богатством люди охотились всегда. Алмазные пути — это настоящие детективные истории. Ты можешь почитать об этом в книжках. Начни с «Шерлока Холмса», — посоветовал Костя и продолжил:

— В XVIII веке алмаз «Дерианур» был украден французским солдатом, который продал его капитану английского корабля. Таким путём алмаз попал в Европу, в Амстердам. Придворный ювелир Екатерины Второй Иван Лазарев купил его и перепродал графу Григорию Орлову, который и преподнёс его императрице в день её именин.

— А сейчас он где?

— Хранится в Алмазном фонде России. Ты ещё не был там? Ну, вот если мама разрешит, я тебя туда свожу, — закончил Костя и посмотрел на меня.

— А он очень большой? — не унимался Алёша. В разговор снова вступил Георгий.

— Да, почти 200 каратов, это около 40 граммов.

— А что такое «карат»?

— В Древней Греции каратами называли высушенные семена рожкового дерева, масса которых приблизительно 200 миллиграммов.

— А какие самые большие в мире алмазы? — вопросом не было конца.

— «Куллинан»*, «Эксцельсиор», «Джонкер».

— Крупный — это что же — с кулак, что ли? — дядя Федор прищурился.

— Почти. Если перевести караты на граммы, — он быстро прикинул в уме, — то масса «Куллинана» более 600 граммов. В 1907 году алмаз был подарен королю Эдуарду VII. Из алмаза сделали два больших бриллианта и более ста маленьких. Самый большой бриллиант, который получил название «Великая Звезда Африки», вставили в королевский скипетр Великобритании, а меньший — «Малая Звезда Африки» — украшает британскую корону.

Дядя Федор присвистнул. Алёша вцепился в Георгия:

— Расскажите всё про алмазы. И про самые большие, и про самые старые.

— Всё, пожалуй, многовато, да и публика тут, в основном, в курсе. Вот тебе Костя всю историю государства Российского поведал. Самые большие я тебе назвал, а вот самым старым считается «Кохинур», который был найден в Индии 5000 лет назад. 300 лет им владели правители династии Великих Моголов, о которых только что говорил Костя, — с иронией в голосе заметил Георгий, — он у нас великий учёный, всё знает, а я только сочиняю по ходу дела. Ну ладно, «Кохинур» был главным украшением «Павлиньего трона» в Красном Форте в Дели, во дворце императора. Его и дарили, и похищали не один раз, а пристанище своё он нашел в Англии в XIX веке. Он был подарен королеве Виктории, которой не понравилась его огранка, его заново огранили, он потерял треть массы. Его вставили в малую королевскую государственную корону Великобритании, и он по сей день хранится в королевском дворце в Лондоне, — всё,

---

* Долгое время «Куллинан» считался самым большим алмазом в мире. Но в 2007 году в ЮАР нашли алмаз, вдвое превосходящий массу «Куллинана».

Алёша, устал я отвечать на твои вопросы, терзай дальше Эдика, он самый молодой.

Алёша подсел к Эдику. «Неуёмный парень», — пробормотал Отари.

— Ну, что тебе ещё рассказать?

— Какой ещё интересный алмаз есть.

— Всё дело в том, что все алмазы имеют жутко путанные истории, они проходят тысячелетие и обрастают самыми невероятными легендами, распутать которые и Шерлоку Холмсу не под стать. Но я тебе расскажу об алмазе, который имеет при себе, так сказать документ.

— Паспорт?

— Вроде того. Только паспорт мы носим в кармане или в портфеле, а на алмазе «Шах» написано всё на его гранях, выгравировано.

— А, так это, как татуировка у дяди Феде! Да?

Все рассмеялись, а дядя Федя приосанился, выставил разрисованную грудь напоказ:

— В шахи попал! Вот до чего дожил!

— Так вот, — продолжил Эдик, — алмаз «Шах» тоже много странствовал. Но в XVI, XVII и XIX веках на трёх его гранях оставили свои имена его владельцы: это император из династии Великих Моголов и иранские шахи.

— А какой он?

— Его длина — 3 сантиметра, он прозрачный, жёлтого цвета, массой в 90 карат. Это сколько граммов получится, а?

— Надо умножить на 0,2. Значит, 18 граммов.

— Молодец, соображаешь.

— А где он сейчас?

— Хранится в Алмазном фонде. Он попал в Россию из Ирана в XIX веке, во время царствования Николая Первого. В Тегеране убили нашего посла, писателя Александра Сергеевича Грибоедова, современника Пушкина. Между Россией и Персией тогда отношения были сложные, а тут ещё и это убийство. Чтобы как-то замять конфликт, шах Ирана через своего сына передал русскому царю одну из величайших драгоценностей его дворца.

Наступила пауза. Все уже устали. Надо было как-то заканчивать этот разговор

— Тебе, наверное, мама рассказывала, что алмазы добывают в голубой земле из кимберлита. А называется он так по городу Кимбер-

ли, где с середины XIX века начались разработки в Южной Африке. Так рассказывала мама или нет? — спросил Эдик.

— Нет. Ей некогда. Она в школе работает.

Мне стало стыдно, и я попробовала оправдаться:

— Нельзя же всё рассказать.

— Так. С вами всё ясно. Так вот знай, Алёша, пока ждёшь маму из школы, читай книжки. А в этих книжках написано, что из 100 тысяч тонн породы получают пять килограммов алмазов.

— А порода где находится?

— Вопрос широкий. Если о месторождениях речь идёт, то главные на планете — Южная Африка, Якутия и Австралия. А если хочешь знать, в глубине или на поверхности, то и так, и этак бывает. Вот, например, в Мирном — открытый карьерный способ. Когда-то давно, — нараспев сказал он, — из глубин Земли выдавилась алмазная порода, образовав так называемую трубку взрыва.

— Большая она?

— Бывают до километра в диаметре. И вот в ней, если повезёт, можно найти алмазы.

— Как?

— Это делают на обогатительных фабриках, куда рыжих не пускают, — закончил Эдик и легонько щёлкнул Алёшу по веснушчатому носу.

Вдруг неожиданно в наш разговор вклинился пастух, который до этого сидел смирно, курил, пил чай и вдруг:

— А что за ним гоняются? Ну, твёрдый, ну блестит, ну и что? На себя зачем вешать? Кто красивым уродился, тому украшений не надо. А урода не украсит и бриллиант. Вон, жена друга брата собрала деньги за несколько лет — на базаре сулугуни продавала — и купила себе кольцо бриллиантовое. А куда оно ей? Все смеются: «Ха-за, поблести!»

Я заметила, как Костю покоробил этот разговор.

— Каждой вещи своё место. Алмаз — адамас, по-гречески «непобедимый». С древних времен считали, что камни наделены чудодейственной силой. Алмаз — символ твёрдости и храбрости, бесстрашия, победы над болью и недугом. — Костя немного помолчал. Я чувствовала его подавленное настроение, мне было его жаль. Но вдруг голос его приобрёл твёрдость, и он заговорил, чеканя каждое слово (как бы входя в поединок).

— Коль уж мы вспомнили сегодня Плиния,— он взглянул на Георгия, стоявшего рядом со мной,— то я хотел бы процитировать одно из его изречений: «Роль в истории материальной культуры человечества не измеряется тою денежною ценностью, которую представляет камень, а тем обаянием красоты, блеска и яркости, тем художественным сочетанием природных свойств и творческого замысла, которое заставило ещё на заре человеческой культуры смотреть на драгоценный камень как на воплощение богатств и красот природы».

Он замолчал. Я не была уверена, что его все поймут, но, взглянув мельком на пастуха, поняла, что он смущён. Наверное, не столько процитированное Костей, сколько его собственное глубинное отношение к сути вещей проникло не в ум, а в душу человека, далёкого от науки, от способности к обобщению. Сколько раз мне приходилось наблюдать, что не поток слов, не доказательства и уверения оказывают воздействие на человеческую душу, а именно вовремя сказанное слово, выходящее из самого сердца человека.

После наступившей ненадолго паузы заговорил Эдик. Ему давно не терпелось рассказать что-то своё, но он никак не успевал вклиниться. И вот его время настало.

— Про алмазы говорить — дело хорошее, а вы скажите лучше, кто из вас камни ел? — говоря это, он опустил сухарь в кружку с чаем.

— Ты насчет сухарей, что ль? — спросил его дядя Федя.

— И их тоже,— он вытянул ноги по направлению к костру, полу-прилёг на штормовку и начал свой рассказ:

— Когда я был ещё совсем молодой,— он провёл рукой по бакенбардам,— довелось мне побывать на Дальнем Востоке. Там рыбы в пугину, как у нас комаров. Амур разливается так, что если бы его сюда перекинуть — весь Кавказ залил бы.

— Пощади, хоть Арарат оставь сухим,— пошутил Рубен.

— Так и быть,— улыбается Эдик, сверкая крепкими белыми зубами.— Так вот, когда я был на Амуре, я глину ел, белую, вкусную, как сметана.

— Это кто же тебя до такой нужды довел? — не стерпел дядя Федя.

Эдик вспыхнул:

— Вот вы все только на своей машине ездите и на дорогу глядите, а чтобы жизнь узнать, надо по земле пешком топать.

— Дядя Федя, не нападайте на него, он, похоже, правду говорит сейчас. Ну, рассказывай, только больше половины не привирай, а то расшифровывать трудно,— заступился Георгий.

На это замечание Эдик не обиделся и продолжал:

— Так вот. Я исходил весь север Дальневосточного края, сблизился с местными жителями-эвенками, был у них как свой, даже одежду из рыбьей шкуры, из лосося мне подарили, расписанную красками, сделанными на основе красной икры.

— Ишь ты, куда махнул: и в рыбью шкуру его завернули, и икрой покрасили,— дядя Федя выпустил дым из сигареты прямо в лицо Эдика.

— Да что вы действительно не верите? — подскочил Эдик.

— Почти верим,— угомонил его Георгий,— дальше-то что было?

Я поймала себя на том, что меня восхищает в Георгии сочетание в нём, в зависимости от ситуации, и достоинства, и удивительной простоты. И имя, имя какое близкое... Как легко он ладит с людьми, а что глаза холодные, то это мне показалось. Конечно, показалось.

— Попал я на свадьбу, а они глину едят,— выпалил Эдик.— Все.— Он поджал под себя ноги и обиженно замолчал.

— Значит так. Начинаю переводить.— Георгий стал в центр круга:

— Действительно, в этих краях, о которых говорит Эдик, встречаются залежи белой глины. Местные жители называют её «земляной сметаной» и едят просто так или с оленьим молоком.

— И не противно-то землю к себе внутрь запихивать? — уже потише спросил дядя Федя.

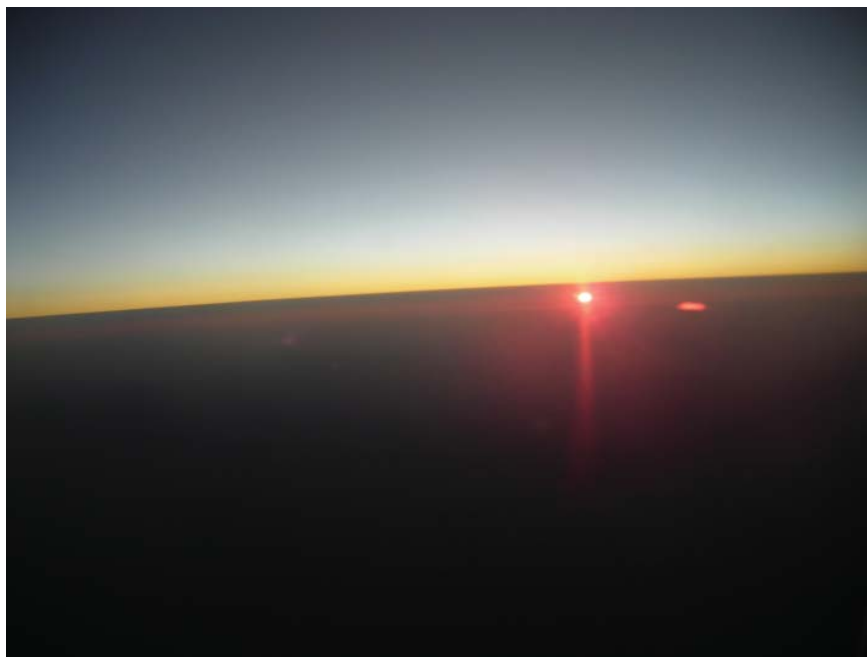
— Не противно,— отошел Эдик,— она белая, похожая на холодец и очень вкусная.

— А состоит она из каолинита,— продолжал Георгий.— На Дальнем Востоке не бывал, а на Урале такую ел. Там её называют «глей». И надо сказать, что во многих местах земли есть съедобные глины: в Хорезме, в Ираке, в Неаполе, в Японии. Негры из Сенегала едят зеленоватую глину. В Иране на базаре продаются съедобные глины, а в Италии есть кушанье под названием «алика», приготовленное из пшеницы с добавлением мергеля. Надо сказать, что во многих странах в кондитерском производстве в качестве добавки употребляется тальк.

— Я сам в Хорезме у сестры жены такую ел и жив,— вставил пастух. Может правда, а может и нет, но у Эдика собрались защитники, он торжествовал над дядей Федей:

— Вот то-то! А вы не верили!

— Ну, разошелся,— обиженно прокряхтел дядя Федя,— дай-кось мне чаю покрепче да кусок сыра побольше, чтобы разговоры ваши заесть.— Он брезгливо поморщился, и, наливая себе в кружку заварку, проворчал:

— Ведь говорили об алмазах. А потом землю стали есть. Весь аппетит испортили.

— Вот бы побывать на алмазных разработках! Интересно-то как! Но туда на два месяца не возьмут, а надолго ехать не получится — парня некуда девать,— размечталась я.

Дядя Федя услышал мои сокрушения и откликнулся:

— А я знаю, как в Якутию съездить. Мой зять туда наведни груз возил, самолётом, пропитание. Своего у них мало чего растёт, вот и приходится подкидывать с юга да с запада, где солнце погорячее ихнего. Он, зять мой, парень ловкий, у него все начальники в друзьях ходят. Коли желание имеешь, могу слово молвить. Наверняка подсобит.

— Вот это да! В самую тундру, в Якутию, в мерзлоту! Неужели правда? Да я всем по алмазу привезу.

— Что до алмазов, то это шутка, а вот сердоликов в якутских реках, как звёзд на небе. Хороший подарок, никто не откажется. Желаю удачи.— И Георгий, как мне показалось, смотрел мне не в глаза, а в самую душу. Как могла я подумать, что взгляд у него холодный? А рукопожатие — совсем не просто так, ведь рука его дрогнула, и он надолго задержал её в своей. Георгий необыкновенный человек. Красивый, умный, а как говорит он! Нет, наше знакомство не должно быть случайным и проходящим. «Я привезу тебе, Георгий, самый красивый сердолик, камень истины и любви»,— чуть было не сказала я вслух, но подошедший Костя, бледный, расстроенный, тихо прошептал:

— Что ты затеяла, каких друзей себе находишь? Одумайся!

Голос его дрожал. Костёр давно прогорел. На улице было тёмно, беззвёздно, холодно.

— Я так устал за сегодняшний день. Мне нездоровится. Побудь со мной,— попросил Костя. Но тут подошел Алёша:

— Мама, я хочу спать.

Вот естественная и уважительная причина не остаться сейчас с Костей. Жестоко, бездумно, но уже решено.

Компаньон

Как пообещал дядя Федя, так и вышло,— на следующий год я отправилась в Якутию.

— Кто сопровождает груз в Мирный? Оформите командировку. С инструкцией ознакомились? Ну, в добрый путь. Вы едете помощником, а главный у вас — Порфирий Кондратьевич. Он работник опытный, срывов не бывало. Держитесь его, и всё будет нормально.

Порфирий Кондратьевич, маленький, юркий, не по годам увёртливый и ловкий, с белесыми сверлящими глазками и острым носом напоминал норного зверька во время линьки,— весь он был какой-то суетливый и облезлый. В салоне самолёта — ящики с бурыми помидорами, крепкими, как ядрышко. Шмыгает Порфирий Кондратьевич от ящика к ящику, плохие помидоры норовит узреть, а их нет — все высший сорт.

— Какие мы с вами молодцы,— говорю я,— двадцать тонн витаминов в Якутию привезём.

— Минус естественную убыль не более трёх процентов.

— Как?! Это же шестьсот килограммов! Да они все помидорчик к помидорчику! Нам просто повезло, что никакой убыли не будет, ну, может, килограмм-два вдруг появится.

— В бумагах убыль не должна превышать трёх процентов,— он перестал суетиться, приблизил ко мне сверлящие белесые глаза,— и она будет, потому что всегда бывает.— Он оглянулся по сторонам, не слышит ли кто-нибудь, хотя знал, что весь экипаж — в кабине самолёта, а в салоне только мы вдвоем.— Сдадим всё добро на склад, бумаги подпишем, в ресторанчике это дело отметим. Ну, как, идёт?

Я отодвинулась, чтобы не чувствовать его прерывистого дыхания:

— Нет. Не идет.

— Как? Вы думаете, я вас обижу? Обделю? Между компаньонами — всё по-честному.

— Я вам не компаньон.

— Это что же, вы инструкцию выполнять не станете? — взвизгнул он.

— Такой инструкции на воровство не может быть.

Он онемел, а я продолжала:

— Бумаги я вам подпишу, потому что мне некуда деваться, но была бы я посильней, я раздавила бы вас, как клопа.

* * *

Под крылом самолета — малахитов лес. Якутия — край тундровый, суровый, щедрый на богатства,— всему миру известные кимберлитовые трубки Мирного. Вот уже видны голубые искусственные кратеры. Самолёт пошел на снижение. Принимайте помидорчики, якутяне! На аэродроме разгрузка вмиг. В кабине «Краза» шофёр говорит: «А ты из новеньких. Что, теперь каждый рейс кататься станешь?» «Да нет,— говорю,— я в школе работаю, сейчас каникулы, сэкономить деньги решила». «На помидорах, что ли?» «Нет, на дороге. Мне ваш город посмотреть очень хотелось, алмазные разработки». «Так тебя туда и пустили!» «Да я только образец кимберлита на отвалах возьму», «И затем летела?» «Затем». «Ты что ж, дура или святая?» «Не знаю». «А тогда пошто с ентим старе пентюхом, воругою клятым, связалась?» — он оторвал глаза от дороги и посмотрел на меня в упор. Лицо бледное, как ростки проросшего кар-

тофеля, скуластое, а взгляд буравчиком ввинчивается в висок. Ледяной ужас сковал меня. Дыхание перехватило спазмом. На мгновение вспомнился голос мужа: «Пропадёшь!».

— Глазищи-то, как колодези, да меня не утопишь, я бывалый, свой срок отсидел, страха не боюсь. Порфирия, хорька вонючего, порешу, однако. А ты не в своё дело не лезь. Сиди лучше за партией да красным карандашом пятерки выводи. Так оно складнее будет.

У края кратера

Бурые помидоры сданы, подписаны документы на три процента естественной убыли. Помидорчик к помидорчику. Порфирий и начальство склада отправились в ресторан, а я ушла на карьер. Вот она — знаменитая кимберлитовая трубка «Мир». Разработки ведутся на поверхности. Карьер напоминает кратер застывшего вулкана. На его дне работают экскаваторы. Вгрызаясь ковшом в взорванную руду, экскаваторщик захватывает её и наполняет ею кузов «Белазы». Машины стоят в очереди за своей порцией. С интервалом в несколько метров с нижнего горизонта наверх поднимают тяжело гружёные самосвалы. Они везут на обогатительную фабрику драгоценную алмазонаосную руду. А тем временем с верхнего горизонта вниз идут порожние машины за кимберлитом. Движение по винтовой, безостановочное производство, не прекращаемое ни днем, ни ночью, дающее стране минерал-труженик, самый твёрдый из всех минералов на Земле.

Я присела на краю карьера и задумалась. Вот они, алмазы, там, внизу. Миллионы лет назад в результате сложных геологических процессов, высоких температур и давлений из недр земли выдавилась на поверхность алмазонаосная порода кимберлит. В Алмазном фонде я видела груды сверкающих якутских алмазов. «Сибирские короли» чистой воды, голубоватые, зеленоватые, золотистые и редкие чёрные — карбонадо. «Алмаз — это свет солнца, сгустившийся в земле», — как красиво об этом сказал писатель Александр Иванович Куприн.

— Здесь, однако, сидеть не очень разрешается, — подошел ко мне рабочий, и сам присел. Достал сигарету, закурил.

— Но если по-смирному и без фотоаппарата, то немного можно.

Мы разговорились. Он с Днепра. На заработки приехал, да так и остался.

— Край красивый, люди дюжие, домой теперь на вишни ездю, в отпуск. Поеду, а сюда тянет. Да, большое будущее этого мёрзлого края. Я так думаю, что Русь раскачку любит. Ну, а уж коли до чего доберётся... Вон, как изнутри алмазы выкорчёвывают.

— А скажите, какая глубина карьера?

— Это не секрет. Около полукилометра будет. А ширина кратера более километра. А дорога, по которой идут машины, так та около семи километров получается. И кто бы это раньше мог подумать, что они тут есть, алмазы эти?

— Ломоносов. Он ещё тогда пророчествовал: «...по многим доказательствам заключаю, что в северных недрах пространно и богато царствует натура», — процитировала я и тут же мысленно себя пристыдила: «Чего, мол, хвастаюсь знаниями перед рабочим человеком». Но, к моему приятному удивлению, это послужило началом нашего дальнейшего разговора.

— Надо же, человек был! Все наперёд знал! — его обветренное лицо, ещё сохранившее южный загар, было приятно своей открытостью. Он, грузный, неуклюжий человек, движениями своими и

откровенно голубыми глазами напоминал ребёнка. — Знали бы вы, как их, эти камушки, искали тут, жизни порешились. Зимой — шестьдесят мороза, летом — гнус заедает. Земля сверху оттаёт, болотные топи получают, а под низом лёд так и стоит. Вот по этому по морозу, да по топям болотным несколько лет искали, а нашли! Вначале красные камушки — пиропы они называются, в соседях алмазов состоят, где пиропы — там и алмазы. На реке Вилкой отыскали в 1954 году, женщина нашла, по фамилии Попугаева, Ларисой звали...

Всё это я, конечно, знала: историю замечательной женщины Ларисы Попугаевой, выпускницы Ленинградского университета, её очень непростую жизнь, ...мужество, с которым она шла к цели. Она нашла кимберлитовую трубку взрыва и назвала её «Зарницей». А сколько было интриг, зависти и отторжение её от приоритета первооткрывателя. Это сейчас, спустя чуть ли не тридцать лет, установлен ей, «Алмазной Королеве» памятник в городе Удачный и алмазу массой 29, 4 карата присвоено её имя. Именно открытие коренных месторождений алмазов в Якутии позволило полностью отказаться от импорта алмазов. Это было одним из великих открытий XX века в Советском Союзе.

Через год экспедиция открыла трубку «Мир», а севернее — «Удачную», «Айхал», а позже — ещё десять коренных месторождений алмазов.

— А вы насчет алмазов как — в курсе или нет? Если не очень, то я и порассказывать могу, у меня нонче перекур долгий.

Заметив, что я приготовилась слушать, он приосанился и начал издали:

— Вот трубка. А что: годится она для разработок, аль нет? Коли в одной тонне её содержится хотя бы один карат — это мало очень, чтобы в граммах узнать, на пять поделить надо,— тогда разрабатывают. Здесь у нас на трубке «Мир» алмазы нашли — королевские прямо! В 1974 году — голубовато-зелёный с переливами, называли — «Звезда Якутии»*.

А ещё раньше нашли «Марию». Первый стокаратник, в 1967 году. А пошто так называли? Какую такую Марию вспомнили? Нашу. Марию Коненкину, работницу алмазодобывающей промышленности,

---

* Масса алмаза «Звезда Якутии» — 232, 1 карата.

которая его и нашла. Назвали и к вам в Москву отправили. Тот жёлтого цвета был.

— А бесцветные на вашей трубке бывают?

— Чистой воды? Очень редко. Те чаще из «Удачной» берут,

— Да, я знаю, именно в «Удачной» был найден великолепный стокаратник, которому присвоено имя «Михаил Ломоносов».

— Да. Это так, по справедливости, большой учёный был, заслужил алмаз. А вот с «Айхала», что по соседству — зеленовато-серые находят. Тоже дорогие очень.

Я с удовольствием и любопытством слушала его рассказ, хотя и видела «королей» в Алмазном фонде России. Живого человека всегда услышать надо. А мой новый знакомый продолжал с любовью говорить о крае, ставшем ему родным:

— Наши алмазы не хуже знаменитых африканских. Приехали тут американские специалисты по обмену опытом и давай с нами переговоры вести, чтобы продать им отвалы наших разработок. Место, мол, освободится, а валюта на благоустройство города пойдет. Ан нет, думают наши. Что до места — его нам у других не занимать, а что до отвалов — то мы сами к ним ещё не раз вернемся. И вернулись. И не в пустую!

— Неужто остается что-нибудь? — я подняла с земли кусочек серозеленовато-голубого кимберлита. — Какая причудливая форма — настоящий женский торс.

— А что, если этот кусок разбить, то из него алмазы посыплются? Он захохотал:

— Ну, разбейте да посмотрите, сколько их там вас дожидается.

У меня в руках — камень необычной формы, случайность, что именно его я подняла с земли. Разобью и не будет этой счастливой случайности. И алмазов там, наверняка, никаких нет. А если есть?.. Пусть это для меня останется тайной. И до сих пор тайна. Кусочек кимберлита в форме женского торса — уникальный экспонат моей коллекции. Он лежит в бархатном футляре, как настоящий бриллиант. Его форма изящна, изысканна, так разве он не достоин чести?

— А вы к нам надолго?

— На несколько дней. Командировка. С самолёта красивые виды, но не всё видно, а хочется поближе увидеть.

— Да, край наш редкий. Нам бы побольше экономии да хозяйственности — не догнать бы нас никакой Америке.

* * *

Интересно, а какое в Америке небо? В Якутии оно плоское, как бы сверху прижатое, до земли притиснутое. И не голубое, а густо-синее, студёное. Как вода в таёжных быстрых реках. Вхожу в ледяную воду. Смелее, с размаху бросок, как в кипяток, но не в ад — в чистилище! Ещё метров пять до отмели. Какой там галечник! — оранжевый косяк! Господи, да ведь это же сам сердолик, о котором говорил Георгий.

Счастливым камень

Речная волна долго трудилась, чтобы кусочек желтовато-коричневого сердолика стал в точности похож на миндальный орех. А, закончив работу, вынесла его на берег, на солнышко. Лежит камешек посреди галечника, вроде бы и неприметный, кто пройдет — наступит, другой в руки возьмёт — отбросит в сторону. Но я увидела его — именно такой искала. «Какой ты красивый,— сказала я ему,— лучше всех! Лучше — не бывает!» Я сидела на берегу реки, подарившей камень и, нежно касаясь пальцами его шлифованной поверхности, приговаривала: «Вот приедем домой, подарю тебя ему. Ты тёплый и добрый, спаси его от всех несчастий, сделай его счастливым...».

* * *

Воспоминание перенесло меня в прошлое лето. Тогда в Армении никто не знал о нашей размолвке с Костей. Мы молча, каждый по-своему, её переживали. А все мои мысли (что мысли?!) были заняты только Георгием. Всю зиму он провел в командировках, откуда присылал мне письма — без намёка на любовь (да, да, теперь я это вижу точно, а тогда — слепая была), однако, полные интересной информации. Такие письма пишет покровитель своему подопечному. Но когда хочется читать между строк то, чего там нет, то фантазия вольна и на ложь во спасение мечты. Короче, с каждым письмом чувства мои распаялись.

* * *

И вот мы встретились. Я привезла ему камешек, миндалевидный сердолик, и подарила его со словами: «Пусть он будет твоим счастливым талисманом». Слова мои сбылись. Вскоре рядом с сердоли-

ком, вставленным в серебряную оправу, засверкало обручальное кольцо. Та, которая на берегу камни не искала, нашла и увела от меня Георгия.

Прошло время. Я случайно встретила его на улице. Он обрадовался, просиял: «Вот здорово! Ну и камень у тебя — просто колдовской! Нет, ты колдунья, настоящая колдунья, вот послушай, как я теперь живу...» Он говорил, и слова точно мелкий, но частый град, больно сыпались мне на голову. Я смотрела на него сухими глазами и думала: «Где мне бы раздобыть колдунью со счастливым камнем?..»

От себя не уйдёшь

Но доброй колдуньи нет, а есть беспристрастный гороскоп. По гороскопу я «скорпион», а «скорпион» способен к возрождению. Лучшее средство возрождения — заняться делом, уйти в него с головой. И чем дело серьёзнее и изнурительнее, тем лучше. Пожалуй, подойдет изучение иностранного языка. Чтоб ни минуты свободной! Жизнь стала похожей на замкнутый круг машин на кимберлитовой трубке в Мирном: день и ночь сходились концами в беспрестанной работе — школа, дом, французский. Нельзя сказать, что выветрились из меня все обиды, но горести поблекли. Чем взрослее я становилась, тем больше препятствий расставляла судьба на моём пути, тем проникновеннее становились стихи Феогнида: «Слишком в беде не горюй...».

— Как же мне не горевать,— говорю я старому знакомому — молодому врачу Александру Александровичу,— Вы ведь сами знаете, что уйти из школы я не могу. А настаиваете. Что же мне делать? Ведь я только что и могу, так это преподавать свой предмет, хотите по-русски, хотите по-французски, но не более того.

— Прежде всего — операция на голосовых связках. Это неминуемо, а затем — меньшая горловая нагрузка, то есть перемена сферы деятельности. Мой приговор обжалованию не подлежит.

Вот и вся моя преподавательская биография. Да, невесело.

— Знаете что,— говорит, подумав, Александр Александрович,— моя мама работает в институте. Может, у неё найдется работа в научно-исследовательском секторе. Я поговорю с ней и позвоню вам.

* * *

Сколько раз я убеждалась в том, что ни добро, ни зло не остается без ответа. «Что посеешь, то и пожнешь». Когда-то давно школьник, замеченный мною в минералогическом музее, согретый моим участием к его интересу, сейчас помогает мне. И как помогает! Не только спасает меня от болезни, но ещё и на работу устраивает. Уже есть договоренность. Я вполне подхожу кафедре, им есть чем меня занять в работе по НИСу и маленькая преподавательская нагрузка: открывается подготовительное отделение для иностранных учащихся. Мне дают группу — шесть человек, все из Алжира. Я уже их видела. Как учиться будут — не знаю, но по красоте точно займут первое место в институте. У них царская осанка, черты лица унаследованы от далеких римлян, царствовавших в их стране две тысячи лет назад. И турки не оставили без внимания — подарили темперамент. Арабы наделили быстрой адаптацией, а коренные народы — берберы и кабилы — закрепили этот коктейль гордостью и непокорённостью.

Начались занятия. Первый раз перед студенческой аудиторией. Пока они не привыкнут, занятия веду на французском. Один из слушателей явно не о физике думает.

— Какие есть вопросы? — спрашиваю я.

Некоторые колебания, затем красавец римско-арабско-турецкого происхождения спрашивает:

— Сколько вам лет?

— Решите уравнение, написанное на доске, с подстановкой постоянных a , b , c и, если не ошибётесь, ответ задачи скажет вам, сколько мне лет.

Конечно, это была шутка: в ответе получалась тысяча.

...А может, вовсе и не шутка? Иногда мне кажется, что я живу не впервые, а иду по какому-то новому витку, и в памяти моих генов — прошлые жизни. Моя давнишняя жизнь мне вспоминается как сон, как фильм о ком-то другом. Я вырвалась из каменного колодца, прошла многими интересными дорогами, встретила замечательных людей. Каждая такая встреча дороже камня драгоценного во сто крат.

* * *

Вот уже несколько лет я работаю с иностранными студентами. В нашем институте учится молодежь из 70 стран мира. Калейдоскоп лиц, людей, судеб. Но будни трудной учёбы — прежде всего. Это из

них рождается дружба и взаимная привязанность. Как дороги мне письма от наших выпускников, в которых они искренне благодарят, трогательно вспоминают подробности былой жизни. Вот одно из таких писем.

«Я помню, как много Вы мне объясняли уравнения Максвелла. Вы говорили: природа такая, были люди, которые хорошо подумали и заметили дружбу электрических и магнитных полей. А Максвелл все, что они подумали, записал на формулы. Тогда для меня всё это было, как непонятная сказка, но я умел делать транзисторы и думал, что формулы можно не надо. Однако сейчас я работаю как преподаватель в колледж, и каждый день, когда иду на мой лекций, Ваше лицо и Ваш голос идёт со мной. Я говорю моим студентам (как Вы!): «Чтобы вам захотелось узнавать и запоминать, вы должны иметь воображение, как актер, писатель, художник. Закройте глаза и представьте планету. Она вся окружена электромагнитными полями. Откуда они? Природа дала. Какие они? Откройте глаза — я написал вам формулы. Они рассказывают всё, что знают сейчас люди, наука об электричестве и магнетизме. Мои студенты учатся лучше других. Дирекция вынесла мне благодарность, а я её делю с Вами на две части — это Вы меня выучили так хорошо, что теперь и я своих учеников учу лучше моих коллег. Спасибо Вам за это».

Разве это не орден? Ещё какой почётный! Прошло много лет, а человек помнит, благодарит. Как от дерева растут побеги, так умение и старание, проявленные на одном конце планеты, дают свои ростки на другом.

И вот мои успехи оказались замеченными не только иностранцами, но и руководством института: мне предложили заграничную командировку — работа в институте в Алжире.

— Про камни не забудь. С тебя — атласский сувенир,— просит Алёша.

— Есть, товарищ студент геологоразведочного института. Ты, Костя, последи здесь за ним, два метра роста о присутствии ума не говорят.

— Да как-нибудь справимся, не впервой оставаться.

Я чувствую неловкость своей просьбы:

— Костя, ты совершенно свободен. Ты никому ничего не должен.

— Это плохо. Каждый человек должен быть кому-то что-то должен. Кроме денег, разумеется. А то такое состояние, что раз ты не

должен, то и тебе — ни-ни. Выходит, живешь на острове. Даже без Пятницы, так как отношения обязывают.

Косте совсем невесело. Я это вижу, но что я могу сделать? Был момент — и упущен. Затянувшаяся с детства дружба так и не стала взаимной любовью, не запылала ярким солнцем, а уже осень подошла, и мы снова расстаемся.

Костя вертит в руках камни, переставляя их с места на место. Нервничает.

— Ну что ты, Костя? Ты же такой умный, кандидат, столько книжек интересных написал. Всё про камни, про любимые. И ещё напишешь.

— Да, конечно. «Время разбрасывать камни, время собирать камни»...

При всей любви к путешествиям я уезжаю всегда с очень тяжёлым чувством. Мне кажется, что именно в моё отсутствие что-то недоброе должно произойти.

Но недоброе случилось раньше. За неделю до отъезда.

«Прощай, моя радость»

Вещие сны есть. Теперь я это точно знаю. А иначе, как можно объяснить, что мне приснилось, и что произошло потом.

Мы не виделись с Георгием Ивановичем с лета, хотя перезванивались постоянно. Накануне его дня рождения после бесполезных поисков подарка ему я возвратилась домой еле живая и только успела доползти до постели, как сразу же сон взял меня в свой плен.

...Мы идём берегом моря, на песке остаются следы, которые в мгновение смываются набегающей волной. Море синее-синее, как бадахшанский лазурит, а молодая поросль на дюнах — точно хризолит. Георгий Иванович читает мне какие-то стихи про море, они мне нравятся, слова превращаются в образы: я вижу ладони моря с золотыми медалями солнца. Я мысленно повторяю стихи, хочу спросить, чьи они, но мои слова заглушает невесть откуда налетевший ураган. Песок смешивается с горькой морской пеной, больно бьет в лицо. Пыльная буря застилает мраком небо. Вокруг ничего не видно. И вдруг я слышу голос Георгия Ивановича откуда-то издалека: «Помоги мне!..»

Проснувшись, я тут же позвонила ему. Никто не ответил. На часах — полночь. Что-то случилось. Чувствую всем существом своим: иголками по коже. Я быстро одеваюсь. Надо ехать к нему домой. Неспроста сон. Куда-то ключи запропастились, ну что же я медлю... Так, нет ключей и не надо. Потом найду, когда вернусь. И так потеряла время. А теперь — где моя сумка? Ну, что же мне так не везёт? Одна задержка за другой. Как будто кто-то мне мешает уйти. Пусть. Я помчусь и без ключей и без денег. Как-нибудь доберусь. Главное, я должна там быть, раз он звал. У самого выхода — телефонный звонок: меня просят приехать в больницу. Так вот почему меня надо было задержать дома — чтобы звонок застал.

...Я примчалась, как сумасшедшая. Георгий Иванович лежал на высоких подушках, вокруг с лекарствами, капельницей суетились медсестры, командовал пожилой толстый врач с безразличной физиономией, как будто утреннюю зарядку делал — отдавал распоряжения: раз-два, раз-два. На меня он взглянул поверх очков.

— Это вы ближайшая родственница?

Я молча кивнула.

— Ему говорить трудно, но он очень настаивал на вашем присутствии. Возможно завещание, возможно, ценности.— Он безразлично посмотрел на меня водянисто-голубыми глазами.

Я подошла к изголовью Георгия Ивановича. Он был неподвижен, лицо спокойное, восковое.

— Георгий Иванович, я здесь. Вы меня звали?

Он еле-еле приоткрыл глаза и тихо сказал:

— Как хорошо, что ты есть на свете.— Он тяжело вздохнул.— Спасибо тебе за это.

И после долгой паузы — последнее:

— Прощай, моя радость.

* * *

Как же мне теперь жить на свете? Я шла под проливным дождём, не чувствуя ни холода, ни озноба, куда шла, не знала тоже, а очнулась, когда поняла, что стою у минералогического музея. Слёзы, смешиваясь с дождём, хлынули потоком. Я разрыдалась. Детство вернулось ко мне воспоминанием зелёного камня, — уральского малахита. «Вот тебе камень на счастье»,— живые слова звучали ря-

дом. Слуховая галлюцинация. «Прощай, моя радость»... Это невозможно пережить. Что же теперь будет? Нет веры, нет опоры. Пусто. Глухая, беспросветная ночь. Я сижу на ступеньке музея. Мне некуда идти. Нет будущего. Первый раз я с досадой думаю о камнях. Вот вы находитесь за этими стенами гордые, драгоценные, великолепные, а чего стоите вы, чопорные красавцы, в сравнении с чувствами и словами моего дорогого Георгия Ивановича?..

В Африке

Время не лечит. Гранитной тяжестью легло оно на память, придавив её, не давая просочиться ей сквозь толщу дней.

Работа в Алжире захлестывала ответственностью за возложенное. Все дни уходили на подготовку к лекциям и на проведение занятий. А в свободные часы, когда можно было оторвать глаза от книг и тетрадей — зелёно-оранжевые цитрусовые сады до самого горизонта видны были из окна дома. Тревожный оранжевый цвет их плодов привлекал в сады много птиц, и там всегда стоял весёлый гомон. А только что распустившиеся цветы апельсиновых и мандариновых деревьев терпким запахом манили насекомых. Природа жила по своим законам. В феврале в долинах зацвели маки. Алые, как пламя. Сколько их! Не счесть!

Город, в котором мы жили, утопал в розах. Повсюду розарии с крупными и мелкими розами, вдоль центральной улицы — розовые деревья, а изгороди частных домов часто украшала кустарниковая роза нью-даун, гирляндами свисающая сверху вниз. Не случайно, город назывался Блида, что в переводе с берберского означало «Город роз».

Институт, в котором я работала, традиционно вёл преподавание по французской системе. Надо отдать должное коллегам: подготовка студентов по точным наукам была очень приличная. Но «технари» не имели представления о других отраслях знания.

Первый раз вхожу в аудиторию, представляюсь, знакомлюсь с группой. Вдруг вопрос:

- Мадам, вы откуда приехали?
- Из Москвы, из России.
- А это далеко?
- Пять часов на самолете.

- В какую сторону?
- Посмотрите на карте, где находится Россия.
- Что Россия больше Алжира?
- А разве вы этого не знали?
- Мы думали, что Россия в Америке.

И это не розыгрыш. А розыгрыш был впереди. После переключки встает студент по имени Кехаль с журналом — сборником конкурсных задач, предлагаемых в Женевском университете.

— Мадам, не получается задача. Помогите, если можете.

Земля ушла из-под ног. Повторилось ощущение, однажды испытанное в детстве, когда на крутом берегу реки Чусовой на Урале у меня из-под ног стал обваливаться край берега. «Держись!» — крикнула Софья Сергеевна, — и я успела ухватиться за толстый корень сосны. Вниз с грохотом полетел пласт сланца... В наступившей в аудитории напряжённой тишине я, как наяву, услышала это «держись!» Задача сошлась с ответом. На лицах моих студентов было написано разное — у кого одобрение и радость за меня, у кого недоверчивость — одна проверочная задача ещё ничего не значит. Но как бы то ни было, а экзамен состоялся. Я удержалась... А удержалась потому, что столько лет моё утро начиналось с решения задач по физике. Это, как зарядка. Всегда помню слова Ломоносова: «Математику уже за то уважать надо, что она ум в порядок приводит».

— Madam! Vous avez beaucoup de courage!

Так и приклеилась ко мне кличка «кураж».

Со студентами я всегда в ладу. С начальством — нет. Наверное, из-за наличия собственного мнения, которое коробит инакомыслящих. На моё счастье, в Алжире отношения с представителями местного начальства сложились хорошие. Им нравилась моя работа, а мне — их доверие. Наш небольшой преподавательский коллектив часто вывозили на природу. Мы познакомились с древней столицей Алжира — Типазой и с современным красавцем — городом Алжиром. Но это была средиземноморская цивилизованная Африка, а хотелось увидеть, очень хотелось(!) жгучую Сахару. Далеко от побережья, где мягкий, влажный климат вспыхивает яркими красками субтропической растительности, жаром полыхает пустыня Сахара. Из всего, что мне довелось видеть в мире — горы, моря, океаны, города — если бы спросили: «Что хочешь увидеть еще раз?» Я бы от-

ветила: «Сахару». Как? Пустые, голые пески? Что там смотреть? О, это совсем не так. Пустыня царица мира. Я видела её, и эта сказка живет во мне и сейчас. Я беру в руки крошечную ювелирную шкатулочку и спрашиваю гостей, пришедших в дом: «Как вы думаете, что здесь находится?» «Золото, серебро, алмаз», — гадают мои гости. «Нет. Здесь самая драгоценная часть моей коллекции». Любопытство разгорается, и чтобы не томить гостей, я раскрываю коробочку. Пусто? Да разве вы не видите — это ведь песок самой Сахары! Словно молотый, мелкий, как пудра, светло-золотистый, — моя самая большая драгоценность. Когда я прикасаюсь к нежной поверхности песка, я мысленно переносюсь на её бескрайние просторы,

*Где нет ни Севера, ни Юга,
Где только есть восход, закат,
Где бедуина своим другом
Верблюд считает. Ему рад
Всегда служить в пустынных волнах,
Ходить, как ходят корабли.
Ему пески всегда покорны,
По ним пройдёт хоть полземли.*

Счастливым случай привел меня в Сахару, помогло руководство института, где я работала. Век им благодарна за это! Знакомая машина, минуя горный перевал Атласских гор, рощи пробкового дуба и финиковых пальм, подвезла меня к месту, где собирался в путь караван верблюдов. Хозяина каравана звали Хусейн. Мы познакомились. Он подвел меня к верблюду и представил его: «Али-Баба». Вот и хорошо. Меня обрядили в полосатый халат, голову обвязали белым хлопковым платком, закрыв нос, рот, только щель для глаз. «Идём на восток» — сказал мне Хусейн, и караван, гружённый тюками и всякой утварью, медленно двинулся с места. Путь был недалёк, но сколько раз сменила свои декорации Сахара!

*Вначале добрая была,
Свои пески пересыпала
От дюны к дюне. Посылала
Зыбь на поверхности волны,
Песчаной, нежно-золотистой...*

Солнце вышло из-за горизонта бордовым, не жгучим шаром, лучи его нежно прошли по поверхности, позолотили пески. Чёрные тени от дюн чётко легли на песок.

Вначале идти было легко. Али-Баба слегка раскачивался, и, казалось, я плыву на корабле. Караван верблюдов — пустынная флотилия. Но вот солнце поднялось, распалилось и червонным золотом распласталось по пустыне. Откуда — неизвестно — появился ветерок, легкий, игривый, даже приятный. Хусейн спешил, подошел ко мне и сказал, что надо будет переждать бурю.

— Какую бурю? Откуда она возьмется?

— Сирокко идет. — коротко ответил он.

Пустынные ветры (хамсин и сирокко) доходили и до нашего небольшого городка, где был институт. Местные жители закрывали окна, двери, забивались в дома, не выходили на улицу. А мне всегда было интересно ощутить на себе жаркое дыхание пустыни, запомнить её прикосновение.

По лицу Хусейна было видно, что он встревожен. Я поняла, что это из-за меня.

— О, со мной всё в порядке, я человек походный, могу обходиться без пищи и воды, сколько надо.

Бравладу мою он перекрыл одним движением, спустив меня с верблюда. Люди спешили, сняли упряжь и поклажу с верблюдов. Во-

жак опустился на мозолистые колени, и весь караван последовал его примеру, спокойно и покорно улёгшись на песке.

Они были единое целое с пустыней, знали, как покориться ей в немилости, чтобы не погибнуть. Люди сгрудились вокруг верблюдов, расположившись возле дюны с подветренной стороны, укрылись попонами, укутали головы от всепроникающего песка, который напористо набирал силу и больно ударял в незащищенные места. Всё это произошло так быстро, что мне стало страшно. Сирокко крепчал. Он уже не просто дул, а выворачивал и катил по пескам скудную растительность: ретам, дрок, эфедру, верблюжью колючку. Краем глаза я заметила, как скорпион быстро закопался в песок, но сирокко, всевидящий, вырвал его оттуда и понёс в молочную беспросветную мглу. Я инстинктивно прижалась к верблюду. Он лизнул меня шершавым языком. Кажется, мы подружились. «Что будет, то и будет, — подумала я, — да нет же! У меня сын, которого надо на ноги ставить. И родители. Они не перенесут, если со мной что случится». Я давно заметила, что люди, близкие к природе, очень интуитивны. Хусейн приблизился ко мне и сказал:

— Не бойся. Сирокко уйдет. Ждать надо.

У меня хватило ума не спросить — сколько? Я кивнула головой, закрыла глаза, и, уткнувшись в мягкую верблюжью шерсть, пахнущую теплом и навозом, заставила себя задремать. Не знаю, сколько прошло времени, но сквозь сон я услышала команду Хусейна, разговор людей. Я открыла глаза, но ничего не увидела, кроме молочной мглы.

— Сирокко уходит. Надо идти, — сказал подошедший ко мне Хусейн.

— Куда идти? Ничего не видно!

— На восток.

Он — хозяин каравана, но не пустыни. Как же мы пойдем в этой беспросветной мгле? Ну, не спорить же мне с ним?! Интересно, что сейчас: день или ночь? А впрочем, какая разница!

Я села на верблюда, и он тронулся в путь. За кем он шёл, как двигался караван, не знаю. Но вдруг я стала различать очертания верблюдов. Мы шли на свет. Значит, был день, и мы уходили прочь от сирокко.

— Вы — гений, Хусейн, — сказала я ему на привале.

Он посмотрел на меня и отмахнулся. Вдруг я перехватила его взгляд. Он с усмешкой посмотрел вдаль и коротко сказал:

— Не верю.

Там, вдали, виднелись верхушки пальм, колыхались на ветру, а перед ними плескалось и манило озеро. Неужели мираж? Он самый! Из книг я знала, что в Сахаре ежегодно бывает 670 тысяч (!) миражей. Надо же, посчитал кто-то! Пойди, проверь: так или нет. Да и какая мне разница? Главное, я его вижу и восхищаюсь им. И боюсь, хотя знаю, что мираж объясняется преломлением лучей света в слоях воздуха с разной температурой.

Мы шли своим путём на восток по солнцу. Миновали пески и оказались в каменистой части пустыни.

— Вот и пришли, — спокойно сказал Хусейн.

— Куда?

Он ничего не ответил, а только показал рукой на чёрные входы в пещеры.

Оказалось, что там жили троглодиты. Какое страшное название! В детстве мы считали троглодитов людоедами. А они такие милые люди! Троглодиты с греческого — пещерные люди. Они живут в разных местах на планете, сохраняя обычаи своих предков. Здесь было поселение коренных жителей Магриба (западной Африки), берберов, смуглокожих, стройных, белокурых. Они приветливо махали нам руками, приглашая нас в гости. Видно было, что они ждали наш караван и очень рады его приходу.

— Салям алейкум, Айша!

— Алейкум салям, Хусейн! — приветствовала вышедшая навстречу молодая женщина. Она пригласила нас в пещеру, и я удивилась, увидев, как там хорошо. Большие комнаты, сколько надо, столько есть. Мало, — взял лопату и прорыл еще. На стенах — красивые синие ковры, купленные у туарегов. Это их любимый цвет. Туареги, кочующие племена Сахары, носят всё синее, а по праздникам и лицо разукрашивают синей краской.

Айша нам предложила горячие ячменные лепёшки, испечённые на раскалённом камне. Как гостеприимны люди, удалённые от больших городов! Как тихо и смиренно течёт их жизнь вдали от стрессов. Вот если бы только ни сирокко, ни хамсин, ни жара в 60 градусов, ни ливни, которые хуже жары.

— А чем же ливни-то плохи? — спросила я. Ответ на мой вопрос я получила несколько позже.

Из соседней пещеры вышел пожилой человек по имени Али. Хусейн приветливо помахал ему рукой, приглашая к нам. Он улыбнулся, что-то ответил, и снова ушел в свою пещеру. Спустя некоторое время он появился с металлическим подносом, на котором были установлены стеклянные

стаканчики с крепким горячим чаем. Мы расселись на камнях на чаепитие. Хусейн и Али о чем-то говорили на непонятном языке. Потом Хусейн перевел мне на французский.

— Спрашиваешь о дождях? Вот пройдем ещё немного, и я покажу тебе вади, — высохшие русла рек. Когда-то там текли реки. Потом высохли. А когда идут дожди, вади оживают. Воды так много, что она все заливает, мчит, как бешеная, сносит дома, заливают пещеры. Много беды от воды в пустыне. Вот Али год назад спасся, а верблюда унёс поток. Горе человеку без верблюда.

Али догадывался, о чём идет речь, и кивал головой в знак того, что так оно и было.

Чуть в стороне от нас маленький мальчик, сидя прямо на песке, играл с каменной розой. Я подошла к нему:

— Что это у тебя? — спрашиваю я его, а он, хоть и не понимает, но догадывается, что речь идет о каменной розе и протягивает её мне.

— Спасибо, дорогой. А это тебе от меня, — и я отдаю ему половину своих подарков — конфеты, солдатиков, матрёшек, а остальные — подбежавшим детям, взявшимся невесть откуда. Я рассматриваю это чудесное творение природы — *la rose de pierre* (каменную розу) или как её ещё тут называют — *la rose de sable* (роза из песка). Зной в союзе с каплей воды, объединившись, произвели на свет из мелкого песка пустыни прекрасные каменные розы, совсем маленькие и огромные, в рост человека. Они разбросаны по пустыне. Мы, возвращаясь, наткнулись на такое место.

Каменную розу, неувядающий цветок пустыни, я привезу в Москву. Пусть этот каменный цветок будет памятником на могиле Ге-

оргия Ивановича, пусть память о нем будет так же прекрасна, как прекрасна роза пустыни. Как тяжёл этот камень, не поднять. «Не тяжелее печали...»

Прошло время. Мы взаимно учились: мои студенты — физике, а я у них — языку. Мы подружились и могли в перерывах говорить на разные темы. Когда я делилась с ними впечатлениями о Сахаре, то заметила, что большинство из них не разделяют моей восторженности. «Песок — он и есть песок». Однако нашлось немного сторонников, любителей поездить и посмотреть. Однажды Мухаммед принес красиво иллюстрированный журнал с египетскими пирамидами.

— Вот бы увидеть! Но это так далеко!

— Не очень далеко. Но трудно, потому что нужны деньги.

Так мы поговорили на перемене, и идея запала мне в голову по-

везти 5-7 человек в Египет. Но как это сделать? За границей все студенты всегда работают и очень дорожат заработанными деньгами. Ведь достаются они им нелегко. И тут помог случай. Институт готовился к ремонту. Вот где можно отличиться, немного за-

работать, а главное угодить начальству, чтобы отпустили ребят на три дня с занятий. Переговорив с дирекцией, я начала готовить нашу поездку. Она была незабываема и для меня, и для моих алжирских студентов. Никто и никогда их ни на какие экскурсии не возил. А тут — в другую страну, самолётом, целых три дня!

Египет! Истоки цивилизации, высочайшие в мире пирамиды, каменные исполины Карнака, Луксора! Сколько с вами связано легенд, научных поисков, тайн, догадок! Сколько написано научных трудов! А мне хочется сказать только о том чувстве, которое охватило нас при виде пирамид, сфинкса и навсегда осталось. Всё, что рядом с пирамидами — крошечное, суетное, преходящее. А они стоят почти пять тысяч лет. А немного в стороне от них — сфинкс.

...А сфинкс всё смотрел и смотрел в синюю даль. Мимо него степенно нёс мутные воды свои великий Нил. Тысячи лет они смотрели друг на друга. Плыли, пронеслись столетия, победы, поражения, засухи, наводнения... Сменялись фараоны, строились новые гробницы, величественно застывали на горизонте пирамиды. Сфинкс никогда не спал — он был стражем истории. К нему приходили счастливые влюблённые и вдовы, прокажённые и избранники судьбы, его молили помочь и сохранить тайну, а он всё смотрел и слушал, молчал и думал: «Суета сует...» Только когда горячий ветер хамсин с силой ударял в львиную грудь сфинкса и, сатанински хохоча, спрашивал: «Что, жарко?», сфинкс, не двигаясь с места, отвечал: «Да, очень». «Сколько ещё, каменная глыба, ты будешь стоять на моем пути?» — неистовствовал хамсин. «Вечно», — отвечал сфинкс. «Ха-ха-ха-ха! — как из самой преисподней разносился хохот ветра, — вечен только я один!» — и он с новой силой ударял в несокрушимый камень. Давно бы хамсин превратил в песок сфинкса, но боялся его невозмутимых глаз, в которых видел отражение Нила, Луны, Солнца и Пирамид...

Мир тесен

В каменную коллекцию, которая занимала полностью квартиру (в ней теперь все камни Георгия Ивановича), я привезла с места испытания французской атомной бомбы в 1961 году в Сахаре спёкшиеся куски железа и меди. Смотрю на них, и жутко становится, каким страшным испытаниям подвергают люди свою планету. А Земля-то наша — вовсе и не большая. Как говорится, — мир тесен:

— Мадам, мадам! Это вы?

— Боже мой, Ахмед! Откуда вы взялись?

— В Москве на стажировке на полгода.

— Пойдёмте ко мне, гостем будете. Как вы очутились во дворе моего дома? У вас адрес был?

— К сожалению, нет. У вас во дворе отличный супермаркет.

Мы долго разговаривали, вспоминали Алжир, общих знакомых, апрельские маки на склонах гор, лилово цветущий бугенвиль. Вспомнили мы и моё боевое крещение, когда студенты решили устроить мне проверку, подсунув трудную задачу, и как я её успешно решила.

— Наши обрадуются, когда узнают, что мы встретились, — сказал мне Ахмед на прощанье.

— Вы передайте им привет и вот это, держите ладони,— я высыпала ему горсть беломорита, — наш северный, российский, помогает приводить мысли в порядок.

— Королевский подарок, мадам, — сказал Ахмед, любуясь радужными переливами камней.

— У кого есть друзья, тот богаче короля.

В его тёмных глазах мерцающим блеском отражались голубоватые камешки, а руки слегка дрожали.

«Не сотворите кумира себе»

И я вспомнила, как получила в подарок пригоршню обработанных камней от человека совсем незнакомого. Когда я вспоминаю этот случай, то думаю, что есть какая-то закономерность в приходе ко мне камней. Они как будто меня любят, и сами идут ко мне. Но и я к ним иду, пробираясь сквозь джунгли препятствий на пути.

Написал мне сын с Урала, куда уехал на преддипломную практику, что красота необыкновенная, камни прямо из под земли торчат, грибы полянами растут. Так что может быть лучше отпуска в таком месте? Заодно посмотрю, как он осваивает геологические методы. Короче, все дороги ведут в городок геологов, горняков, химиков.

Сын встретил и после небольшой передышки отправился показывать мне окрестности. Он с увлечением рассказывал о работе, о людях, обещал завтра повести на карьер, показать, как работает прибор — бериллометр. Вдруг он замер на месте.

— Я, кажется, забыл выключить рубильник. Там много подстраховок и люди есть, но все равно я должен бежать. Сам прибор не работает, он точно отключён, но блок не должен быть под напряжением. Короче, я бегу на объект, а ты походи одна, вечером встретимся, поговорим.

Я пошла бродить одна.

...Шла я, шла и на самой окраине набрела на какой-то дом, неказистый, длинный, одноэтажный. Подошла ближе — табличка «Гранильная мастерская». Попросила разрешить посмотреть, как камень режут. Вошла в цех и замерла. Люди — мастера-умельцы, золотые руки, острый глаз. Куда острее захудалого оборудования. И выходит из рук творение, как второе рождение, ведь первое — это природа, породившая камень. Ухожу из мастерской, раскланиваюсь, благодарю, что по-

смотреть разрешили, обрезки камня полированного для коллекции взяла. Счастлива! А директор, добродушный, пожилой человек, с глазами мечтательными, говорит:

— Ну-ка, подставляйте ладони, вот вам на память,— и посыпались камни драгоценным дождём ко мне в руки.

— Зачем мне столько?

— На счастье. А кто мил сердцу будет, разрешаю подарить.

* * *

На другой день сын сообщил мне новость:

— Вчера я не успел тебе сказать. Представляешь, кого я здесь встретил: Георгия! Помнишь Армению, ну, что всё время «Плиний Старший, Плиний Старший...»

— Как? — изумилась я.

— В экспедиции. Он всё такой же красивый, только седой. Я, может, и не узнал бы в лицо, так голос вспомнил. Мы с ребятами считали на объекте, вдруг слышу, выступает: «Более пятидесяти видов драгоценных и поделочных камней было найдено на Урале. Академик Ферсман называл Уральские горы огромной природной кладовой редких минералов, с которой не может сравниться ни один другой район земной коры. Всё есть на Урале, а если чего нет, то значит, не дорылись ещё».

Слова глухо стучали в висках.

— Все уже пошли на работу, пойдём, я покажу тебе карьер.

Я увидела огромный кратер — карьер берилловых разработок. Здоровенные глыбы письменного гранита препятствовали прохождению к карьере. Я взяла камень в руки. На сером фоне чётко проступал рисунок папоротника.

— Думаешь, окаменелость? Как бы ни так! Это дендриты — выходы марганца на поверхность. Красиво, правда?

— Правда,— говорить мне не очень хотелось.

Мы подошли к прибору бериллометру, на котором работал Алёша.

— Вот посмотри, как щёлкает. Если не объяснять всю физику, то в двух словах можно так сказать: чем больше концентрация бериллия в выработке, тем интенсивнее сигнал, фиксируемый прибором. Вот сейчас прощупаем десять машин, они идут под разными номерами с различных горизонтов разработки. Надо определить в конечном счёте продуктивность месторождения. Ты ведь знаешь, как нужен промышленности берилл? — Алёша был очень важен в ходе пояснений.

Откуда у него такой тон? Да от меня. От учительницы. Просто увидела себя со стороны и рассмеялась:

— Как же мне не знать при таком-то грамотном сыне. Перед тем, как сюда ехать, всё, что нужно, прочла и запомнила, чтобы ты мне двойку не поставил.— И как школьница начала ему перечислять достоинства легкого металла бериллия, без которого не обойтись в ракетостроении и космической технике.

— Правильно,— одобрил мои познания сын.— А ещё здесь — целые россыпи аквамарин, гелиодоров и изумрудов. Ведь все они, как ты знаешь,— ближайšie родственники. Иногда встречаются образцы совершенно чистые, ювелирные. Сама понимаешь, на территорию вход воспрещен.

Он был строг, официален. А рыжий чуб торчал, как гребешок у петуха. Мне было смешно видеть его таким и в то же время приятно сознавать, что взрослый, совсем взрослый стал мой сын. Я щёлкнула его по веснушчатому носу и сказала:

— Молодец, так держать. Видно, школа у тебя здесь — что надо.

Неожиданно важность с него спала, и он заговорил совсем домашнему:

— Ты не представляешь, как тут здорово: камней — тьма, грибов — тьма, людей хороших — полно, да ещё и Георгий — ходячая энциклопедия. Окончу институт, сюда приеду работать. Отпустишь?

— Что делать? Дети вырастают и уходят,— сказала я, стараясь не выдать внезапного волнения, но он почувствовал его, как могут чувствовать только близкие родственники, обнял меня и добавил, как бы оправдываясь:

— Я часто к тебе приезжать буду.

Мы молча шли по карьеру, как вдруг я услышала знакомый голос и остановилась:

— Огромные бериллы в Испании используются в качестве столбов для ворот. Кристаллы весом в пять тонн известны в США. К сожалению, все они непрозрачны и не имеют ювелирной ценности. А вот самый большой в мире аквамарин, более 110 килограммов, найден в Бразилии, чистойшей воды...

Он остановился на полуслове.

— Здравствуй! Неужели это ты? — Он держал в руках аквамарин, чистый, голубой кристалл.— Вот, только что нашёл. Ребята говорят — на счастье. Но аквамарин — «вода морская», помогает только мореплавателям,— говорят они. А я им — «Все мы мореплаватели на этом свете, раз волной заносит». Правильно я говорю, Алёша?

— Конечно. Вы всегда говорите хорошо и правильно.

Сын взглянул на меня и догадался пойти заняться делом. Мы с Георгием отошли в сторону и присели на большом плоском граните.

— Я очень рад тебя видеть,— сказал он, четко выговаривая каждое слово. Мы здесь сдружились с твоим сыном. Способный малый.

— Да, он от тебя в восторге. Цитирует тебя, как ты Плиния.

— Передача эстафеты. Должны же мы что-то оставить после себя.

— А твои дети не собираются стать геологами?

— Возможно. Знаешь, я сейчас здесь распоряжусь, мне все равно надо ехать в центр по делам, и мы с тобой пройдем по городу, поговорим.

Город зелёный, чистый, благоустроенный. Местная примечательность — столовые, кафе, рестораны, в которых готовят по-домашнему, а встречают с улыбкой. Мы зашли в ресторан, сели за маленький стол на двоих. Из окна вид на отдаленные горы, покрытые кустарником. Незамедлительно к нам подошла официантка и обратилась к Георгию. По всему чувствовалось, что здесь его знают и уважают. Георгий сказал только: «Обслужи нас, Катенька, как на праздник». Пухлорозовая официантка улыбнулась, блеснули ровные зубы, на щеках появились ямочки: «Есть, товарищ начальник!»

Через минуту послышалась магнитофонная запись — пел Окуджава. Ещё через минуту появилась Катенька с полным подносом красивой, вкусно пахнущей еды.

— Отведайте, коль в гости к нам приехали,— фирменное, уральское,— с гордостью, неторопливо, нараспев проговорила Катенька. Когда она отошла, я спросила:

— Откуда она знает, что в гости?

— Здесь все всё знают, городок маленький, как на ладони. Ни одна новость, ни один человек не остаются незамеченными. Кстати, пока мы тут сидим, я кое-что о тебе узнал.

— Что именно?

— Да, например, то, что ты была на Средиземноморском побережье Африки и в то время или потом сильно болела.

— Это как же тебе удалось?

— По твоим дивным кораллам. «Кожа ангела» такого тона, как у тебя ожерелье, добывается именно в тех краях. Местами они побледнели — верный признак болезни того, кто носит.

— Ну, ты молодец. От тебя ничего не утаишь. А как живёшь ты? Расскажи, я ведь не такая ясновидящая.

— У меня прекрасная семья, растут два парня, все заняты своими делами, и никто никому не мешает. Ведь это замечательно, когда люди не мешают друг другу, не так ли? Он приблизил своё лицо и его огромные серые глаза оказались совсем рядом. Я почувствовала, как когда-то давно их ледяной холод.

— А рядом идут?

— Я хожу по горным дорогам, они для хождения под руку не приспособлены.

— Ну, а когда спускаешься на плато?

— Довольствуюсь малым.

— Но этого малого может оказаться недостаточно другим.

— Поэтому и я говорю: мне крупно повезло — не мешают. И если бы начать все сначала, я поступил бы так же.

Вновь подошла официантка с подносом: в мельхиоровых кремовницах возвышались взбитые сливки с ягодами, рядом — маленькие чашечки, кофейник, пирожные. Я обратила внимание на уютный интерьер ресторана: столы были полуизолированы друг от друга ажурными перегородками, увитыми живыми растениями, на стенах — уральская чеканка по мотивам сказов Бажова. Наступившее молчание заполнила песня: «Не сотворите кумира себе», — пел Окуджава. Слова эхом отдавались в моей душе.

— Ты по-прежнему носишь мой камень? Что ж, помогает? — я указала на перстень.

— Он мне не мешает.

Что это? Внутренняя перемена или его нормальное, обычное состояние? Духовная изолированность для внутреннего совершенствования самого себя или эгоизм, граничащий с бездушием? Кто знает? Сложен человек. Раньше я видела в нем одарённость, увлечённость своей профессией, а сегодня увидела другое. Наверное, всё это было в нём заложено, но проявилось при других обстоятельствах. «Не сотворите кумира себе», — на добрый десяток лет запоздалый совет.

Я почувствовала озноб. Ресторан из интимного, уютного превратился вдруг в мрачный и холодный. А за окном светило солнце. Я встала.

— Ты извини меня, но я должна идти. Желаю тебе успехов. Ну и, конечно, чтобы никто успехам твоим не мешал.

Я вышла на улицу. Озноб продолжался, а в горле — будто застряла не прогоревшая в костре головешка. На дороге валялся кусок слюды, в нем ярко отражалось и искрилось солнце. Почему-то вспом-

нилась коктейльная галька, подаренная когда-то Костей. Ах, Костя, Костя, сколько раз тебе дорогу переходили!.. Знаю наперёд, что всё простишь, и злюсь, когда прощаешь. Несправедливо, конечно. Вот приеду домой, расскаюсь и скажу: «Костя, ты самый замечательный человек на свете. Женись на мне». А чтобы Костя не почувствовал смятения моей души, за оставшееся здесь время я приведу себя в полный порядок. На карьере уйма интересного для меня, как для физика. Будет о чем рассказать студентам. А как они любят слушать то, что «сверх программы». ...Отвлеклась вроде, а «не прогоревшая в костре головешка» так и жжёт горло. Знаю, так долго будет... Помогите мне, Костя. Через две недели я увижу тебя, исповедуюсь перед тобой во всех грехах содеянных и мыслях неправедных и никогда больше с тобой не расстанусь... Может, письмо написать? Нет, словами лучше.

Чудак

Вот и закончился мой отпуск. До свидания, Урал! Самолёт, начинённый разномастной толпой пассажиров, багажом, посылками, почтой тяжело поднял своё тело и лёг на заданный маршрут. За него думали, он подчинился. Десятки тонн его веса набирали высоту, оставляя землю внизу. Над ним плыли облака ватно-мягкие, застили свет, а внизу простиралась необозримая тайга, разукрашенная ранней осенью.

— Уважаемые пассажиры! Наш полёт... по маршруту... будет проходить на высоте...» Технические неполадки не останавливали стюардессу, и она продолжала информировать о полёте.

Молодой человек, сидящий рядом со мной, никак не мог угомониться: он всё время что-то перебирал в «дипломате», закрывал его, потом снова открывал, вытаскивал бумаги, перечитывал, пересчитывал, вздрагивал, как от испуга и вновь принимался за своё. Понимая, что я являюсь невольным свидетелем происходящего, он, как бы извиняясь и оправдываясь, стал говорить:

— Понимаете ли, это всё не моё. И в то же время — очень моё. Меня направили рабочие вот с этими бумагами в самое правительство. Лечу в Москву с Дальнего Востока на перекладных, с билетами плохо.— Он замолчал, вытер платком пот со лба, встряхнул рыжеватыми кудрями и продолжал:

— Потому что так дальше продолжаться не может. Они, мерзавцы, воруют, представляют, воруют каждый день помногу. Я им го-

ворю: воровать нельзя, пересортицу делать нельзя, раскладку надо делать по калькуляции, нельзя отходы пускать в переработку, а они мне: уйди с дороги, не мешай выполнять план. Как это,— говорю я,— не мешай? Это вы мешаете людям рабочим выполнять их план. Вы чем их кормите? А они должны машины делать. Тяжёлые. Своими руками. Им же энергия нужна, калории. Я не кулинарный техникум, я Московский пищевой институт окончил, без троек, я на стройке два года работал с благодарностями — там воровать некогда и некому было.— Он замолчал, заметив, что при упоминании о кулинарном техникуме я улыбнулась. Воспользовавшись паузой, я спросила:

— Итак, вы решили с ними бороться, и на вашей стороне — поддержка коллектива?

— Да. Но против коллектива он, директор столовой. И все другие мошенники, его приятели. Ой, какие они плохие люди! Я даже во сне их вижу. Знаете, они собирались меня убить, спустили на меня возле дома машину, а я успел отскочить и спрятался в огороде. И с ними вместе даже сам милиционер был. Я его видел, когда он с фонариком меня разыскивал. Но я лёг под большим лопухом, знаете, у нас они, как деревья, и он меня не нашёл. А ещё они спешили, потому что моя собака громко лаять стала. Ой, как страшно было! Когда я пришел домой, у меня даже руки дрожали. Я подумал: а если они так и будут дрожать, как же я тогда смогу играть?

— На чём?

— О, это я вам ещё не сказал. Знаете, это главное, что у меня есть — музыка. Но сейчас — ещё тоже очень главное — моя борьба за правду. И всё равно, если вам признаться, если по секрету вам сказать, то когда я сажусь за инструмент, то забываю всё, даже директора столовой. Только звуки, только чувства, самые возвышенные. А директор мой — низменный человек.

Лицо его вдруг исказила гримаса отвращения:

— У него зубы мелкие, острые и как зря во рту распиханные; когда он идёт, то кажется, что у него ноги коленками срослись, а туловище будто на пятках сидит. Нет, вы не подумайте, что я над несчастьем издеваюсь, это походка у него такая и руки, будто к ногам приросшие, идёт, а они совсем не колышутся. А руки, руки, пальцы! Я же музыкант, я людей по рукам узнаю. У него руки не музыканта. Они твердые, огромные, а ногти, ногти, как у хищного зверя заворачиваются и широкие притом, и бледные, почти белые. Такие

руки сами себе всё тащат. Чужому управлению не поддаются, только собственному хищному организму подвластны.

Он очень волновался и, когда стюардесса принесла кофе, тут же, взяв в руки, полчашки опрокинул на себя.

— Что я наделал?

— Ничего страшного. Холодной водой отмывается. Только сразу надо.

Он залпом выпил оставшийся кофе и пошел приводить себя в порядок. Вернувшись, он, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Мне однажды приснилось, что он когтями своими быка задирает. Прихожу на работу — вещий сон — он в подсобке отрезает от туши лучшие куски и когтями, когтями к себе подгребает. Я закричал: «Что вы делаете?» А он говорит: «Приди за своей трудовой книжкой». Я пришел, смотрю, а там написано: «Переведён с должности шеф-повара на должность сменного повара по собственному желанию». «Как по собственному? Я же заявления не писал?» «Приказ только по заявлению, а раз его нет, значит потерялось. А будешь шуметь, на дороге стоять, совсем изживем». «Каким образом?» «Понизим в должности ещё». «Я и за пять рублей работать буду, а бороться с вами не перестану. Если не я, то кто?»

— Сколько вам лет?

— Очень много. Двадцать шесть. И я ещё ничего не совершил. Только когда играю Баха, Бетховена, я ухожу мысленно далеко-далеко и всё могу. Тогда я сильный. А наяву — пробую драться, а они меня всё давят, давят. Хоть и не могут пока раздавить, а всё равно страшно и больно.

— Как случилось, что вы, музыкант, пошли работать в торговлю? Вы не могли поступить в училище?

— Что вы, что вы! Я очень хорошо окончил и школу, и училище. У меня были прекрасные преподаватели, им нравилась моя техника, постановка руки — руки у меня никогда не устают.

Он протянул мне руки — тонкие, нервные, сильные.

— А что же помешало? — мне уже было не безразлично, что он скажет. Его наивная искренность и твёрдая убежденность в своей правоте, чем дальше шёл разговор, тем больше усиливали интерес к его личности.

— Я был просто способным, но обыкновенным, любил вкусно готовить, угощать друзей, наверное, от восточных предков передалось.

— Это вы сами так всегда думали или кто-то вас настраивал?

— Родители не хотели, чтобы я стал музыкантом, — признался он, — они считали, что из меня выйдет отличный кулинар и не ошиблись: на всех дегустациях мои блюда всегда получали призы, — но вдруг его восторженная интонация сменилась грустью: — А играю я всё равно каждый день по четыре часа. Я не могу жить без музыки. Но выбор сделан, и обратного хода нет, — он остекленело смотрел вперёд. — Я успел пообещать родителям перед их смертью, — они в автомобильную катастрофу попали, — что музыкантом не стану.

— Но почему, почему ваши родители были так против музыки?

— Да потому, что погибла моя сестра-скрипачка. Вначале было переутомление, потом — депрессия, потом — лечебница, а в восемнадцать лет её не стало. Они считали, что и я иду по тому же пути. Они решили меня уберечь ценой отрешения от настоящей, большой музыки, которую я слышу в душе своей днём и ночью.

— А после смерти родителей вам не захотелось вновь всерьёз заняться только музыкой?

— Нет, это невозможно. Память о них свята и всё, что им обещал, должен выполнять.

Какой удивительный человек! Несмотря на легкую ранимость души, тупики на его пути лишь делают дорогу к цели длиннее. Но он идет без остановок, без раздумий: а стоит ли? Так музыкант, коснувшись клавиш рояля, попадает в свой мир, который для него реальнее обычного и идёт дорогами этого мира, рождается, любит и умирает столько раз, сколько услышит от композитора — автора произведения. Я посмотрела в иллюминатор. Были видны причудливые формы облаков: далеко-далеко — будто снежные хребты, а вот медведь, захвативший полнеба, а вот маленькое облачко, напоминающее голубя. Под его гладким, белым тельцем простирались золотистые поля. Наш самолёт стремительно шел на «голубя». Мне вдруг стало жутко. Я читала когда-то, что много птиц погибает от встреч с самолётом, и я представила, как огромная металлическая птица равнодушно разгоняется по взлётной полосе, и голубь, маленький, гладкий, белый — теперь лишь кровавое пятно на асфальте взлётной полосы, как клякса в ученической тетради... Я вновь посмотрела на соседа. Он в очередной раз стал озабоченно ворошить свой «дипломат». «Что можно сказать ему, чудаку, святому человеку, верующему атеисту? Сказать, чтобы он остановился, а не то может погибнуть, как голубь на взлётной полосе? Или же наоборот — сказать: как хорошо, что есть на свете чудачки, вкрапленные в огромное нормальное человечество. Те самые чу-

даки, из тревожных жизней которых рождаются победы и открытия». Но я не успела ничего сказать. Он удивлённо посмотрел на меня своими детски-наивными глазами, обрамлёнными рыжими ресницами, и растерянно проговорил:

— Вы думали сейчас о чём-то очень тревожном. У вас совершенно изменились глаза: то они были зелёно-синими, а сейчас — серые. Зелёно-синие — как аквамарин, очень красиво. Вы видели когда-нибудь лунный камень? Сейчас покажу. Он мой талисман, я всегда беру его с собой в дорогу и на дело. Так куда я его положил?

Лицо его замерло, а глаза выражали растерянность и отчаяние.

— Что я наделал?! Купил вот этот костюм, — он раздраженно ткнул пальцем себя в грудь, — в столицу лететь, а талисман оставил в том, старом. Как же я теперь буду правду свою отстаивать? Вдруг не повезёт, подумаю — из-за камня.

Мне стало очень жаль его. Он снова забрался в свой «дипломат», и в сотый раз перебирал бумаги, горько и досадно бормотал: «Точно забыл, здесь его тоже нет».

— Плохая примета, — сказал он окончательно.

— Послушайте, — попробовала успокоить его я, — у меня нет, к сожалению лунного камня, но есть много других. Мне подарили и решили передарить тому, кто сердцу будет мил. Выбирайте, какой на вас глянет, — и я протянула ему на ладони образцы уральских камней.

— Как это, как это? — в растерянности повторял он, — вы хотите подарить мне на счастье камень? Талисман? О, как я вам благодарен! Я знал, я всегда чувствовал, что вы за меня, за правду. Знаете, я обязательно поборю их всех, врагов моих. Потому что...

— Так какой же камень вам больше всех нравится?

— Если вот этот? Можно? — он робко прикоснулся к нефриту.

— Конечно. Кстати, он очень вам подходит. В китайской книге стихов сказано, что его внутреннее строение, не поддающееся искусственной подделке — эмблема чистоты.

Самолёт пошел на снижение. Прощаясь с моим попутчиком, я дала ему мой телефон. Мало ли что? Но прошло много времени, а он так и не позвонил, и я не знаю, чем закончилась его борьба за справедливость, хватило ли у него сил, и помог ли ему мой талисман.

Возвратившись с Урала, я нашла дома письмо от Кости.

«Меня, наконец-то, посылают в заграничную командировку. Помнишь, ещё два года назад все это затеялось, началось оформление, потом задержка, потом что-то переиграли. Короче, разобраться в таких делах

мне не дано. А теперь вызвали и говорят: вот контракт, вот билет. Уезжаю в Чехию, на полгода. Буду консультантом на разработках пиропов. Привезу тебе массу впечатлений».

Вот и не состоялось мое предложение к Косте взять меня замуж. Видно не судьба.

Хорошо, что есть работа, много работы, интересной, полезной. Мои дорогие студенты подарили мне такие красивые цветы с началом учебного года, как только любимым дарят. И я их тоже очень люблю. Это моё спасение.

Ожившие узоры

Я люблю командировки. Особенно дорогу. Можно сосредоточиться на собственных мыслях и сделать какое-нибудь маленькое своё открытие. «Собирайте факты,— говорил французский натуралист Бюффон,— из них рождается мысль». В командировке можно наблюдать за людьми и заметить, как со стороны смотрят на тебя. Во взглядах можно прочесть разное: любопытство, насмешки, удивление, интерес. В обыденной жизни всё идёт своим чередом, отлаженные ритмы почти не дают втискиваться словам, взглядам, дела и отношения давно имеют свою определенность. А поездка в другой город — это, в некотором роде, переход в другое измерение, взгляд на себя самого со стороны, значит, и переоценка ценностей. Невозможно, чтобы цены и оценки не менялись. Только внутри сложившихся принципиальных позиций всё незыблемо.

Чем дольше живёшь — тем быстрее время катится, мелькают недели, чаще вспоминается прошлое. Но тяжесть прожитого ещё не тянет назад к дневникам, записным книжкам, фотографиям. Отношение к завтрашнему дню деловое. Машина времени перерабатывает мысли, чувства, факты в мудрость: «Умный тот, кто усвоил чужие мысли, мудрый тот, кто сумел заглянуть в себя». Так думала я, отправляясь в командировку в Сибирь. Наш институт в дружбе с Иркутским политехническим. Наши кафедры ведут совместную работу. Я люблю приезжать сюда, потому что здесь, при институте — минералогический музей. Здесь есть огромная в полторы тонны глыба нефрита, тёмно-зелёного, студёной сибирской рекою окатанного. Касаюсь его матовой поверхности и вновь вспоминаю из китайской книги стихов хвалебные строки о нефрите: «По своему блеску он говорит о мяг-

косердечии; сопротивлением внешним воздействиям он напоминает об умеренности и справедливости; протяжный звук его может быть сравним с широко расстилающейся наукою; его негибкость, неизменяемость говорят о мужестве». В одиночестве хожу по музею, говорю с камнями. Подолгу стою у витрин цветных камней, где выставлены сказочные чароиты, разноцветные мраморы, пейзажные яшмы, родонит, малахит, амазонит, агаты, халцедоны, небесно-голубые лазуриты Прибайкалья. Вспоминаю сказанное когда-то Ферсманом: «Синий и голубой камень в природе редок, как будто стихия земли не хочет подражать двум другим стихиям (морю и небу), находясь с ними в вечной вражде». И ещё вспоминаю Георгия Ивановича. Прошло так много лет, а я помню все наши разговоры о минералах, о людях, о жизни. В Георгии Ивановиче сочетались мужество и теплота, знание и достоинство, преданность и надежность. «Он был рыцарем», — сказал однажды Костя. Подхожу к витрине с сердоликами. Волна воспоминаний: Крым, Якутия, Урал... перекрёстки дорог и судеб. А вот гранаты... Недавно Костя прислал письмо из Чехии. Пишет, что скучает, уже настраивается на возвращение. Приезжал бы поскорей. И ещё он пишет, что к каждому празднику покупает мне подарки. Милый Костя, светлая душа, сколько горя я принесла тебе. Неужели ещё когда-нибудь я посмею ранить тебя?..

Вот какие мысли, воспоминания и чувства пришли ко мне у витрины цветных камней. Я снова прошла по ним взглядом. Какой притягательной силой вы обладаете! Смотреть на вас, любоваться вами, думать о вас — никогда не наскучит. Как жаль, что времени уже нет, надо готовиться к отъезду.

Но дела сделаны, документы оформлены, договор о совместной работе двух кафедр продлён. Осталось уложить вещи в чемодан — и в дорогу. Пора улетать. А улетать не хочется. Как будто что-то держит. В чужом краю? Из гостиницы на улицу выглядываешь, как исследователь из иллюминатора батискафа. А не прогуляться ли мне часок-другой? Авось, не заиндевею. Ветра нет, дышится легко, только в глазах слёзы леденеют. Под пятьдесят градусов! Не шутка! Ну-с, куда же мне отправиться? А вон туда, к развалинам старой церкви. Интересно, какого века она. И что в ней сейчас? Наверное, варварский склад какой-нибудь. Подхожу и вижу человека — крепкого, рослого сибиряка, грудь широкая, лицо — как из светлого песчаника высеченное. Северные люди неразговорчивы, необщительны, они только в беду на помощь приходят.

— Однако, в такой мороз что вы тут делаете?

— Гуляю.

— У вас щёки и нос отморожены.

Не хватало получить уродство из-за своей взбалмошности. Я быстро начинаю тереть снегом лицо, течет холодная вода, тут же схватываясь на морозе ледяной коркой. Мне больно. Сами по себе текут слёзы.

— Так ещё хуже. Пойдёмте в помещение.

— В какое?

— В церкви — гранильная мастерская, там отогреетесь.

Мы подходим к тяжёлым кованым дверям. Человек достаёт ключи.

— Как? Здесь никого нет?

— Сегодня выходной. Проходите, это заготовительный цех. Я тут хозяин. И зовут меня Николай. Все остальные помещения опломбированы, а это — моё урочище.

Он снял тулуп и оленью шапку, оставшись в свитере и валенках. Включил свет, и я увидела алмазную пилу, большой шлифовальный круг и квадрант — основной инструмент огранщика.

— А что вы здесь делаете?

— Если по штату — мастер-огранщик, работаю с кварцем. Наверное, непонятно? Объяснить?

— Нет, почему же? Понятно вполне: вы работаете с горным хрусталем, цитрином, аметистом, марионом.

— Верно. Но на самом деле, я работаю и по другим камням, душа тянется.

— О, как камни притягивают, я знаю. В детстве меня приколдовал аметист, и с этого все началось.

— Нечто подобное я тоже испытал, — он помолчал, видимо, вспоминая что-то, и вдруг продолжил:

— Не возражаете, если об этом за чаем поговорим?

— С удовольствием, — я ещё не до конца отогрелась, и упоминание о чае прошло по мне теплой волной.

Он включил электрочайник, застелил стол чистым льняным полотенцем, поставил стаканы.

— У вас здесь, как дома.

— А это и есть мой дом, — сказал он, но будто спохватившись, продолжил начатую тему:

— Так вот. Довелось мне побывать на разработках Володарск-Волынского рудника. Мы нашли топаз, чуть ли не в человеческий

рост. Умаялись, пока его вытащили. Брать-то надо, наверное, знаете, ласково, чтоб ни трещинки, ни царапинки. Целый день его выкапывали, как мину из земли доставали. А вечером развели костёр, сели отдохнуть, чаю попить. Смотрю я на камень, в самую его глубину, не мигая, и чувствую, как все тревоги, беспокойства уходят от меня, а глаза отдыхают, смыкаются веки, и уже во сне я вижу нежно-розовый отенок зари, все в розовом свете. А утром я проснулся и почувствовал себя необыкновенно легко. Подсел к топазу, снова смотрю в самую его глубину и чувствую, будто энергию от него получаю, вроде как подзарядка идёт. Не знаю, как объясняет это явление наука, но все мы, кто там был, почувствовали тогда одно и то же, но в разной степени. Вы, наверное, думаете: сказки рассказывает. А тогда скажите, почему из глубины веков у людей тяга к камням?

— Потому что мир един, и мы больше чувствуем, чем знаем. Обладая различными химическими и физическими свойствами, аккумуляруя солнечную энергию и тепловую энергию недр, минералы имеют свои индивидуальные особенности. Камень — порождение природы. И человек тоже. Всё в мире находится во взаимодействии, взаимосвязи. Ничего нет удивительного в том, что камень может влиять на здоровье, настроение человека. Это, возможно, объясняется воздействием на биополе живого организма электромагнитным полем минерала. Вопрос этот не изучен ныне, но люди в результате многовековых наблюдений над природными явлениями накопили опыт, который они смогли облачить в гороскопы, где определённые камни предназначены судьбой людям, родившимся в таком-то месяце. Надо сказать, что здесь много фантазии, но никогда нельзя отрицать опыт поколений. Люди наблюдали, думали, обобщали, и наивно считать, что были они намного глупее нас. Я заметила, что с камнями, как с людьми — с одними чувствуешь себя спокойно, уютно, уверенно, с другими — в душе переполох. Вроде психологической совместимости. Я понимаю, что суждения и ощущения мои субъективны, они не опираются на научные факты, а всего лишь мои личные выводы, предположения, гипотезы, попытки как-то для себя объяснить извечную тягу человека к камням.

— Как хорошо вы говорите. А я сначала подумал, что вы надо мной смеяться станете. А сейчас слушаю и понимаю: вы искренне любите камни, дружите с ними. Можно я подарю вам топаз?

Не дожидаясь ответа, он встал, прошёл в угол, вытащил из ящика камень золотисто-винного цвета и протянул его мне.

— Берите, не бойтесь, не государственный, мой собственный. В свободное время фантазирую, иногда кое-что получается.

— Я не могу взять.

— Наверняка у вас есть коллекция, пополните её.

— Но коллекционеры обмениваются, а у меня при себе ничего нет. Было, но отдала,— призналась я,— коллегам по работе. Я

тут в командировке на несколько дней, сегодня улетаю.

— Вы гость — подарок мой. Случится бывать в ваших краях, взгляну, если позволите, и возьму взамен, что разрешите. Идёт?

— Да, всё, конечно, так, но живу я далеко отсюда, в Москве.

— Где-где, а в Москве все бывают. Я туда время от времени в командировку езжу. Так что встретимся обязательно. А камень возьмите на счастье. У меня рука легкая, да и камень добрый. Вам по гороскопу какой?

— Он самый.

— Тогда о чем речь? Топаз я вам дарю, потому что он вам судьбою предугадан, а вот перед тем, как мы расстанемся, я хотел бы показать вам рождение картины камня. На удачу,— он взял кусок зеленоватой яшмы, включил алмазную пилу. Вгрызаясь в камень, стальной диск с алмазной насадкой накалился, почувствовался запах калёного. Струйки воды шипели, охлаждая поверхность пилы и камня. Отрезанной гранью Николай коснулся корундового шлифовального диска. Обнажилась картина — зелёные волны омывали зелёные берега, зелёные чайки почти сливались с зелёными змейками молний.

— Хорошо, но не очень. Возьмём вторую половину, может здесь фантазии больше.

Он снова включил шлифовальный круг, и сквозь зелёные волны и берега прорезалась тоненькая нервная нить — молния, а берег заиграл оранжевым солнцем, которого не видно было.

— Какая прелесть!

— Да, это хорошо. В камне многое скрыто, но не всегда получается вытащить рисунок на поверхность.

Он срезал необработанный край, чтобы камень мог стоять:

— На ваш письменный стол в память о сегодняшней встрече,— он протянул мне камень, и я заметила, что улыбается он только глазами, а губы сжаты.

— А вы сегодня улетаєте?

— Да, мне уже, наверное, пора,— я взглянула на часы. Они стояли. Я спросила время. Вот это да... Мой самолёт улетел. Я не заметила, как в разговоре, да с чаепитием, да со шлифовкой камня промелькнуло время. Мне было ужасно стыдно.

— Я провожу вас до аэропорта,— сказал он и стал одеваться,— как щеки, не болят больше?

— Щеки не болят,— ответила я и незаметно из сумки взяла таблетку валидола. От стыда за свою безрассудность мне стало нехорошо. «Сколько осталось денег и сколько процентов штрафа я должна заплатить за билет? — молнией пронеслось в голове,— и нельзя допустить, чтобы этот незнакомый человек был свидетелем моей безалаберности».

— Благодарю вас за всё и жду в гости, но провожать меня не надо, это хлопотно, я управляюсь сама.

— Однако, не знаю, как там в Москве, но у нас в Сибири всё же принято провожать.— И он, решительно взяв меня под руку, вывел из помещения.

За полчаса на такси мы доехали до аэропорта.

— Когда ваш самолёт? — спросил Николай.

Я промолчала. Мы направились в зал ожидания. Я молила Бога, чтобы или мой самолёт не улетел, или мой спутник затерялся бы тут где-нибудь среди людей. Но такие не теряются. И тут диктор монотонно и торопливо оповестил, что мой самолёт задерживается с вылетом до 24 часов. Я присела на скамейку — ноги меня не держали. Слезы полились раньше, чем я успела достать платок. Николай был обескуражен:

— Почему вы плачете? Вам так срочно надо быть дома? Вы боитесь, что вас не встретят?

— Нет. Просто мой самолёт должен был улететь два часа назад. Но он подождал меня и сейчас ещё не торопится увозить отсюда.

— Время работает на нас. А не выпить ли нам шампанского за знакомство и за своевременный приход на посадку? Вернее, за преждевременный.

В ресторане аэропорта народа было немного, все тепло одетые, и валенки моего кавалера ничье внимание не привлекли. Мы долго сидели за столиком и говорили, говорили, словно боялись не успеть что-то сказать. Никто нас не торопил, а официантка, получив от Николая хорошие чаевые, ласково улыбалась и, проходя мимо с подносом, как бы невзначай проронила: «Бывают же счастливые люди!».

Продолжение знакомства

На заседании кафедры мою командировку отметили как «результативную». Это слово я стала мысленно обыгрывать. Результатом моей поездки для меня лично стала моя переписка с Николаем. Он писал удивительно простые и мудрые письма. В них — мысли большого порыва, как набухшие почки деревьев ранней весной, когда распускаться ещё рано, но каждый стебелёк, каждая ветка устремлены вверх, к небу, к солнцу. Его письма хороши были тем, что каждое слово, каждый образ и мысль были в них весомы. И ещё чувствовалась в них энергия человека, крепкого духом. Жизнь его мало щадила, да он и не нуждался в пощаде. Даже наоборот — препятствия, неудачи, провалы считал для себя стимулом. Но самое главное — я чувствовала его намного сильнее себя. Это инстинктивное чутье заложено в людях и животных, однако животные гораздо тоньше воспринимают друзей и врагов, слабых и сильных. А люди умеют обманывать себя и других. От этого много неправильностей, бед случается в жизни. Особенно между близкими людьми, где противоестественность неизбежно порождает зло, а вслед за этим — разъединение. В Николае чувствовалась прямолинейность и внутренняя одержимость. Такой не свернет с пути, не станет долго думать и прикидывать, когда решать надо незамедлительно, не будет суетиться, а действия его должны быть размерены и суждения весомы. Всё, чем наделила его природа, в нём гармонично сочеталось. Он знал своё дело и работал с удовольствием, творчески, с запалом. Так должен работать настоящий мужчина, настоящий художник своего дела, чтобы всего себя, без остатка, отдать работе. И тогда он получит вознаграждение — и признание, и любовь...

В письмах он так романтически описывал камни, которые проходили через его руки, получая второе рождение, что образы как бы отделялись от страниц и живо присутствовали рядом. Последнее письмо было радостным: на городской художественной выставке его работы получили первую премию. Он решил на премиальные поехать по туристической путевке в Москву в начале лета. Что ж, это интересно. Но до лета ещё далеко. Я возвращалась с работы поздно. На чётком фоне лилового неба чёрным силуэтом выделялись ветки голых деревьев. Неожиданно ветер погнал облака. Они на ходу растягивались, уплотнялись, таяли. На облака невозможно смотреть равнодушно, они притягивают, рождают фантазии, мысли, ассоциации. Облака — это чудо из чудес. Белые, плотные, как полушария мозга вездесущего, как первооснова. И извилины видны, — это память, это шрамы. Облака, облака! Снежные, дождевые, ветром гонимые, вихрем вздыбленные, солнцем разукрашенные, радугой обнятые, ночью замурованные, луной посеребрённые, — к вам обращаю взор и память, а вы смотрите на меня, как на своё повторение и вольно плывёте по небу...

Разрыв

Накануне 8 марта возвратился Костя. Он примчался прямо с вокзала, без звонка, без телеграммы, с охапкой цветов.

— Знаешь, я никогда не скучал по тебе так, как в этот раз, — он был возбуждён, говорил скороговоркой, никак не мог расстегнуть «молнию» на куртке — «заело», от резкого движения с кончика носа свалились очки и разбились.

— Ой, ты у меня как в тумане теперь. Что ж, буду украшать мой туман. Там, где я был, такие пиропы! А местные ювелиры — ну просто волшебники! Сейчас, разберусь и... закрой глаза.

Господи, как он волнуется, душа чуть не выпрыгнет. Пока он возит-ся со своими вещами, я бегу на минутку на кухню включить газ, ведь надо же его накормить с дороги, наверняка, он голоден, как волк. Звоню в дверь.

— Костя, открой, — кричу я из кухни.

— Это телеграмма.

— Так возьми её.

Бледный, как снег, Костя протягивает мне телеграмму: «Поздравляю праздником. Мысленно рядом. Обязательно приеду. Николай».

...Вот и всё. Костя ушел тихо, как уходят с похорон.

И какая жуткая тишина! Будто мир вымер, будто все нити оборвались. Тонкие, паутиновые нити чувств, незримо соединяющие людей! Как вы прочны — ветром ураганным не разорвать, пламенем не испепелить! Как хрупки вы — взглядом чуждым, словом неурочным — как косой острой по траве сочной. Невыносимо больно терять дорогих людей, вдвойне тяжко — сознавать свою вину и невозможность изменить что-либо. Всепрощающий Костя, не прощай меня на этот раз, так будет лучше всем.

* * *

А время скатывало дни, как древний поэт папирус. Скупыми иероглифами уходили в прошлое встречи и разлуки. А будущее — белый лист бумаги, на котором неизвестно какими красками обозначит судьба свои сюрпризы. Может, это будет вот так: я беру в руки зелёную яшму — сибирский подарок, где бушует море с прорезавшейся алой змейкой-молнией. А в глубине — чёрные тучи. Если камень поставить на другую грань, то сюжет картины меняется — это заснеженный горный хребет и над ним — лёгкое зарево, восход солнца, надежда нового дня. «Пока дышу — надеюсь».

Гость

Наступило лето, и ко мне явился гость. Позвонил из аэропорта и добрался на целый час раньше, чем я предполагала. Звонок в дверь. Ну вот, как всегда, я что-то не успеваю сделать. Затеяла перед его приходом камни в порядок привести, да так на половине и остановилась.

— Проходите, пожалуйста, только у меня здесь раскордаж небольшой, не обессудьте, не рассчитала.

Он будто и не слышал моих извинений, прошёл в комнату, сел в кресло, и, закрыв глаза, как бы воскрешая что-то в памяти, сказал:

— У меня такое чувство, что я здесь уже когда-то был.

— Увы, к сожалению, нет.

— Наверное, оттого так кажется, что я много о вас думал и именно так представлял ваш дом. А где же сын?

— На Дальнем Востоке. Золото ищет. А ваш?

— Мой теперь в Слюдянке. Попросил, чтобы после института его туда направили, там его мать живет, к ней поближе. Считаю, что правильно.

Он вышел в прихожую за портфелем:

— А я вам что-то привёз, смотрите.

Отшлифованные камни: яшма, кремень, агат. Сложного рисунка пейзажи с выразительной красочной гаммой. Сколько видела я их на своем веку! И всегда удивлялась и восхищалась, как впервые, всякий раз придумывала варианты толкований каменной картины, фантазировала, даже иногда записывала свои фантазии.

— Это волна, и это тоже! Только первая волна устала и отдыхает, а вторая — разъяренная, нет, скорее — весёлая, потому что светлая. А на агате — сфинкс, самый настоящий, ну прямо тот, что в Гизе пирамиды сторожит.

Он смотрел на меня, как на ребёнка, обрадованного рождественским подарком, и улыбался, и улыбка его чуть заметна была в искорках глаз. Я утихомирилась.

— Николай, вы с дороги, устали, мне бы вас к столу пригласить, а я...

— Всё очень хорошо. Я именно так и представлял нашу встречу.

— Вот сюда садитесь, к столу. Я мигом, на кухню. Вы гость, и я должна вас встречать и потчевать.

Я включила восточную кофеварку. Маленькие турки, поставленные в песок, медленно прогреваются, наполняя воздух крепким ароматом кофе. Наверное, давно замечено людьми, что застолье снимает напряжённость, раскрепощает людей мало знакомых.

Наш разговор снова вернулся к камням. Он рассказал, где их нашёл, как шлифовал, что чувствует в узорах, проступивших сквозь миллионы лет тьмы. И слушать его было большим удовольствием.

— Когда я сюда летел, то загадал: если вы почувствуете в этих каменных картинах то же, что и я, то...

Он не договорил, а, достав записную книжку, стал читать:

— Волна выплеснулась на отмель. Красновато-жёлтый песчаный мыс давно привлекал её своим спокойствием. Волна устала от борьбы и скитаний и в бессилии распласталась на прогретом песке. Её гордые формы, вычурный гребень, норовистый характер как-то сразу сникли, расплывшись бесформенной лужицей по молотому песку и гладкому галечнику. Волне (бывшей волне, теперешней лужице) было спокойно, тепло, — так всегда бывает на отмели. В её воде перемешались водоросли, медузы, моллюски, погибшие при шторме. Мелкий, будто молотый, песок не давал бывшей волне, теперешней лужице, дышать, а гладкие камни не настраивали на поединок. Гладкий — он и есть гладкий.

Я слушала, не дыша. Он будто выбирал слова из моей души.

— А вот это — о другой волне:

«Увидел ветер размазанную по мысу волну, сдул её в горсть и выплеснул снова в море. Знакомая прохлада прошла по зелёному телу волны, возвращая её к жизни. Свежие потоки смыли затхлый запах отмели, взъерошился пенистый гребешок, налилась силой гордая стать, и пошла волна озорничать, крушить, разбиваться. А ветер продолжал резвиться на морском просторе, игриво закручивая белопенные гребешки волн, поднимая сатанинские смерчи до самого неба, устало сбрасывая их вниз».

— Николай, вы волшебник.

* * *

Николай остановился с туристской группой в гостинице и целыми днями, когда я была на работе (кончалась летняя сессия), занимался своей программой. Свободное время мы проводили вместе. Я знакомила его с Москвой по-своему, не как экскурсовод, а учитывая его профессиональный интерес. Он был очень восприимчив. Чувствовалась не только начитанность, но хорошая память, быстрая реакция. Однажды, проходя по Тверской, я обратила его внимание на цоколь дома между Центральным телеграфом и зданием Моссовета, сделанный из тёмно-красного, крупнозернистого гранита.

— Это не наш камень. Скорее всего, скандинавский,— сразу же определил Николай.

— Правильно. Скандинавский. У этого камня необычная история. Когда после окончания войны наши строили памятник советским воинам-освободителям в Трептов-парке в Берлине, но не хватило гранита. Стали искать, и нашли на Одере замаскированный тайник гранитных блоков.

— Все ясно. Им Гитлер хотел отделать комплекс административных зданий в Берлине, обрамляющих плац — площадь военных парадов. Это величественное сооружение длиной в пять километров должно было быть построено в ознаменование победы Германии над Советским Союзом. Гитлер, будучи уверен в успехе, отправил эшелон гранита в Москву. Вот он и пригодился.

— Откуда ты всё знаешь?

— Не все. Вот я, например, не знаю, как пройти к тем местам, где ещё использовали этот гранит.

— Для облицовки парапетов на площади Пушкина и фонтана у Большого театра.

Он взял меня под руку, и мы ускорили шаг. Я поймала себя на мысли: что нравится мне в этом человеке? Его естественность, мужество, природный ум, талант? Но ведь это — общие слова. Нет, наверное, люди всю жизнь ищут (кому повезет — находят!) своего человека, того, кто наиболее с ними совместим. Ну, вроде как — тканевая совместимость при пересадке органов. Что-то чужое организм воспринимает, а что-то ну никак! Мой большой жизненный опыт подсказывает мне, что этот человек — из одного корня со мною вырос. Я чувствовала, что на него можно опереться, хотя привыкла к полной самостоятельности. С ним легко говорить и легко молчать. А ещё — как интересно он угадывает мысли: слово в слово! Даже страшно! И не подумай! — всё, как на экране. Говорить можно много, а суть всегда высказывается коротко: Николай — тот человек, с которым мне хорошо.

Мы шли по Большому Каменному мосту, любуясь красотой солнечного дня: справа сверкали башни соборов старого Кремля, чуть дальше красовался собор Василия Блаженного, внизу чёрным лаком отливала Москва-река.

Мы подошли к перилам. Я люблю смотреть, как течёт вода. Я видела воду морей, океанов, многочисленных рек и озёр, и всегда, когда смотрю на водную зыбь, память воскрешает давние странствия.

— А не поехать ли нам на море? — предложил Николай. — Время отпусков совпадает. Экзамены твои закончились?

— Да, я с сегодняшнего дня свободна, как ветер. Но я как-то так сразу не могу.

— С палаткой? В Прибалтику? Пошли за билетами?

А вот это, кажется, по мне. На душе стало светло и радостно от мысли, что можно так вот легко сняться с места и умчаться, не зная толком, куда? «А не мираж ли все это?» — перекрывая радость, пронеслась тревожная мысль.

Николай обнял меня и, наклонившись, тихо сказал:

— Всё будет хорошо. Как ты скажешь, так и будет.

И был день, полный радостных забот, хлопот, сборов в дорогу. И была ночь. Тёплая, летняя, звёздная. И была тишина, а в тишине — только дыхание и частое биение сердца. И бесконечность поцелуя. И не расстаться, не разделиться. «Мой человек. Его ждала». «Ты мне очень родная», — сказал он. — Я знал тебя всегда». Может, счастье — это совпадение и гармония мыслей, чувств? Или этого мало? Да, конечно. Надо, чтобы вот такая сильная рука, пульс которой я слышу, крепко обнимала меня, и чтобы не было желания и сил вырваться из этих объятий.

Оранжевое моё солнце

Добравшись до Светлогорска, мы наскоро установили палатку в основном лесу на высоком откосе, и вышли к морю. Седые балтийские зори скупы на солнце, но случается день-другой яркий, безоблачный, и тогда море играет бриллиантами. Нет, не бриллиантами. Балтийское море играет янтарями, время от времени выбрасывая окаменевшую смолу со дна.

Нам везёт. Судя по всему, вчера был шторм, а сейчас присмирившее море отодвинулось от берега, оставив на прибрежной полосе водоросли, коряги, гальку. Мы идём по мелкому, вымытому песку. Прямо шёлковый! Нигде такого нет. И нигде нет больше такого моря, щедро на янтарь, как Балтийское,— ежегодно оно выносит из пучины своей до сорока тысяч тонн янтаря.

Николай нашёл тёмный янтарь, снял перочинным ножом с него кожицу окисла, и открылся тёмно-вишнёвый цвет его.

— Первый сорт — кляр!

— Янтари цвета «крови дракона» носили члены правящей династии в Древнем Китае и Японии.

На светлом песке выделялся чёрный камень. Я прошла мимо, но потом все-таки вернулась — не сланец, янтарь!

— Ты посмотри! Чёрный янтарь — любимый камень римского императора Нерона. А вот совсем белые два кусочка. Это разве только что для курения в те дальние времена.

Николай взял их, осмотрел и сказал:

— Четвертый сорт. Костяной. Но его можно просветлить, если проварить в жире или в льняном масле.

— Как интересно. А я и не знала!

— Янтарь при нагревании,— а он плавится при температуре около трехсот градусов по Цельсию,— очень меняет окраску, свои качества. Но вмешательство в хороший природный янтарь — излишне. Можно и нужно подправлять слоистые, пенистые, загрязнённые и вскрышные, то есть с толстой коркой окисления, янтари.

— А мы что-нибудь интересное из них сделаем?

— Конечно, всё, что ты захочешь. А знаешь, сколько оттенков у янтаря?

— Двести.

— Сейчас уже считают, что триста пятьдесят. Если собрать много янтаря, то можно показать в витрине переходную гамму его цветов.

Николай нашел янтарь золотистого цвета и отдал его мне. Оранжевое солнце взошло над морем и тёплым светом окрасило камешки на ладони. Николай взял мои руки в свои, большие.

— Холодно?

— Теперь нет. Посмотри, как солнце играет на янтарях. Красиво. Правда?

— Очень. Они — как счастливые дни жизни. Особенно вот этот, — он указал на золотистый, только что найденный. Он обнял меня и нежно поцеловал.

Бывают минуты, когда необходимо побыть одному, чтобы ни словом, ни движением не нарушить состояния, вдруг посетившее тебя.

Ни год, ни два, а тысячи веков минувших и тысячи веков грядущих душа моя тебя искала на планете, где перемешаны моря, материки, пустыни, звери, люди, птицы... тебя искала и нашла, чтоб миг остановить, глаза увидеть близко и на понятном языке услышать речь, с тобой почувствовать всю прелесть бытия.

Я легко отстранила Николая и отошла в сторону с моими янтарями. Мне надо было поговорить с ними.

«Кто сказал, что янтарь — недрагоценный? Влажный от моря, играющий на солнце, лежащий на ладони — нет тебя драгоценнее. Я так долго искала тебя, шла по берегу жизни и собирала разноцветные камешки: чёрные, белые, серые, красные — дни моей жизни. А теперь ты, моё оранжевое солнце, корявый кусочек янтаря, смотришь и понимаешь меня, я слышу, что понимаешь. Я пойду с тобой вместе по берегу жизни и буду дальше собирать камешки — чёрные, белые, разноцветные, столько, сколько мне отпущено. А ты оставайся, не покидай меня, мое обрётённое солнце».

Содержание

<i>Встреча с будущим</i>	3
<i>Камень истины и любви</i>	4
<i>Волшебный мир камня</i>	18
<i>Несколько слов о минералах</i>	25
<i>Нет худа без добра, как и добра без худа</i>	29
<i>А жемчужины — врассыпную...</i>	33
<i>И поселилась вместе с нами тоска за каменной стеной...</i>	34
<i>Радуга</i>	37
<i>Конец — это тоже начало</i>	38
<i>Жара, арбузы, Регистан</i>	40
<i>Однолюб</i>	46
<i>Неожиданная встреча</i>	49
<i>«Великолепная десятка»</i>	60
<i>Отовсюду, обо всём</i>	69
<i>...А флейта пела о любви</i>	81
<i>Завтрак на траве</i>	83
<i>Компаньон</i>	98
<i>У края кратера</i>	100
<i>Счастливей камень</i>	104
<i>От себя не уйдёшь</i>	105
<i>«Прощай, моя радость»</i>	108
<i>В Африке</i>	110
<i>Мир тесен</i>	118
<i>«Не сотворите кумира себе»</i>	119
<i>Чудак</i>	124
<i>Ожившие узоры</i>	129
<i>Продолжение знакомства</i>	135
<i>Разрыв</i>	136
<i>Гость</i>	137
<i>Оранжевое моё солнце</i>	141
<i>Содержание</i>	143

Людмила Ивановна Стасенко
ЛЮДИ И КАМНИ

Редактор Галина Турчина
Дизайнер Ольга Ковалевская
Фото автора и Игоря Лобанова
Корректор Валентина Шерменева

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Объём 9 п.л. Тираж 1000 экземпляров.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6